

ISSN 2309-1584

НАЗИРОВСКИЙ
АРХИВ

№2 (4), 2014

ISSN 2309-1584

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

НАЗИРОВСКИЙ АРХИВ

Научный журнал

Основан в 2013 г.

Выходит 4 раза в год

№2 (4), 2014

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПРИАМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА»

Главный редактор:

Б. В. Орехов, кандидат филологических наук (Москва)

Зам. главного редактора:

С. С. Шаулов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

Редакционная коллегия:

В. В. Борисова, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Е. А. Выналек, кандидат филологических наук (Вроцлав)

А. А. Галлямов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

П. Н. Толстогузов, доктор филологических наук, профессор (Биробиджан)

С. М. Шаулов, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Редактор — Е. Подгорная, редактор английских текстов — И. Иваненко,
компьютерное макетирование — Д. Муслимов, технический редактор — А. Юсупова,
дизайн — Д. Муслимов

Назировский архив — электронный журнал

Адрес в Интернете:

<http://nevmenandr.net/nazirov/journal.php>

Адрес редакции:

450000 г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. к. 420

e-mail: nevmenandr@gmail.com

Ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 30.12.2013. Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 9,31.

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

© ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2013

© Редакция журнала, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

С. С. Шаулов Номенклатура Назировского архива. Дополнения 4

Публикации

<i>Р. Г. Назиров</i> <Материалы к истории романа>. Предисловие и публикация <i>С. С. Шаулова</i>	7
<i>Е. А. Выналек</i> Предисловие к публикации «Истории Польши» <i>Р. Г. Назирова</i>	62
<i>Р. Г. Назиров</i> Древняя история Польши. Зарождение наций и государства. Публикация <i>Е. А. Выналек, С. С. Шаулова</i>	65
<i>Р. Г. Назиров</i> Женоподобие шамана и жреца. Предисловие и публикация <i>С. С. Шаулова</i>	100
<i>Б. В. Орехов</i> Малая проза в дневниках <i>Р. Г. Назирова</i>	119
<i>Р. Г. Назиров</i> <Дневниковые записи о малой прозе> Публикация <i>Б. В. Орехова</i> .	122

Биографический отдел

<i>Р. Г. Назиров</i> Автобиография <1958 г.> Предисловие и публикация <i>С. С. Шаулова</i>	129
<i>Р. Г. Назиров</i> <Дневниковые записи о родителях> Предисловие и публикация <i>С. С. Шаулова</i>	132
Стенограммы обсуждения докторской диссертации <i>Р. Г. Назирова</i> . Предисловие <i>Б. В. Орехова</i> . Публикация <i>Б. В. Орехова</i> и <i>С. С. Шаулова</i>	137
Выписка из протокола № 4 заседания кафедры истории русской литературы Ленинградского Университета им. А. А. Жданова от 16 ноября 1979 года. Публикация <i>С. С. Шаулова</i>	146
<i>А. Л. Осоват</i> О <i>Р. Г. Назирове</i> . Интервью <i>Б. В. Орехова</i>	148
Портреты литературоведа в молодости	156

Исследования

<i>Б. В. Орехов, С. С. Шаулов</i> Концепция мифа у <i>Р. Г. Назирова</i> (доклад в ЦТТСФ РГГУ, 16.09.2013)	161
<i>И. В. Имаева</i> Концепция истории русской фабулистики у <i>Р. Г. Назирова</i> и некоторые проблемы изучения фольклорно-литературных связей	178

Рецензии

<i>С. С. Шаулов</i> <i>Р. Г. Назиров</i> . Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход.	184
---	-----

Библиография

Дополнения к библиографии <i>Р. Г. Назирова</i>	191
Правила для авторов	192

Номенклатура Назирова архива. Дополнения

После смерти Р. Г. Назирова в силу ряда причин его архив оказался разделен. Большая часть осталась в квартире ученого, и была описана его сестрой Д. Г. Назировой, разделившей общий фонд архива на три категории по формам хранения: папки, пачки документов и пачки документов с literой «Д»¹. Однако другая часть была перевезена в квартиру Д. Г. Назировой, где и хранилась до самой ее смерти в 2010 году.

Позднее открытие этой части архива повлекло за собой расширение представлений о научном и творческом наследии Назирова. Именно в ней нашлись его дневники, охватывающие двадцать лет его жизни с 1950 по 1971, обширная летопись XIX века, ряд папок и пачек с материалами и исследованиями разной тематики. Поскольку к этому моменту уже была разработана номенклатура архива, для этих материалов мы вводим еще одну — четвертую опись. Деления по формам хранения (папки, пачки и др.) в ней не будет. Однако Д. Г. Назирова, сохранила авторское распределение материалов на папки и пачки, дав основания для деления описи на дела.

Наибольший интерес на данном этапе работы с наследием Назирова представляют именно дневники. Большая часть дневников написана в обычных школьных тетрадях (исключение — дневники начала 1950-х, записанные в самодельных тетрадях, сшитых из листов писчей бумаги). Дневники в целом были разделены в архиве на четыре больших пачки, внутри которых содержатся связки по годам:

1) Пачка «1950—1955» внутри делится на две связки — «1950—1951» и «1951—1955», содержит в общей сложности более 650 листов.

2) Пачка «1956—1958» — большой массив тетрадей, более 900 листов.

3) Пачка «1958—1962» разделена на связки «1958—1961» и «1961—1962» и содержит в общей сложности более 500 листов.

4) Пачка «1962—1971» делится на связки «1962—1963», «1964», «1965» и «1966—1971»; в целом более 700 листов.

Деление дневника на пачки и связки, видимо, отражает представления Назирова о своей биографии. Частично эти представления можно реконструировать. Так, например, 1962 — год поступления Назирова в аспирантуру филологического факультета МГУ, безусловно, очень важная для него веха. На 1958 год приходится завершение его работы (по распределению, после учебы в БГПИ им. К. А. Тимирязева) в школе села Бишкаин и начало журналистской карьеры. С другой стороны, не вполне понятно, что заставило Назирова поделить дневник по 1955 году.

¹ См. о текстологии архива в целом и принятой номенклатуре ссылок: *Орехов Б. В.* Текстология Назировского архива // Назировский архив. 2013. № 1. С. 145—159.

Как бы то ни было, в описи мы сохранили это деление на уровне связок тетрадей, установив следующее деление на дела:

- 1) дело № 1, «Дневник 1950—1951 гг.»;
- 2) дело № 2, «Дневник 1952—1955 гг.»;
- 3) дело № 3, «Дневник 1956—1958 гг.» Для удобства хранения цифровых копий листов дело имеет два раздела. В ссылках обозначается № 3а и № 3б;
- 4) дело № 4, «Дневник 1958—1961 гг.»;
- 5) дело № 5, «Дневник 1961—1962 гг.»;
- 6) дело № 6, «Дневник 1962—1963 гг.»;
- 7) дело № 7, «Дневник 1964 г.»;
- 8) дело № 8, «Дневник 1965 г.»;
- 9) дело № 9 «Дневник 1966—1971 гг.» Для удобства хранения цифровых копий листов дело имеет два раздела. В ссылках обозначается № 9а и № 9б;

Соответственно, архивная ссылка, например, на первую страницу дневника выглядит так: АРГН, оп. 4, д. 1, л. 002.

Несмотря на принадлежность к одному жанру, дневники Назирова представляют собой весьма разнородный фонд. Судя по очень небольшому количеству помарок и исправлений, только меньшая часть из них представляет собой непосредственную фиксацию каждодневных событий и чувств. Текст большей части дневниковых тетрадей не производит впечатления спонтанного ни с содержательной, ни с текстологической точки зрения. М. С. Рыбина, публикатор «Ленинградской тетради» — дневника лета 1952 года, рассказывающего о неудачной попытке поступления Назирова в ЛГПИ им. А. И. Герцена, — указала на его литературный характер: «“Дневник молодого человека” динамично развивается как сюжет «романа карьеры»: приезд молодого провинциала в столицу, интерес к истории Французской революции и «наполеоновские» планы. На то, что это моделирование отчасти сознательное, указывает девиз Растиньяка “Parvenir!” (запись от 2 июля 1952 года)»². Правда, это ценное наблюдение в кратком предисловии к публикации не получило должного развития, однако сама по себе возможность такого впечатления уже показательна.

Интересно также, что в некоторые тетради вложены листы, дублирующие их содержание и похожие на черновики к ним. Так, последняя тетрадь дневника, имеющая длинный заголовок «Правдивый отчёт о поездке в Ленинград и в Старую Руссу в ноябре 71 года. Юбилейные торжества (150-летие Достоевского). Люди и мнения»³, содержит в себе отдельный лист из блокнота с беглым изложением части событий⁴. Представляется очевидным, что записи в тетради, по крайней мере, в этом случае предшествовала быстрая фиксация впечатлений в «формате» записной книжки.

Таким образом, ближайшей задачей текстологического изучения дневников является классификация их по степени «литературности/дневниковости», выявление дублирующих листов, а с литературоведческой точки зрения — выявление литературных претекстов и ориентаций их автора.

Сергей С. Шаулов, Башкирский государственный университет

2 Рыбина М. С. «Ленинградская тетрадь» Р. Г. Назиров. Предисловие к публикации // Нева. 2014. № 6. С. 168.

3 АРГН, оп. 4, д. 96, л. 0032—0077.

4 АРГН, оп. 4, д. 96, л. 0044—0045.

Публикации

Р. Г. Назиров

<Материалы
к истории романа>

Предисловие к публикации

Публикуемые материалы¹ представляют собой один из этапов подготовки учебного пособия по истории романа. В отличие от публикуемой в этом же номере «Истории Польши», по всей видимости, писавшейся для себя, этот текст был рассчитан на экспорт из творческой лаборатории Р. Г. Назирова. В пользу этого соображения говорит то, что помимо черновых вариантов истории романа мы обнаружили машинопись, которая и легла в основу настоящей публикации. Как ясно из сравнения с другими аналогичными материалами архива сведённые вместе заметки для себя до этапа машинописного текста обычно не добирались.

В то же время характер ссылок оставляет ряд вопросов. Автор явно упоминает не все источники, которые обобщает и реферировывает в этой работе, хотя полнота ссылок и не строго обязательна в учебном тексте. С другой стороны, текст стилистически выверен, последовательно скомпонован как учебное пособие. Может быть, в планах автора была дальнейшая работа, результатом которой стало бы появление полноценного учебника.

Сам по себе анализ произведений находится в этом пособии на втором плане. Назиров больше внимания уделяет типологическим отношениям, генетическим связям текстов и описанию их контекста. В итоге получился широкий историко-культурный обзор жизни жанра от античности до позднего Возрождения.

Публикаторам неизвестно, читал ли Назиров специальный курс по истории романа. Однако отдельные примеры и обобщения использовались им в курсах введения в литературоведения, истории русской литературы, истории эстетических учений и т.д.

Кроме того, эти заметки занимают важное место в развитии научных интересов и взглядов Назирова. По всей видимости, текст был создан на рубеже в начале 1970-х (как «последняя советская работа» упоминается сборник «Античный роман», изданный в 1969 году). В этой связи интересно, что, несмотря на постоянный интерес Назирова к зарубежной литературе, в его прижизненной библиографии исследования широкого культурологического плана появляются только в 1980-х годах. По всей видимости, им предшествовал длительный этап накопления и систематизации информации. «Материалы к истории романа» — один из текстов, отражающих этот процесс.

Сергей С. Шаулов
Башкирский государственный университет

¹ АРГН, оп. 1, д. 166.

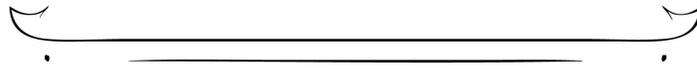
Античный роман,

происхождение и понятие

Эпоха эллинизма датируется началом III века до н. э. — В греческой литературе этой эпохи очень велика была историографическая продукция. Рядом с ней возникли различные псевдоисторические жанры: псевдопутешествия, становящиеся оболочкой для этнографической утопии — картины идеального общества в далёких странах (Эвгемер, Ямбул); мифологическая хроника, рационализирующая миф и превращающая его в псевдоисторический рассказ; ареталогия — рассказ о мощи и чудесах какого-нибудь бога и его пророков; парадоксография — небылицы о чудесных явлениях природы («благодарные животные» и т. п.)... Новелла с историческим и бытовым содержанием в течение веков остававшаяся фольклорной, получает литературное оформление (Аристид Милетский). Создаются новые формы художественно-философского изложения с сатирической заострённостью. Странствующие философы-проповедники вырабатывают *диатрибу* — своего рода лекцию-фельетон на моральные темы, где свободно чередуются стилистические элементы разных жанров, «серьёзное» и «смешное» (Бион Бористенит, Телест). Философско-нравоучительная сатира принимает иногда стихотворную форму (ямбы Феникса и Керкида); в сатирах сирийца Мениппа, полуповестях, полудиалогах, проза чередовалась со стихом.

Когда Греция превратилась в провинцию Римской империи, наступил упадок великой литературы. Но потом произошло некоторое оживление (так называемое «греческое возрождение»). Поэзия осталась ничтожной, но расцветает повествовательная проза, многие жанры которой возникли ещё в эллинистическую эпоху. Рядом с историзированной мифологической хроникой (Диктис, Дарес) мы находим псевдоисторию («Деяния Александра»), фантастическое путешествие (Антоний Диоген), ареталогию (Филострат), всевозможные небылицы и страшные истории (Флегон, Элиан). Пассивный герой, стойко претерпевающий злоключения, посылаемые капризной судьбой, — одна из любимых фигур этой литературы.

Сюда же относятся и персонажи последнего повествовательного жанра античности, развивающегося в эту эпоху, — «романа». Греческий любовный роман I—III вв. н. э. (Харитон, Ксенофонт Эфесский, Ямвлих, Гелиодор, Ахилл Татий, Лонг) представляет собой повествование об идеальных влюблённых, которые остаются верными друг другу, несмотря на удары судьбы и многочисленные искушения. На первых порах героями романов были персонажи мифа и исторические или псевдоисторические фигуры. В дальнейшем роман сделался повествованием о вымышленных лицах; его действие обычно продолжают относить к прошлому, но это

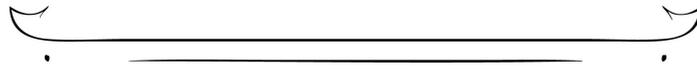

лишь идеальное прошлое греческих архаистов. Др<уг>ая отрасль этого жанра — сатирический роман нравов с комическим бытовым уклоном. Многие жанры позднегреческой лит<ерату>ры переходят в христианскую. Ареталогия продолжается в евангелиях, деяниях апостолов, житиях святых; диатриба служит источником христианской проповеди.

Мнение об абсолютной стандартности и схематичности древнегреч<еского> романа устарело. Наличие общего канона не мешало авторам проявлять своё отношение к заранее заданным героям и «запрограммированным» ситуациям. Так, согласно канону, одним из неперменных слагаемых сюжета была внезапно вспыхнувшая страсть двух юных, чистых, благородных существ, встретившихся на празднике в честь божества. Но у Ахилла Татия герои встречаются в семейной обстановке. В «Романе о Нине» между давно помолвленными двоюродными братом и сестрой любовь возникает с детских лет. У Диогена любовная тематика «за кадром»: её вытеснило сказочно-фантастическое повествование. У Ямвлиха, напротив, эротике уделено много места, что символизируется культом Афродиты, герои же — супруги с самого начала. В романе об Александре любовные мотивы едва намечены, а женитьба героя на Роксане напоминает политический союз. В философском романе Филострата любовная тема отсутствует полностью. «Сатирикон» Петрония повествует об изнанке любви. У Апулея в портретной галерее женщин любовь изображена саркастически и вместе с тем показана сказочно-поэтическая любовь Амура и Психеи.

Многим романам присуща *ирония* (Харитон и Ксенофонт Эфесский; иронией проникнуты романы Ахилла Татия и Гелиодора, не говоря уж о сатирических романах Петрония и Апулея). Античный роман — всегда смесь мотивов, жанров, форм или содержит разнородные вкрапления. Только роман Харитона чист и свободен от вставок.

Античный роман вобрал в себя как опыт фольклорного, мифологического творчества, так и достижения тех, не всегда художественных жанров (напр<имер>, риторические упражнения софистов), где нашёл выражение интерес к личности, семье, частным отношениям. Отсюда — весьма внешнее сочетание в греческом «романе» завязок и развязок, ситуаций и приключений, представляющих собой как правило бытовые варианты традиционных мифических сюжетов, с картинами эмоционального мира любящих — любви, ревности, отчаяния («Повесть о любви Херея и Каллирой» Харитона). Событийная динамика заставляет здесь *анализ внутреннего мира*, к тому же предельно статичного. Но в любовно-буколическом романе «Дафнис и Хлоя» (Лонг, II—III века) приключениям отведена уже служебная роль, а анализ чувства столь подробен, что длительное время произведение Лонга занимало положение образцового психологического романа. Последовательно развито *личностное начало* в «Золотом осле» Апулея.

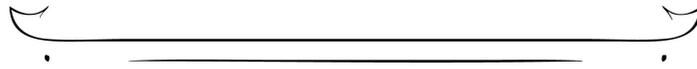
Большинство учёных согласно в том, что в античном романе отсутствует психологический момент. Отмечаются народные источники античного романа.

Уникальным романом является философский роман Филострата об Аполлонии Тианском. Это языческий роман-житие. Аполлоний Тианский жил в I веке н. э., он самый известный представитель неопифагореизма. Он родился в Тиане (Каппадокия, область Малой Азии), был моралистом и магом, творил чудеса. Умер в 97 году н. э.

«Роман о Нине» — промежуточное звено между любовной повестью и историческим романом. Этот перелом в развитии жанра связан с перемещением интереса от судеб государства к судьбам индивида. После начавшегося в I веке до н. э. упадка литературы в Греции развивается «низовая» литература как реакция на классическую, недоступную народу литературу. Популярность античных романов во многом объявлялась их занимательностью и увлекательностью. В любовно-фантастическом романе дана «квинтэссенция» занимательности: герои Антония Диогена, помимо обычных странствий, спускаются в подземное царство и даже путешествуют на Луну, в романе же Ямвлиха происходит путаница живых и мёртвых, а в героиню влюбляется призрак козла!

Проблемой остаётся развитие романа: от греческого к латинскому или от каких-то общих источников? Быть может, новеллистические черты и причудливость мениппеи характерны для античного романа вообще, а не только для его римского варианта (Варрон). Некоторые учёные считают, что у «Сатирикона» непременно был греческий «прототип» — более давний пародийный роман.

Вероятнее всего, что автором этой книги был Гай Петроний Арбитр, друг и жертва императора Нерона, покончивший с собой в 66 году в Кумах. Роман назывался «Сатуры» или «Сатирикон». Пышное здание империи предстаёт в романе с «черного хода», в жанровых сценках на площадях, в тавернах, притонах вырисовываются реалии быта средних и низших классов. Сюжетную основу составляют любовные и плутовские похождения героев социального дна. Скитаясь по стране, они воруют, проникают в дома богачей, мистифицируют искателей наследств, выдавая себя за состоятельных завещателей. Эротическая тема романа трактуется в низменно-комическом плане. Большой интерес представляет «Пир Тримальхиона» — часть романа, описывающая быт и нравы вольноотпущенников. Высмеивая с позиций аристократа и эстета плебейскую среду, автор создал сатирические типы претенциозных богачей-выскочек. В повествовательной манере «Сатирикона» сочетается изящество словесного выражения с ясным, прозрачным построением фразы. Широко представлен и бурлескный стиль, непристойные эпизоды обычно описываются с иронической эмфазой. Особый литературный и лингвистический интерес представляют образцы народного латинского языка персонажей «Пира Тримальхиона». Роман Петрония написан в форме *Менипповой сатиры* —

чередования прозы со стихами. Текст плохо сохранился, найденные рукописи составляют лишь незначительную часть романа.

«Сатирикон» — это, действительно, пародия на античный роман, пародирование и травестия литературных штампов, жанровых канонов и стилевых условностей. Это произведение многослойное; один из самых ранних романов древности, «Сатирикон» даёт яркую картину римских нравов.

При многих канонических чертах, весьма своеобразны и «Метаморфозы» Апулея. Это роман со вставками, характеризующийся двуплановостью бытовой сатиры и сказочной стихии.

Из множества литературных и фольклорных источников романисты древности берут те, что удовлетворяют двум требованиям: 1) всё занимательное, увлекательное и возвышающее над действительностью и 2) всё отмеченное вниманием к простой человеческой личности и её интимным переживаниям. Вообще говоря, это приметы романа как жанра в целом, это связывает античный роман с новым. Тем не менее, общепризнано, что античный роман завершил своё существование в древности и не имел наследников. Сам термин «роман» в применении к древности является условным. Авторские названия этого жанра различны.

Последняя советская работа — «Античный роман», сборник статей, «Наука», М., 1969.

Средневековый эпос Европы

«Энеида» была уже высоколитературным освоением классического гомеровского эпоса. Средневековая Европа с её недавними художественными традициями, с её фактическим отрывом от римских истоков (культура Рима фактически погибла), с примитивной литературной техникой и религиозной ограниченностью не была однако только временем упадка. Напротив, в здоровье, силе и непосредственной близости к мощным народным истокам средневековая Европа выигрывает в сравнении с Римом: в варварской поэзии франков, германцев, испанцев и русичей возродился родовой дух настоящего эпоса, гомеровская субстанциональность, утраченная рафинированными поэтами римского «золотого века». Средние века в известном, несколько непривычном смысле слова могут быть названы эпохой Возрождения в сравнении с декадансом утонченной римской цивилизации. С варварами Европа вернулась к Гомеру, хотя даже и не знала (или почти не знала) его имени.

Великий эпос Средних Веков составляет «типологическую аналогию» с гомеровским эпосом Эллады: тот и другой порождены эпохой перехода от рода к нации и государству (варвары Европы перешли от родового строя непосредственно к феодализму, но решающую роль играют здесь родовые истоки).

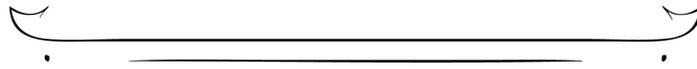
Древнейший образец варварского эпоса — это «Беовульф», памятник народно-героического эпоса англо-саксов. Эпос состоит из двух частей, объединённых фигурой легендарного героя англо-саксов Беовульфа. В I-й части Беовульф, храбрый витязь короля ютов, освобождает Данию от опустошавшего её морского чудовища Гренделя. Он отрывает руку с плечом у Гренделя, и чудовище уползает умирать. Но мстить за Гренделя является его мать, столь же сильная и чудовищная. Беовульф опускается в её подводное царство и убивает её волшебным мечом, а затем выплывает из глубин с головой Гренделя. Осыпанный дарами и оваянный славой, он возвращается в страну ютов и после смерти короля данов сам становится королём.

Так он вступает во 2-ю часть эпоса. В течение 50 лет Беовульф мудро правит ютами, но затем наступает беда. Кто-то каждую ночь опустошает деревни и посеы ютов. Это огнедышащий дракон, живущий в пещере, где воины в незапамятные времена сложили на хранение свои сокровища. Случайный прохожий унёс с собой драгоценную чашу — в отместку дракон стал выжигать посеы. Вспомнив славную молодость, Беовульф решает убить дракона. В страшной битве он убивает чудовище, но и сам, отравленный ядовитым пламенем его дыхания, умирает. По древнему обычаю, его сжигают на костре и в честь великого короля насыпают высокий холм, издалика видимый с морских кораблей.

Беовульф — могучий и самоотверженный герой, защитник людей. Смелый и беспощадный в бою, он сражается не ради славы, а ради спасения народа. В битве он стремится быть честным до конца: узнав, что Грендель не употребляет оружия, он выходит на бой с ним безоружным и одолевает его голыми руками. После этой победы, вернувшись на родину, он отдаёт все привезённые сокровища своему дяде королю Хиглаку. Бескорыстный и великодушный эпический герой.

Эпос англо-саксов дошёл до нас в единственном экземпляре, записанный в начале X века неизвестным писцом (эта драгоценная рукопись хранится в Британском музее). В основе эпоса — народные сказания, восходящие примерно к первой половине 6-го века (в «Беовулфе» нет ни слова об Англии, т. е. он был привезён на Британские острова завоевателям уже готовым) и отражающие какие-то неизвестные исторические события. Какого врага запечатлела народная фантазия в образе Гренделя или дракона? Мы об этом не знаем. Учёными установлено, что в 8 или 9 веке эпос подвергся обработке учёного книжника, внесшего в него христианский элемент. Современные английские литературоведы скептически относятся к мнению о народных истоках «Беовулфа» и склонны приписывать его индивидуальному творчеству. Я так не думаю.

Ещё более величествен по эпическому содержанию и не менее древен (или немногим более древен) по своим истокам германский эпос «Песнь о Нибелунгах», хотя он дошёл до нас в более близких редакциях, чем «Беовульф». Написана «Песнь о Нибелунгах» в начале 13 века, но вобрала в себя несколько более древних эпических

циклов (цикл Зигфрида, цикл Дитриха Бернского, сказания о гибели бургундского королевства и др.) Историческая основа эпоса — захват Европы гуннами во главе с Атиллой (Этцелем) в 5 веке н. э., но эпос родствен скандинавским сагам.

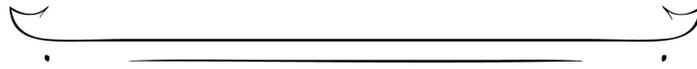
Первая половина «Песни о Нибелунгах» описывает доблести и красоту Зигфрида, сына Зигмунда и Зигелинд из Зантена в Нижней Земле (т. е. в Нидерландах, в нижнем течении Рейна).

«Ниbelунги» («сыны тумана») — владельцы несметного клада из золота и драгоценных камней. Они алчны, и золото сеет раздоры между ними. Два сына короля Нибелунга попросили Зигфрида разделить между ними великий клад. Он делит клад и получает в награду меч Нибелунга — Бальмунг (в средневековом эпосе меч героя часто имеет имя). Затем два королевича ссорятся с Зигфридом, и он своим Бальмунгом убивает и их, и 12 подвластных им великанов, после чего становится владельцем и клада, и «плаща-невидимки» (tarnkarre — плащ, делающий его носителя невидимым и придающий ему силу 10-х человек). Для овладения кладом Зигфрид убил огромного дракона (снова дракон!) и искупался в его крови, благодаря чему его кожа ороговела, тело стало неуязвимым — отсюда прозвище героя: «роговой Зигфрид». Но во время этого купанья с дерева упал лист, липовый лист, и прилип к спине Зигфрида между лопатками. Это место осталось уязвимым, как Ахиллесова пята.

Tarnkarre герой отнял у карлика Альбериха и сделал его хранителем великого клада, хранящегося в недрах горы на острове Нибелунгов. Вместе с кладом на Зигфрида переходит имя Нибелунга, а позже Нибелунгами будут называться бургундские короли, когда они завладеют великим сокровищем. Клад всегда приносит своим владельцам горе и гибель.

В своём доме Зигфрид слышит о красоте бургундской принцессы Кримхильды. Чтобы добиться её руки, он едет в Вормс, к королю Гунтеру, при дворе которого и живёт сестра его Кримхильда. Бургунды с почётом принимают Зигфрида, он помогает Гунтеру разбить воинственных саксов и данов, которые огнём и мечом опустошают землю бургундов. Затем Зигфрид с Гунтером и его вассалами Хагеном Тронье и Данквартом отправляется на дальний Север, где живёт в своём замке Изенштайн могучая Брунхильда, дева-воительница. Гунтер хочет на ней жениться, но для этого нужно победить её в состязаниях (похоже на Ахилла и Пентесилею, царицу амазонок).

Зигфрид со своей «Tarnkarre» помогает Гунтеру одолеть Брунхильду в состязаниях, а затем *ночью* укрощает строптивую невесту на брачном ложе (знаменитый фольклорный мотив «подмены жениха»). Он отнимает пояс и перстень у Брунхильды, но кладёт между собою и ею на ложе меч Бальмунг, а утром передаёт невесту *нетронутой* Гунтеру. В благодарность тот соглашается выдать за Зигфрида свою прекрасную сестру Кримхильду.

Двойная свадьба Гунтера с Брунхильдой и Зигфрида с Кримхильдой празднуется в Вормсе с великой роскошью и рыцарскими турнирами. Зигфрид на утро после первой ночи дарит жене клад Нибелунгов (*morgengabe* — утренний дар новобрачного). Затем они отправляются в Нидерланды, в Зантен. Там король Зигфрид 10 лет счастливо живёт с женой и правит своим народом.

Через 10 лет он с женой едет в гости в Вормс. Здесь между двумя королевами вспыхивает спор: чей муж прекраснее, сильнее и могущественнее? Уязвлённая высокомерием Брунхильды, прекрасная Кримхильда раскрывает тайну, что в своё время Брунхильду победил не Гунтер, а Зигфрид, и в доказательство нидерландская королева показывает сопернице пояс и кольцо, отнятые Зигфридом у Брунхильды на брачном ложе. Давний обман раскрыт, и с этого момента рождается ненависть, которая принесёт неисчислимые беды.

Месть за Брунхильду с согласия Гунтера берёт на себя Хаген, старейший вассал бургундских королей (образец вассальной верности). При сочувствии Гунтера вырабатывается план. Зигфрида уверяют, что готовится поход на вновь наступающих саксов. Кримхильда доверчиво поручает мужа заботам лютого Хагена и выдаёт ему тайну единственного уязвимого места на теле Зигфрида; в качестве приметы она сама вышивает крест на одежде мужа, на спине. Вскоре выдуманная война отменяется, вместо неё устраивается охота на диких зверей. Во время охоты Хаген, улучив момент, наносит ничего не подозревавшему Зигфриду предательский удар копьём между лопаток. Кровь героя хлынула тёмной дугой, он упал на цветы и умер.

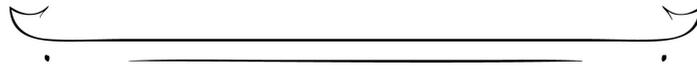
Кримхильда велит привезти в Вормс клад Нибелунгов, чтобы обратить его на месть убийцам, но Хаген похищает сокровища и погружает их в Рейн в тайном месте, известном лишь ему и Гунтеру.

Ревность Брунхильды и её позднейшая месть Зигфриду объясняются тем, что она, как сообщается в «Старшей Эдде», была помолвлена с героем задолго до появления Кримхильды. В эпосе этот древнефольклорный мотив сохранился лишь в слабом отражении: Брунхильда уже знает Зигфрида, когда он приезжает вместе с Гунтером в Изенштайн.

Вся вторая половина «Песни о Нибелунгах» изображает месть Кримхильды за Зигфрида. Общий трагический колорит эпоса резко усиливается.

Тринадцать лет оплакивает Кримхильда в Вормсе своего прекрасного мужа и лелеет мщение Гунтеру и Хагену. Ради этой мести она решается принять сватовство короля гуннов Этцеля. Она становится женой могущественного короля, к которому служат греки, валахи, поляки, руссы, «киевы» и печенеги.

Ещё через 12 лет Кримхильда заманивает своих братьев и Хагена в страну гуннов, ко двору Этцеля. Хорошо вооружённые, в сопровождении 10.000 витязей и воинов, отправляются в путь бургунды, теперь уже часто называемые нибелунгами. При переправе через Дунай вещице речные девы (*Wassernixen*) предрекают Хагену,

что только капеллан короля Гунтера вернётся на родину, а все остальные бургунды расстанутся с жизнью в далёком Хунненланде. Разъярённый Хаген хватается капеллана и швыряет его в Дунай, но, вопреки ожиданиям, капеллану удаётся выбраться на родной берег, так что Хаген видит подтверждение пророчества.

В Этцельбурге простых воинов отводят на постоялый двор, а короля Гунтера с витязями ведут в большую залу. Вечером, когда Этцель с гостями пирует в этой зале, Кримхильда приказывает гуннам напасть на бургундских воинов на постоялом дворе и всех уничтожить. Только Данкварту, брату Хагена, удаётся спастись. Он приносит страшную весть в пиршественную залу, и там вспыхивает битва. Яростнее всех дерётся Хаген, кровь хлещет ручьями, и наконец, из всех бургундов остаются только Гунтер и Хаген. Дитрих фон Берн одолевает их и передаёт как пленников королеве Кримхильде.

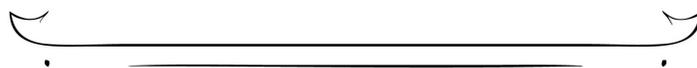
Она обещает даровать им жизнь, но за это требует от Хагена выдать клад нибелунгов. Хаген отвечает: пока Гунтер живёт, он не выдаст никому, где покоятся сокровища. Тогда Кримхильда приказывает отсечь голову её брату и показывает её Хагену. И тот раздражается торжествующим хохотом: «Теперь о кладе не знает никто, кроме меня и единого лишь бога. Ты обманута, дьяволица: от тебя он навеки сокрыт!»

В ярости Кримхильда собственноручно отрубает голову Хагена мечом Бальмунгом, который некогда принадлежал её мужу, прекрасному и весёлому Зигфриду. Сам король Этцель потрясён этой бойней. Вдруг Хильдебранд, старый оруженосец Дитриха из Берна, бросается на королеву Кримхильду и убивает её, ибо она виновна в гибели столь многих героев.

«Hier hat das Lied ein Ende: Das ist der Nibelungen not».

Историческую основу «Нибелунгов» составляют великие исторические события, сильно искажённые в передаче неизвестного поэта 13 века. Из древних хроник известно, что в 437 году гунны разрушили бургундское королевство на Рейне около Вормса, причём погиб король Hundacarius (Гунтер) «вместе со своим племенем и родом». В 453 году, после пира, на ложе германки Hildico (т. е. Hildchen, уменьшительное от Hild), внезапно умер Аттила. Более поздние источники объясняли его смерть мстью этой германской пленницы за убийство её сородичей. В «Старшей Эдде» рассказывается, что Кримхильда убила своего мужа Аттилу за то, что он заманил к себе и убил её братьев и их вассалов, не желавших ему выдать клад Нибелунгов. Кажется, она совершенно забыла, что ее братья убили Зигфрида, её первого мужа. В поэме же именно Кримхильда передаёт смерти своего брата Гунтера и Хагена, потому что они погубили Зигфрида её первого мужа.

Это говорит о том, что между возникновением языческой саги и рождением великой поэмы произошло историческое изменение родственных отношений. В первом случае мы ещё имеем дело с родовым строем, где брат стоит ближе к сестре, чем её муж: отсюда кровная месть своему мужу (Этцелю) за кровнородственного брата. Во

втором случае развитие достигло уже стадии христианско-феодалного общества, где супружеские связи имеют большее значение, чем кровные: отсюда родовая кровная месть уже не играет прежней роли. *Семья важнее рода!**

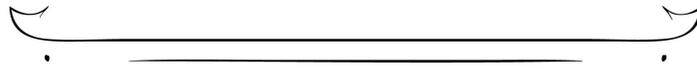
Древняя основа эпоса подверглась сильной обработке. Герои и место действия феодализованы, старая сага под влиянием рыцарского романа получает придворную отделку. Но размах и трагика событий превышают рамки этого изысканного жанра. Чем дальше продолжается рассказ, тем сильнее обнажается контраст между тонченным придворным образом жизни и трагической судьбой героев. Их деяния решают судьбы целых народов, красивые и пышные наряды, которыми так любитесь автор, не в состоянии покрыть эти исполинские фигуры и с их эпической силой и значительностью. Бушевание страстей внушает трепет. Сцены битв грубы и жестоки, кровь течёт потоками, и даже случается, что герои *пьют* её! Они ходят в церковь и слушают мессы, но в их поступках не чувствуется никакого влияния христианской морали.

Таков двойной облик «Песни о Нибелунгах»: героическая сага языческих времён предстаёт здесь в модернизированной форме, окрашенной влиянием рыцарского романа и придворной культуры.

Историческую основу имеет и знаменитый французский эпос «Песнь о Роланде». В 778, при возвращении Карла Великого из Испании, арьергард его войск был разгромлен басками в пиренейском ущелье Ронсеваль, причём командир отряда граф Роланд погиб в бою. Однако сказание об этом уже в 9—10 веках претерпело метаморфозу: баски (христиане) были замещены маврами (мусульманами), что сообщило сказанию национально-религиозную окраску. Был введён образ предателя Ганелона, так что теперь гибель отряда объяснялась изменой; Карлу были приданы черты эпического богатыря, а Роланд выдвинулся на первое место как воплощение патриотизма французского народа. Финал «Песни» — месть за гибель Роланда и полный разгром мавров. В этой метаморфозе отразились более ранние исторические события: вторжение арабов во Францию и их полное поражение при Пуатье в 732, когда Шарль Мартель разгромил Абд-ер-Рахмана. Это была несравненно более важная битва, чем местная драка в Ронсевальском ущелье. Карл Мартель остановил бесконечные завоевания арабов и спас Францию. — Древнейшая из дошедших до нас редакций «Песни о Роланде» относится к 1170 году. Несмотря на сравнительную древность истоков эпоса, в нём нет следов фольклорно-мифологических верований, это христианский эпос. Ну, конечно, характерная для эпоса фантастическая гиперболизация героев.

Ещё дальше от эпической мифологичности и древних родовых отношений великий эпос испанцев — «Песнь о моём Сиде». Поэма сохранилась в неполной рукописи 1307 года (не хватает начала), но создана около 1140 неизвестным

* Последнее предложение вписано от руки.

народным певцом — хугларом. Герой поэмы — совершенно реальное историческое лицо, рыцарь Родриго Диас де Бивар (1040—1099), прозванный Кампеадором (бойцом) и Сидом (от арабского «сеид» — господин). Если прототипом эпического Роланда явилось малозначительное историческое лицо, то герой испанского эпоса — крупнейший деятель эпохи «реконкисты» (отвоевания Испании у мавров). Народ видел в Сиде преданного вассала короля, борца за освобождение мавров и одновременно врага феодальной знати, к<ото>рая изображена жестокой подлой и трусливой. Она отличается от других произведений этого типа почти полным отсутствием фантастики и аллегорических элементов, почти документальной точностью, удивительной трезвостью, раскрытием реальных стимулов поведения Сиды. Стиль поэмы, сохраняя черты, присущие эпической поэзии вообще, напр<имер>, повторы, постоянные эпитеты и др., вместе с тем характеризуется живостью языка, иронией, изобразительной точностью.

Мелетинский указывает, что великие эпопеи, сложившиеся в древней Греции и Индии на заре рабовладельческого общества, кардинально отличны от эпических циклов, возникших в условиях раннего западноевропейского феодализма (ирландские саги, древнескандинавские песни и саги, англосаксонская поэма о Беовулфе); последние же нельзя смешивать с эпическими памятниками эпохи развитого феодализма — русскими былинами, героическими песнями южных славян, французской эпопеей о Роланде и испанской о Сиде. Некоторые памятники феодального эпоса уже обнаруживают отчётливые следы влияния куртуазного романа — «Песнь о Нибелунгах», плод переработки более ранней эпической традиции.

Пути формирования классических эпопей и эпических циклов очень различны. Отдельные памятники развились «эволюционным» путём, посредством постепенной трансформации и исторической рационализации архаических эпических и сказочно-мифологических сюжетов (напр<имер>, «Одиссея» и «Рамаяна»), либо путём контаминации разнородных источников, как сказочно-мифологических, так и собственно исторических (германские сказания о Нибелунгах). Но большинство классических эпопей развилось непосредственно из исторических преданий о важнейших событиях народного прошлого («Илиада», «Песнь о Роланде», «Песнь о Сиде», русские былины о татарском нашествии).

Поэма о Беовулфе, несмотря на заключённые в ней исторические реминисценции, носит характер повествования о борьбе богатыря Беовулфа с чудовищами (Гренделем и драконом), причём миссия героя по очищению земли от чудовищ — мотив, столь характерный для эпической архаики, — переосмыслена в сохранившейся редакции поэмы с христианской точки зрения.

Но при всём различии уровней и генезиса великих эпических памятников, существует нечто общее — дух национальной героики. В центре всегда стоит великий

и благородный герой — символ народа. Народ прославляет сам себя в Ахилле, Зигфриде, Беовулфе, Роланде, Сиде или Илье Муромце*.

Это резко отлично от прославления рода Августа в «Энеиде»*.

Из истории Британии

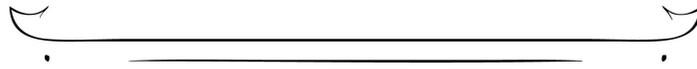
Около 4-го века до н. э. Британия была населена кельтскими племенами бриттов, стоявших на низком культурном уровне. Они верили, что различные боги населяют самые тёмные и густые чащи их лесов, и считали священными нек<ото>рые растения, напр<имер>, дуб и омелу. Бриттами управлял класс жрецов — друидов, имевших большое влияние. Некоторые старинные обычаи той эпохи сохранились в Англии по сей день. На Новый Год омела, которая становится зелёной именно в это время года, подвешивается во всех домах крестьян. Омела считалась у англичан много веков подряд символом мира и дружбы.

В 1-м веке до н. э. остров был завоёван римлянами, которых привлекали запасы драгоценных металлов в Британии (серебряные копи). Юлий Цезарь оставил интереснейшие записки о бриттах, к<ото>рых он покорял. То были свободолюбивые и непокорные люди; чтобы удерживать их в повиновении, римлянам пришлось разместить войска по всей стране. Эти лагеря легионов дали начало позднейшим английским городам. Слово «castra» (лагерь), позже произносившееся как «кестер» или «честер», сохранилось как часть названия городов Ланкастера, Манчестера, Ворчестера, Лестера и мн. др. — Римляне заставили бриттов построить дороги и мосты, а также высокую стену поперёк острова, чтобы преградить путь набегам северных дикарей. Римляне много делали для культурного развития бриттов, но никогда не смешивались с ними. Многие слова из латинского языка вошли в язык бриттов и сохранились даже в современном английском: wall — стена (от лат. vallum), street — улица (от латинского strata, дорога). К концу 4-го века нашей эры римляне, истомлённые непрерывными набегами и нашествиями варваров, оставили Британию, чтобы защищать свою пошатнувшуюся империю.

Но мир недолго радовал бриттов. Вскоре нападения морских разбойников вынудили их к постоянной боевой готовности и защите своих берегов. Среди этих пиратов было несколько германских племён — англ, саксы и юты, происходившие с северных берегов нынешней Германии и с Ютландского (Датского) полуострова. Они говорили на западно-германских диалектах, из к<ото>рых развился современный немецкий. Дикое и бесстрашное племя англо-саксов накатывалось ордами с Северного моря, и бритты, как ни пытались, не могли их изгнать. С 7-го

* На правом поле рядом с этим абзацем рукописная помета: «Назирова». Видимо, следует понимать так, что содержащаяся здесь мысль либо особо важна для автора, либо является его собственной историко-литературной находкой, тогда как остальной текст излагает обобщённые представления об истории европейского романа.

* Это предложение — рукописная вставка в основную машинопись.

века Британия становится добычей нескольких последовательных волн этих орд. Коренные жители острова бритты были вынуждены отступить на запад острова — в области, к^{ото}рые называются Уэльс, Корнуолл, Стрэтклайд (Wales, Cornwall, Strathclyde). Те, кто рисковал остаться на месте, становились рабами пришельцев и были вынуждены принять их язык и многие из их обычаев. Постепенно англо-саксы утвердились на большей части острова и утвердили свой язык, которому предстояло с течением веков стать английским.

Англо-саксы поклонялись многим богам, среди к^{ото}рых выделялись Ту или Tuesco — бог мрака, Woden — бог войны, Thor — бог грома и молнии, Freia — богиня процветания (их имена сохранились в названиях четырёх из семи дней недели в современном английском языке). Семь королевств англо-саксов, образовавшиеся на месте покорённой Британии (Кент, Сассекс, Эссекс, Вессекс, Мерчия, Восточная Англия и Нортумбрия), постоянно воевали друг с другом. Главными диалектами были вессекский, мерчианский и нортумбрианский. На западе и севере острова, а также в Ирландии по-прежнему жили кельты.

После долгой борьбы англов, саксов и ютов за высшую власть страна постепенно объединилась, стала единой нацией: в начале 9-го века первый единый король воцарился над всей страной. То был Эгберт Великий, объединивший под своим господством англо-саксонскую гептархию, и отражавший нашествия скандинавских пиратов; он умер в 839 году. Саксонский (вессекский) диалект получил преобладание над всеми другими.

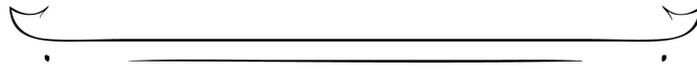
Когда англо-саксы завоёвывали Британию, у них уже были свои собственные письмена, так наз^{ываемые} *руны* (от готского «руна» — священная), которые вырезались на камне и на дереве. Руническое письмо было культовым, и письменного языка у англо-саксов ещё не было: поэмы, песни, предания передавались устно и сохранялись коллективной памятью. На севере Ютландии в 1734 был найден древний рог ютов, украшенный фигурками и символами; вокруг широкого конца рога обвивалась надпись, вырезанная рунами: «Король леса».

Песни и предания были принесены в Британию англо-саксами *извне*. Самая знаменитая эпическая поэма этого рода — «Беовульф».

Записана анонимным поэтом X века (м^{ожет} б^{ыть}), опиравшимся на оригинал VIII века), она дошла до наших дней. Эта поэма — одно из зёрен английской литературы.

«Песнь о Роланде»

Весной 778 года король франков Карл (тогда ещё не великий император) повёл военную экспедицию на Иберийский полуостров и осадил Сарагоссу. Однако вскоре он был вынужден отказаться от своих планов и отправиться с армией в Германию, чтобы подавить восстание саксов. Во время обратного перехода через Пиренеи, 15

августа того же 778 года, его аръегард, в котором находилось несколько отважных военачальников, в том числе граф Роланд, был окружён в ущелье Ронсеваль и уничтожен — но не сарацинами, а бандой разбойников-басков.

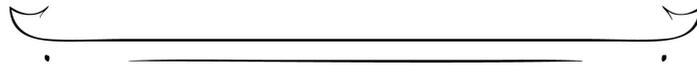
От этого эпизодического факта из века в век всё дальше восходила легенда, а также поэзия — народная и учёная, чтобы через ряд «шансон де жест» (анонимных эпических песен) постепенно превратить короля Карла из цветущего мужа в величавого императора, мудрого старца с длинной белой бородой, Роланда — в своеобразного непобедимого Зигфрида франков, а других паладинов — в могучих витязей и героев необыкновенного великодушия, пока в конце XI века какой-то искусный и вдохновенный поэт (может быть, тот Терульд или Турольд, чьё имя появляется в последнем стихе поэмы) не придал всей накопленной материи форму поэмы, написанной на языке франков, на старофранцузском, который только ещё складывался.

Поэма включает около 4000 десятисложных стихов, объединяемых в *lasses* (строфы) варьирующегося размера. Ритм её несколько монотонен, но внушитель и величествен. Общий тон несколько прозаичен и дискурсивен (рассудительно-повествователен), что создаёт атмосферу торжественной, иератической степенности. Адъективация (определения), довольно богатая, и частое повторение имён и ситуаций служит для придания произведению той торжественности и архаичности, к<ото>рые типичны для средневековой литературы.

Хотя поэма анахронична (неизвестный трувер или Терульд модернизируют изображаемую эпоху), она имеет большую историческую ценность. Только она даёт представление не об эпохе Карла Великого, а о Франции накануне крестовых походов. Нравы, обычаи, религия, одежда, этикет, военные приёмы, характерные выражения — *эпос всегда изобразителен*.

Итак, попытаемся сделать краткий пересказ «Песни о Роланде». Начинается она с того, что император Карл Великий вот уже шесть лет воюет в Испании со славой и удачей. Ему ещё сопротивляется Сарагосса, где сидит сарацинский король Марсилиий. Интересно, что Марсилиий в поэме говорит: «Император Франции милой мою землю жестоко воюет». Эпитеты в эпосе так постоянны, что даже лютый враг называет Францию «*милой*». Итак, Марсилиий, в надежде получить подкрепление от Балиганта, просит мира у Карла: в душе он клянётся себе разорвать мирный договор, как только франки удалятся.

Вот сцена, описывающая послов Марсилия в ставке Карла. Император стоял в большом саду в окружении Роланда (своего племянника), Оливье (кузен и ближайший друг Роланда), герцога Самсона, Готфрида Анжуйского (знаменосец Карла) и других паладинов. (Кроме Роланда, Оливье и предателя Ганелона герои нарисованы в поэме как фигуры без различимой индивидуальности). Более старшие рыцари, сидя за столами, играли в шахматы, а юные упражнялись в фехтовании. Под

сосной, возле боярышника, был сделал трон из чистого золота; на нём восседает король, который повелитель милой Франции. У него прекрасные волосы и белая борода (в других местах поэмы — постоянные сравнения: «борода белей шиповника в апреле», «белее яблони в апреле»), тело его прекрасно и осанка горда. — Отметим сразу, что этот строгий и любезный король из сказки, называющий своих франков «детьми», сильный и мудрый, со своею белой бородой и рыцарскими манерами, весьма отличен от мужественной, молодой и ещё несколько варварской фигуры исторического Карла.

На просьбу мусульман о мире граф Роланд, самый могучий из паладинов и племянник Карла, советует отказать и продолжать войну до полной победы, но верх берёт мнение тех, кто рекомендует переговоры. Кого же послать к Марсилию? Многие рыцари предлагают свои услуги, но Карл не хочет подвергать риску своих отважнейших витязей, так как Марсилий уже не раз проявлял вероломство и жестокость к послам. Тогда Роланд предлагает на эту опасно-почётную миссию избрать Ганелона — это отчим Роланда и свояк Карла. Император согласен, он шлёт Ганелона в Сарагоссу, чтобы навязать Марсилию условия франков. Ганелон в глубине души чувствует себя оскорблённым и решает отомстить своему пасынку Роланду.

В Сарагоссе предатель договаривается с Марсилием, как обмануть франков и завести Роланда в засаду. В согласии с Ганелоном, Марсилий объявляет о принятии всех условий Карла, вплоть до обязательства креститься, и Ганелон возвращается в лагерь Карла с этим ответом арабского короля. Карл Великий решает вернуться во Францию. Вместе с победоносной армией едет и предатель Ганелон. Наоборот, в арьергарде движутся Роланд, Оливье, архиепископ Турпин и 20.000 воинов.

И вот арьергард в ущелье Ронсеваль окружают 400.000 магометан. При виде такой силы врага Оливье пытается убедить Роланда затрубить в магический рог Олифант, звук к<ото>рого слышен на любое расстояние, дабы призвать на помощь императора, но храбрый Роланд упрямо отказывается. «Для своего сюзерена вассал должен терпеть любые страдания, выносить сильные холода и великие жары, жертвовать кровью и плотью! Ударим твоим копьём и моим Дюрандалем, моим добрым мечом, который дан мне королём; если я здесь умру, сможет сказать тот, кто им завладеет, что он принадлежал доблестному воину». (Отметим аксессуары героя: волшебный рог Олифант из слоновой кости и меч Дюрандаль, или Дурендарт, совершенно несокрушимый и тоже как бы волшебный, так как в его рукоятке были сокрыты многочисленные реликвии святых). Архиепископ Турпин, духовный пэр императора и храбрый рубака, пришпорил своего коня, въехал на склон горы и произнёс перед франками краткую проповедь, которая начиналась с упоминания о вассальном долге перед Карлом — защита христианства стоит на втором месте. И далее: «Скажите ваше теа суфра и молитесь бога о милости! Я отпущу вам грехи ради спасения ваших душ. Если вы умрёте, вы станете святыми мучениками, воссядете в

самом высоком Раю». Французы сошли с коней, стали на колени, и архиепископ благословил их во имя боже: «в качестве эпитимии он приказал им разить».

Началась битва в Ронсевальском ущелье. Внимание поэта привлечено в основном к подвигам главных героев. Вот Роланд налетает на сарацинского рыцаря Сернубия, своим Дюрандалем раскалывает его шлем, украшенный карбункулами, разрубает голову и тело до самого седла, которое инкрустировано золотом (певец Роланда вообще постоянно заботится подчеркнуть богатство персонажей, золото, серебро, алмазы и драгоценные камни), и две половины мёртвого тела падают на траву. И Роланд восклицает: «Негодяи, на горе себе вы пришли сюда! Магомет вам не поможет. Не будет ныне битва выиграна такой свиньёй». Славно рубится и Оливье, и другие французы. Архиепископ Турпин говорит: «Да здравствуют наши бароны!» В ответ они кричат: «Монжой!» — боевой клич Карла.

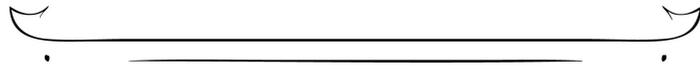
Несмотря на чрезвычайную доблесть христианских воинов и паладинов, франки превзойдены численностью врагов. Наконец, когда почти все в роковом ущелье лежат мёртвые или умирающие, Роланд решает протрубить в Олифант и призвать Карла, чтобы тот мог видеть доблесть своих паладинов и отомстить за их смерть. Он трубит с такой силой, что у него лопается лоб и открываются жилы на висках. Могучий голос Олифанта преодолевает горы и доносится до Карла. Среди франков поднимается тревога. Ганелон ещё пытается убедить короля, что Роланд не может быть в опасности, но Карл со всей армией поворачивает обратно в Ронсеваль. На поле битвы в это время — тысячи трупов язычников и христиан. Роланд и Оливье тяжело ранены и готовятся к смерти.

(Деталь в описании битвы — певец прославляет геройскую гибель франков: «Пред ними открыты врата цветущего рая. Завтра они будут восседать среди хора святых страдальцев»).

Роланд смотрит в бледное и обескровленное лицо Оливье; кровь друга течёт и стуктами падает на землю. Оливье прощается с Роландом, с милой Францией, и его последние слова: «Императору будет большой ущерб от этого». Он умирает.

Роланд чувствует, что его зрение слабеет. Перед ним возвышается серый камень и граф, собрав все силы, наносит по нему десять ударов своим Дюрандалем с горечью и скорбью (он хочет, чтобы меч сломался); скрежещет сталь, но нет мечу никакого повреждения. Роланд говорит: «О, святая Мария, помоги! О Дюрандаль, доблестный мой и несчастный: вот я кончаюсь и о вас не смогу более заботиться. Столько сражений я выиграл с вами и столько обширных земель покорил, над которыми царит Карл, чья борода убелена!.. Довольно хороший воин держал вас долгое время; никогда вам не будет равного во Франции святой».

Граф Роланд ложится под сосной, лицом к Испании, и вспоминает о землях, которые он завоевал, о милой Франции, о родных и о Карле Великом. Он читает своё *Mea culpa* и просит у бога милосердия: «Отец истинный, ты, что никогда не лжёшь,

который святого Лазаря из мёртвых воскресил, и Даниила спас ото львов, спаси мою душу от всех опасностей и грехов, совершённых мной в моей жизни!» Свою правую перчатку он предлагает богу в знак покорности, и святой Гавриил берёт её своей рукой. Роланд складывает руки на груди и умирает. Бог посылает своего ангела Херувима и святого Михаила в Опасностях. Вместе с ними святой Гавриил. Они возносят душу графа в Рай.

Прибыв к Ронсевалю, Карл видит тысячи трупов. Он преследует неверных и наносит им поражение. Марсилий ранен, но успевает скрыться в Сарагоссе. Вернувшись опять к Ронсевалю, Карл устраивает павшим героям христианские похороны, и тут певец описывает интересные погребальные обычаи. Трупы рыцарей аббаты окуривают ладаном и миррой, их тела вскрывают, сердца завёртывают в парчёвые плащи и хоронят в белых саркофагов. Тела внутри промывают перечным настоем и вином, покрывают шёлковым коврами и везут на родину.

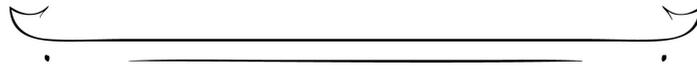
Тем временем в Испанию прибывает вавилонский эмир Балигант с тысячами языческих воинов, происходящих из всех концов мира. Карл разбивает это воинство, а затем захватывает и Сарагоссу, нанося полное и окончательное поражение неверным. Сам Марсилий умирает.

Настаёт ночь над взятой Сарагоссой, всходит ясная луна, и звёзды блещут. Император велит тысячам своих франков обыскать весь город, все мечети и синагоги: железными палицами и топорами они разбивают всех *мусульманских идолов*, чтобы не осталось дьявольских изображений. Епископы благословляют воду и ведут язычников в баптистерий. А если кто противится Карлу, то его убивают или сжигают.

Сто тысяч мавров были крещены,
Все верными сынами церкви стали.

Исключение было сделано только для королевым Браминонды, вдовы Марсилия: её увезли во Францию как пленницу, Карл хотел, чтобы она обратилась добровольно.

Закончив победоносно войну, Карл из Испании возвращается со своей армией в Аахен, «лучшую резиденцию Франции». Вот он входит в залу своего дворца — навстречу ему прекрасная Альда (сестра Оливье и невеста Роланда). Она спрашивает у Карла: «Где Роланд, капитан, который поклялся взять меня замуж?» Карл, охваченный скорбью, проливает слёзы и рвёт свою белую бороду: «Сестра, дорогая подруга, ты спрашиваешь меня о мёртвом человеке. Я дам тебе вместо него довольно ценное возмещение: это Людовик, лучшего я сказать не могу; он мой сын и будет царствовать над моими землями». Альда ответила: «Эта речь меня не касается. Не возрадует господя, ни его святых, ни его ангелов, если я останусь жить после смерти Роланда!» Побледнела, упала к ногам Карла, тут же умерла. Сжался, господи, над её душой! Французские бароны оплакали её и скорбели о ней великим воплем.

Образ Альды очень бледен и играет весьма незначительную роль в эпосе. Энтузиазм Креста, верности императору и любви к Франции настолько превосходит любовь к женщине, что последняя превращается просто в неизбежное дополнение, один из аксессуаров рыцарственности: Дюрандаль важнее Альды. Строфы, повествующие о её судьбе, поражают своей точностью и сухостью. Она кажется точным поэтическим соответствием стилизованных и иератичных средневековых скульптур.

Поэма заканчивается судом над Ганелоном. Этот предатель своего сюзерена (le felon) приведён в цепях в Аахен, его привязали к столбу перед дворцом, руки ему связали оленьими ремнями, изрядно его били палками и воловьими жилами. С великою скорбью ждал он себе приговора. И вот привели четырёх скакунов, привязали к ним Ганелона за руки и за ноги и погнали их в разных направлениях. Ганелон понёс великую кару: все жилы в нём лопнули, все члены разорвались, и на зеленой траве разлилась его кровь. Так погиб он смертью, уготованной предателю.

Завершив смертью предателя родины эту великую драму славы, войны и смерти, автор её или просто переписчик «скрепляет» произведение своей энигматической (загадочной) подписью:

На этом кончается история, которую Турольдус изложил в стихах.

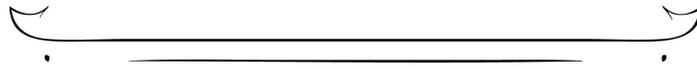
«Песнь о Роланде» замечательна своей цельностью, прямой устремлённостью к цели и отсутствием всяких побочных мотивов. Она *героична* в точнейшем смысле слова, и Роланд — типичный народный герой полуварварского века, когда родина сливалась в одно целое с мудрым императором. Законодательная работа Карла, строителя феодального общества, заслуживает величайшего уважения: он не просто завоеватель, он организатор Франции и Европы. Его положительная оценка в народном эпосе понятна и обоснована. Роланд — племянник Карла и верный паладин; эти образы поддерживают друг друга эмоционально и идейно.

Песнь во славу Франции и французской доблести — вот весь смысл эпоса. Ведь эпос всегда служит целям национального самоутверждения*.

Артуровские легенды

Это цикл народных легенд, в центре которых — образ короля Артура, одного из вождей бриттов (5—6 вв.), успешно боровшегося с англо-саксонскими завоевателями. Артуровские легенды возникли из народного творчества. Распространителями этого фольклора были первоначально бретонские певцы-барды, и представление о нём можно получить по французским «лэ» (музыкальные отрывки, сопровождавшиеся песнями и жестами) и «романам Круглого стола» Роберта де Борона и Кретьена де Труа.

* На правом поле помета «NB» и стрелка к этому предложению.

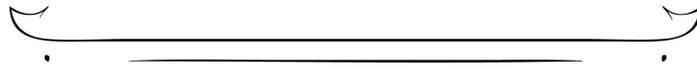

Об историческом Артуре упоминают кельтские барды Уэльса, а также Ненниус в «Истории Британии» (8 век). В латинской хронике Гальфрида Монмаутского «История королей Британии» (около 1137) Артур обладает чертами могущественного государя. Народная фантазия наделила его способностью волшебства и сказочной силой; с именем Артура кельты связывали надежды на восстановление независимости. В период расцвета рыцарской литературы (особенно со 2-й половины 12 века) артуровские легенды были широко использованы поэтами и романистами.

Согласно легендами, король Утер по прозвищу Пендрагон, т. е. «Драконова голова» (отчего всю династию стали называть Пендрагонами), был отцом короля Артура. Этот славный король Артур женился на прекрасной Джиневре, и его двор в замке Камелот стал местом паломничества рыцарей. В пиршественной зале Камелота стоял большой круглый стол (чтобы никто не чувствовал себя обиженным) на 150 человек: отсюда и название «романы Круглого стола». Главными действующими лицами легенд были: могущественный волшебник и предсказатель Мерлин, соперничающая с ним злая волшебница фея Моргана (сестра короля Артура, красивая и страшная), благородный рыцарь Ланселот Озёрный (был прозван так потому, что его воспитала одна фея на дне озера), тайно влюблённый в королеву Джиневру. Любовь Ланселота и Джиневры кончается трагически.

К артуровскому циклу примыкали пронизанные религиозными мотивами легенды о святом Граале — символе божественной благодати, на поиски которого отправлялись рыцари. Их приключения во время поисков являются аллегорическим изображением очищения от грехов. В самой глубинной своей основе легенды о св. Граале — языческие, а не христианские: в них отразились древние обряды инициации, т. е. жестоких испытаний при посвящении мальчиков в мужское достоинство.

Создателем артуровского романа считается французский поэт Кретьен де Труа, т. е. из города Труа, живший в 12 веке. В молодости он писал стихи в духе северофранцузских труверов, переводил «Искусство любви» и «Метаморфозы» Овидия (сохранился отрывок), написал в форме авантюрного романа житие святого Вильгельма Английского. Но лучшие его произведения — это пять обширных рыцарских романов, написанных восьмисложными стихами с парной рифмой. В них использованы невероятно популярные в ту эпоху артуровские легенды, но они служат лишь красочным фоном для изображения реальной жизни того времени и важных общественных конфликтов. Поведение идеального куртуазного рыцаря изображено Кретьеном де Труа в романе «Ланселот, или Рыцарь Телеги» («Lancelot, ou le chevalier de la charrette», около 1168), полном фантастики и приключений; конец романа написал не сам Кретьен, а его последователь Годфруа де Ланьи. Последний (неоконченный) роман Кретьена де Труа — «Персеваль, или Повесть о Граале»

(«Perceval, ou le conte du Graal», около 1182). Занимательные сюжеты, тонкая психологическая обрисовка образов и поэтическое мастерство обеспечили романам Кретъена де Труа огромную популярность у современников и массу подражателей. — В Германии переводчиком его романов был миннезингер Гартман фон Ауэ, а обработку легенды о святом Граале дал Вольфрам фон Эшенбах в «Парцифале».

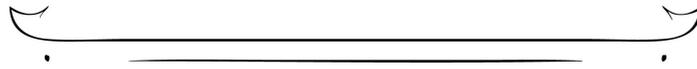
В Англии 13—14 веков появляются переводы романов «Артур», «Артур и Мерлин», «Смерть Артура» и др. На темы артуровских легенд написан лучший английский рыцарский роман в стихах «Сэр Гавейн и Зелёный рыцарь» (14 век). Кельтские сказания переработаны в духе феодальной идеологии, король Артур изображён могущественным властелином всей Британии и половины Европы, при его дворе собирается цвет рыцарства и царит культ благородной отваги и рыцарской любви. Ради славы и ради дамы сердца король Артур и рыцари Круглого стола совершают фантастические подвиги. Есть в этих романах и комический элемент: во многих из них встречается сэр Кэй, сенешаль (управитель дворца) короля Артура, хвостун и неудачник, строящий козни другим рыцарям и неизменно оказывающийся посрамлённым.

В 15 веке английский рыцарь Томас Мэлори (или Малори) написал книгу «Смерть Артура» (1485), которая представляет собой компиляцию и перевод на английский язык главных французских романов артуровского цикла и примыкающих к ним произведений; в известной мере Мэлори переработал их. По сути дела, это было последнее крупное произведение куртуазной литературы. Далее уже наступил век Возрождения.

Крупнейшим представителем английского Ренессанса был Спенсер (около 1522—1599), «поэт поэтов». Как в лирике, так и в его больших поэмах «Пастушеский календарь» (1579) и «Королева фей» (1590) получил выражение аристократический гуманизм Спенсера с отпечатком платонизма, несколько абстрактной идеальности. В «Королеве фей» Спенсер использовал образ короля Артура. — В дальнейшем этот образ вновь появляется у Драйдена в либретто оперы «Король Артур», у Булвер-Литтона в поэме «Принц Артур», у Морриса в поэме «Защита Гиневры», у Теннисона в «Королевских идиллиях». Пародийно-сатирическое преломление получает артуровская легенда в романе Марка Твена «Янки при дворе короля Артура». Наконец, своеобразное отражение нашли темы артуровского цикла и в частности мотивы поисков Грааля в поэзии Томаса Элиота.

К артуровскому циклу примыкают также сказания и романы о Тристане и Изольде, занимающие совершенно особое место в куртуазной литературе по одной своей психологической тонкости и глубине.

Фантастика артуровского цикла

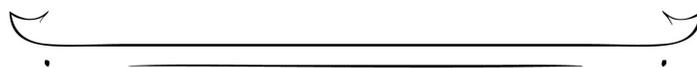

Романы Круглого Стола (или бретонского цикла) далеко отошли от фольклорной первоосновы — древних кельтских сказаний — и воплотили мечты рыцарства эпохи крестовых походов о создании религиозно-воинского братства, подобного содружеству паладинов Круглого Стола.

В артуровских романах причудливая фантазия сливается с реалистическими картинами придворной жизни, преимущественно с её парадной стороны. Перед нами — феерический мир великанов, карликов, фэй, волшебных источников, зачарованных городов и таинственных лесов, населённых драконами и львами, мир приключений в вымышленных странах ради спасения прекрасных пленниц, притесняемых злыми обидчиками, или в поисках чудодейственной чаши Грааля. Читатели этих романов попадали то в сумрак дремучей чащи и мрачных подземелий, то на залитый солнцем луг, где происходит блестящее придворное празднество, то в заколдованный замок, к^{ото}рый вертится волчком вокруг своей оси или исчезает при пробуждении заночевавшего в нём героя, то на оживлённые улицы средневекового города.

Легенды о поисках святого Грааля составляли важную часть артуровского цикла. Грааль (слово старофранцузское) — имя таинственной чаши, сделанной из цельного камня — изумруда; она была принесена на землю ангелами, и Христос пил из неё вино на Тайной Вечере. Во время Страстей тайный ученик Христа, богатый иерусалимский житель Иосиф Аримафейский, собрал в эту чашу кровь, вытекавшую из раны в боку распятого Христа, где его пронзило копье центуриона (Иосиф — евангельский персонаж, остальное — включая и Грааль — средневековая легенда). Грааль со святой кровью давал его обладателю способность творить чудеса. Иосиф Аримафейский, согласно апокрифу, приплыл из Иудеи в Прованс, а оттуда направился в Британию, куда принёс свет христианской веры и святой Грааль. Но после его смерти Грааль был утерян. Рыцари Круглого Стола совершили ряд путешествий с целью его отыскания. Но он может быть достигнут только *девственным рыцарем*. В этом вся загвоздка. Самый знаменитый из них — это Ланселот Озёрный (он воспитан феей озера, отсюда и прозвище). Он — возлюбленный королевы Джиневры, супруги Артура. Тщетно он участвует в поисках Грааля: добыть святыню ему препятствует тяготеющий над ним грех прелюбодеяния. Ланселот — жертва магических чар ложной Джиневры. Сын Ланселота, чистый от греха Галаад, овладевает Граалем.

Ланселот переживает самые удивительные приключения. Так, преследуя Мелеагана, похитителя королевы Джиневры (Женьевры), он выходит к берегу бушующей реки; только она отделяет его от замка с прекрасной пленницей. Через чёрный поток перекинут мост — огромный меч длиной в два копья. На том берегу ждут два льва, готовые растерзать смельчака. Но любовь к Джиневре заставляет Ланселота забыть об опасности. Он снимает доспехи и, истекая кровью, переползает на другой берег по острому лезвию. Там он убеждается, что львы — иллюзия.

Рыцарь, отправившись на поиски Грааля, должен дойти до Часовни Опасностей и задать там магические вопросы, делающие его владельцем Чаши и копья и освобождающие страну от заклятия. На подступах к Часовне Опасностей искателя осаждают ужасы, и среди прочих — летучие мыши с головами младенцев.

Английская фольклористка Джесси Л. Уэстон в книге «От ритуала к рыцарскому роману» предприняла реконструкцию легенды о св. Граале. По её мнению, Грааль первоначально — магический талисман, снимающий заклятие бесплодия, наложенную на сказочную страну Царя-Рыбака, персонажа ряда «мифов плодородия». В основе сказания о поисках Грааля — один из таких древнейших мифов, связанный с культу умиравшего и воскресающего бога и с первобытным обрядом инициации (жестоких испытаний при посвящении в мужское достоинство). Отсюда и условие девственности для искателей, дошедшее до самых поздних редакций, но переосмысленное. Основа сказаний о Граале — вовсе не христианская. Её истоки теряются во тьме веков.

«Тристан и Изольда»

Параллели к мотивам этого средневекового рыцарского сказания встречаются в древневосточных, античных, кавказских сказаниях. Но в европейскую литературу это сказание пришло в кельтском оформлении, с кельтскими именами и характерными бытовыми чертами. Оно возникло в районе Ирландии и кельтизированной Шотландии и впервые было исторически приурочено к имени пиктского принца Дростана (8 век н. э.). Оттуда оно перешло в Уэльс и Корнуэльс, где окрасилось рядом новых черт. В XII веке оно стало известно англо-нормандским жонглёрам, один из которых около 1140 года переложил его в французский роман (т<ак> наз<ываемый> «*прототип*»), до нас не дошедший, но послуживший источником для всех (или почти всех) дальнейших обработок. Итак, кельтское сказание о Тристане и Изольде получило первую литературную обработку во Франции.

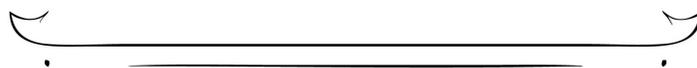
Непосредственно к «прототипу» восходят:

1) утраченное нами промежуточное звено, породившее — А) французский роман Беруля (около 1180, сохранились только отрывки) и Б) немецкий роман Эйльгарта фон Оберге (около 1190);

2) французский роман Томаса (около 1170), породивший — А) немецкий роман Готфрида Страсбургского (начало XIII века), Б) небольшую английскую поэму «Сэр Тристрэм» (конец XIII века) и В) скандинавскую сагу о Тристане и Изольде (1126);

3) эпизодическая французская поэма «Безумие Тристана», известная в двух вариантах (около 1170);

4) французский прозаический роман о Тристане и Изольде (около 1230) — и другие итальянские, испанские, чешские, вплоть до белорусской повести «О Трыщане

и Ижоте». В течение трёх веков вся Европа зачитывалась этой трогательной повестью.

Путём сличения производных версий ряд исследователей (Жозеф Бедье, Гольтер и др.) восстановил в основных чертах содержание и конструкцию «прототипа».

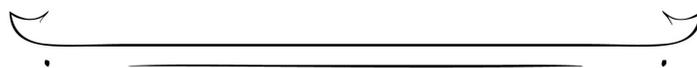
В нём подробно рассказывается история юности бретонского королевича Тристана, к^{ото}рый, рано осиротев и лишившись наследства, попал ко двору своего дяди, корнуэльского короля Марка, заботливо воспитанного его и намеревавшегося, по причине своей бездетности, сделать его своим преемником. Бароны противятся этому. Юный Тристан оказывает своей новой родине большую услугу, убив в единоборстве ирландского великана Морольта (или Морольда), взимавшего с Корнуэльса живую дань.

Когда Морольд прибыл в Корнуэльс требовать дань для короля Ирландии, Тристан несмотря на предостережения своего дяди короля Марка, бросил Морольду рукавицу. Чтобы ни один из противников не мог спастись бегством, бой происходил на острове святого Самсона. «Никто не видел жестокой битвы. Но трижды всем почудилось, будто морской ветер донёс до берега яростный крик; и тогда в знак горести женщины били себя в грудь, а товарищи Морольда, собравшись в стороне у своих шатров, смеялись. Наконец около полудня увидели вдали пурпурный парус: ладья ирландца отчалала от острова. И раздался крик ужаса: «Морольд, Морольд!» Ладья всё приближалась, и внезапно, когда она взлетела на гребень волны, на носу её увидели рыцаря, в руках которого было два поднятых меча: это был Тристан». (Бедье, «Роман о Тристане и Изольде» — стилизованная реконструкция).

Сам тяжело раненый отравленным оружием Морольда, Тристан садится один в ладью и плывёт наудачу в поисках исцеления, к^{ото}рое он получает в Ирландии от принцессы Изольды. искусной во врачевании. Он возвращается в Корнуэльс здоровым.

Вассалы понуждают Марка жениться для получения законного наследника. Тристан добровольно берётся добиться для Марка руки златовласой принцессы Изольды из Ирландии. Он отплывает в Ирландию и добивается руки Изольды. Следует роковое возвращение.

Мать Изольды дала ей сосуд с магическим любовным напитком (по-русски приворотное зелье) — вином, особым образом настоенным на травах, цветах и корнях: те, кто его выпьют, будут всю жизнь любить друг друга. На корабле, плывущем в Корнуэльс, Тристан и Белокурая Изольда (Yseult la Blonde) по ошибке выпивают этот напиток. «Девочка наполнила кубок и поднесла своей госпоже. Изольда сделала несколько больших глотков, потом подала кубок Тристану, который осушил его до дна» (Бедье). Отныне Тристан и Изольда связаны любовью столь же

сильной, как жизнь и смерть. В романе Томаса Тристан говорит: «Изоolda моя милая, Изоolda моя любимая, в вас моя жизнь, в вас моя смерть».

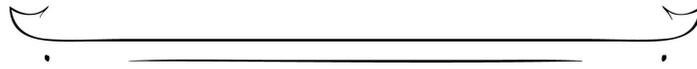
Корабль прибывает в порт, где на берегу Изоолду встречает король Марк. С большими почестями он ведёт её в замок Тинтажель. «И когда они появились в замке среди вассалов, красота её так всё осветила, что стены засияли, словно озарённые восходящим солнцем». Десять дней спустя празднуется свадьба. В первую брачную ночь преданная служанка принцессы Бранжьена заменяет собой Изоолду, чтобы король Марк не узнал об обмане.

Бранжьена сохранила кувшин с любовным напитком, не до конца осущенный влюблёнными. Когда её госпожа взошла на ложе Марка, Бранжьена вылила в чашу остатки любовного напитка и дала супругам. Король Марк выпил много, а златовласая Изоолда незаметно вылила свою долю.

Между Тристаном и Изоолдой происходит ряд тайных свиданий. Когда они встретились в тени большой сосны в саду за замком Тинтажель, молодая королева говорит: «Тристан, моряки уверяют, что Тинтажельский замок зачарован и что вследствие этих чар два раза в году, зимой и летом, он исчезает и бывает невидим для глаз. Теперь он исчез. Не это ли тот чудесный сад, о котором под звуки арфы говорят песни? Воздушная стена окружает его со всех сторон, деревья в цвету, почва напоена благоуханием, рыцарь живёт там, не старясь, в объятиях своей милой, и никакая вражья сила не может разбить воздушную стену...»

Низкие предатели-бароны, ненавидящие светлого героя Тристана, приводят королю улики против него. Король Марк любит и Тристана, но он гневается, чувствуя себя обманутым. По совету злого карлика, король взбирается на дерево в саду, чтобы выследить влюблённых на месте их свидания, возле источника. Сцена у источника многократно воспроизводилась в средневековом искусстве, напр<имер>, на дамских шкатулках и коробочках для зеркал, вырезанных из слоновой кости. У подножия большой сосны сидят Тристан с соколом на руке и Изоолда в короне, с собачкой на коленях. Они пришли на свидание, но внезапно при свете луны заметили отражённую в ручье голову короля Марка, спрятавшегося на дереве. Тристан указывает на отражение Изоолде. Этому примеру запретной любви резчики противопоставляли (парижский ларец XIV века) в правой части дополнительную сцену — единорог (символ чистоты и целомудрия) ищет защиты у девы, тогда как охотник пронзает его своим копьем.

Влюблённые изобличены. Спасаясь от мести, они бегут и долго скрываются, скитаясь в глубине дикого леса Моруа. Они питаются мясом диких зверей. Случайно король Марк обнаруживает влюблённых спящими в лесу, но прощает, видя разделяющий их меч (популярный средневековый мотив: меч лежит между Зигфридом и укрощённой им Брунхильдой, женой короля Гунтера, к<ото>рый не мог с ней справиться). Мстительные бароны требуют подвергнуть Изоолду

испытанию раскалённым железом (Марк простил Изольду и вернул ко двору, а Тристану приказал удалиться). В назначенный день к реке на Белую Поляну, где должен совершиться суд божий, приходит Тристан в одежде паломника с деревянной чашей для подаяний.

«Один из рыцарей окликнул паломника:

— Друг, подбери свой плащ, сойди в воду да перенеси королеву, если не боишься упасть на полпути: я вижу, ты очень немощен.

Тот взял королеву на руки. Она сказала ему тихо: «Милый!», а потом так же тихо: «Упади на песок».

Достигнув берега, он споткнулся и упал, крепко обнимая королеву. Конюшие и моряки, схватив вёсла и багры, хотели накинуться на бедняка.

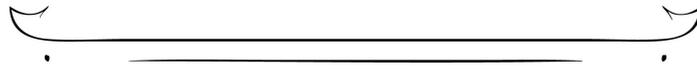
— Оставьте его, — сказала королева, — он, видно, ослабел от долгого паломничества.

И, оторвав золотую пряжку, она бросила её паломнику». (Реконструкция Бедье).

Королева Изольда клянётся перед епископом и королём Марком: «Я клянусь этими святыми мощами и всеми святыми людьми на свете, что ни один человек, рождённый от женщины, не держал меня в своих объятиях, кроме короля Марка, моего повелителя, да ещё этого бедного паломника, который только что упал на ваших глазах». — Таким образом, Изольда сказала правду, которой никто не понял.

Тристан под разными видами ищет свидания с Изольдой: то он загримирован прокажённым, бродит с сумой, деревянной чашкой и в широкополой шляпе, и Изольда подаёт ему милостыню; то он проникает в замок Тинтажель под видом юродивого. Он остриг наголо свои светлые кудри, оставив на голове только крест из волос; вымазал лицо снадобьем из чудодейственной травы, привезённой из его страны, и тотчас облик его изменился так поразительно, что они один человек на свете не узнал бы его. Он сломал сук каштанового дерева, сделал из него палку, привесил её к шее и босиком отправился в Тинтажель. То было последнее свидание Тристана Печального и Изольды Белокурой (или Златовласой).

Тристан уезжает в Бретань и там, пленённый сходством имён, женится на другой Изольде — её зовут Изольда Белорукая. Безумие Тристана. Однако, верный своей великой любви, он не сближается с женой. Тяжко раненый в одном сражении, он посылает гонца к своей Изольде с мольбой приехать и снова исцелить его. Они условились, что если гонцу удастся привезти Изольду, на его корабле будет поднят белый парус, в противном случае — чёрный (точно такое же условие было у Тесея с его старым отцом Эгеем, когда Тесея отправлялся убивать Минотавра). Ревнивая жена Тристана, проведав об этом, велит служанке сказать, что показался корабль под чёрным парусом. Тристан тотчас же умирает. Изольда сходит на берег, ложится рядом с телом Тристана и умирает тоже.

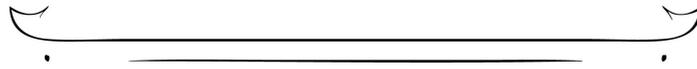
Их погребают около часовни, справа и слева от её апсиды. Но однажды ночью из могилы Тристана вырос терновник, покрытый зелёной листвой, с крепкими ветками и благоуханными цветами, который, перекинувшись через часовню, ушёл в могилу Изольду. «Трижды хотели его уничтожить, но тщетно. Наконец, сообщили об этом чуде королю Марку, и тот запретил срезать терновник». (Бедье). — Так после смерти совершается соединение влюблённых (растение — эротический символ).

Автор «прототипа» чрезвычайно развил сюжетно кельтское сказание, присоединив к нему ряд дополнительных черт, взятых им из самых разных источников: из двух кельтских сказаний (плавание Тристана за исцелением), из античной литературы (Морольд—Минотавр и мотив «чёрных парусов» — из сказания о Тесее), из местных или восточных сказаний новеллистического типа (хитрости влюблённых). Он перенёс действие в современную ему обстановку, включив в него рыцарские нравы, феодальные понятия и учреждения, и по преимуществу рационализировал сказочные и магические элементы.

Но главным нововведением таинственного гения является оригинальная концепция взаимоотношений между тремя основными персонажами. Тристан всё время терзается сознанием тройкой вины: он трижды нарушил свой долг перед Марком — его приёмным отцом, его дядей и его сюзереном (идеал вассальной верности). Это чувство вины усугубляется великодушием Марка, к^ото^рый не ищет мести и готов был бы уступить ему Изольду, но защищает свои права только во имя феодальных понятий — престижа короля и чести мужа.

Этот конфликт между личным, свободным чувством любящих и общественно-моральными нормами эпохи, пронизывающей всё произведение, отражает глубокие противоречия в рыцарском обществе и его мировоззрении. Изображая любовь Тристана и Изольды с горячим сочувствием и рисуя в резко отрицательных тонах всех противников их счастья, неизвестный автор не решается открыто протестовать против господствующих понятий и учреждений и *оправдывает* любовь своих героев роковым действием любовного напитка. Но объективно роман-прототип оказывается глубокой и органической критикой феодальных норм и понятий.

Это содержание «прототипа» в форме художественно разработанной трагической концепции перешло в большей или меньшей степени во все последующие обработки сюжета (романы в стихах Беруля, Томаса в XII веке, длинный роман в прозе в XIII веке) и обеспечило ему исключительную популярность вплоть до эпохи Возрождения. Из всей куртуазной литературы сказания и романы о Тристане и Изольде выделяются своей психологической тонкостью и глубиной. «Сказание о Тристане и Изольде» — «прототип» — было концентрическим по построению; повествовательную динамику ему придавала сложная диалектика чувства любви, а не приключения, случайные поединки и убийства драконов.

Позднее знаменитый сюжет много раз разрабатывался в лирической, повествовательной и драматической форме, особенно в XIX веке. Особенно прославилась лирическая драма Вагнера «Тристан и Изольда» (три акта, 1864), написанная по Готфриду Страсбургскому и отражающая период скорбной экзальтации чувств в творчестве композитора; это одно из самых волнующих его произведений. В 1898 Жозеф Бедье опубликовал свою композицию «Роман о Тристане и Изольде», в основном воспроизводящую содержание и общий характер «прототипа». — Сказание о Тристане и Изольде есть один из величайших памятников литературы Средних веков, опровергающий пренебрежительное и гиперкритическое отношение к ним.

Комментарии

Кельты — племена индоевропейской языковой группы, великие миграции к<ото>рых восходят к доисторическим временам. Сначала они покрыли центральную Европу, затем были вытеснены далее на запад. Ко 2-му тысячелетию до н. э. они населяли территорию современной Франции, Швейцарии, Бельгии (где их называли галлами), Северной Испании (где их смешение с иберийской расой породило народ кельтиберов, завоёванный сначала Карфагеном, потом Римом), Британских островов и позднее — Северной Италии. С VI—V вв. до н. э. у кельтов началось разложение родового строя и начала выделяться родовая знать. Покорённые римлянами в I веке до н. э. кельтские племена подверглись в различной степени влиянию римских общественных отношений и римской культуры. В Ирландии, Бретани и Уэльсе кельтский тип и кельтские языки сохранились лучше всего. Кельтские языки распадаются на две ветви: *гаэльскую* (ирландский, шотландский и мэнский) и *бриттскую* (валлийский — он же уэльский, бретонский и вымерший корнийский).

Корнуолл — полуостров на юго-западе современной Англии; добыча олова, рыболовство, судостроение, скотоводство; это холмистое плато с небольшими возвышенностями. Когда-то здесь находилось самостоятельное кельтское королевство Корнуэльс, где правил легендарный король Марк. Полуостров Уэльс, более обширный и выступающий в море севернее Корнуолла, был долгое время независимым государством и вошёл в состав Англии только при Генрихе VIII (в 1536). Жители Уэльса сохранили до сих пор свой кельтский (валлийский) язык.

Территорию нынешней Шотландии в древности населяли *пикты* — аборигены, названные так потому, что они татуировали своё тело (лат. *pictus* — разрисованный). Затем из Ирландии приплыли морем воинственные *скотты* — кельтское племя, предки современных шотландцев. Они захватили Каледонию (Высокую Шотландию) и сильно потеснили пиктов. Когда римляне завоевали Британию, жители Каледонии — пикты и скотты — оказали легионам несокрушимое сопротивление. Император Адриан воздвиг против их нападений укреплённую стену.

После падения Римской империи каледонцы в V веке атаковали бриттов; те призвали на помощь против них англо-саксов. Вместо помощи англо-саксы покорили бриттов и основали на юге острова свою гептархию, ставшую затем монархией. Самый знаменитый из саксонских королей был Альфред Великий (848—899), мудрый законодатель, укрепивший эту монархию. В Шотландии феодальное королевство сложилось только в XI веке. Для ориентира укажем, что легендарный Артур был королём в Уэльсе в VI веке н. э.

Ирландия (римляне называли её Гибернией, аборигены — Эрин, «Зеленый остров») была заселена кельтами в IV веке до н. э. приняла христианство в V веке н. э. (крестителем Ирландии был святой Патрик). Англо-нормандские феодалы начали завоевание Эрина в XII веке; оно длилось около пяти столетий.

Кельтское племя бриттов когда-то населяло Арморику — большой полуостров на северо-западе Галлии (ныне Бретань); ещё в древности оно проникло в Ирландию и Британию, частично овладев этими островами. В V веке н. э., в эпоху англо-саксонского завоевания Британии, бритты в большом числе возвратились в Арморику. Независимое государство их в Средние века оформилось как герцогство Бретань, а жители получили название бретонцев. Только в 1491 король Франции овладел Бретанью путём личной унии, женившись на Анне Бретонской (это был Карл VIII). Однако окончательное присоединение Бретани к Франции состоялось только при Франциске. Бретонцы сохранили свои древние кельтские традиции, характер и язык.

Таков исторический фон Сказания о Тристане и Изольде. Теперь о ранних его литературных обработках.

Томас — это англо-нормандский трувер XII века, автор романа в стихах на французском языке «Тристан и Изольда». В ту эпоху франко-нормандские завоеватели острова (нормандский герцог Вильгельм Завоеватель, он же Гийом Бастард, разбил саксов при Гастингсе в 1066, где погиб Гарольд II, король англо-саксов, и основал новое Английское королевство с нормандской династией) ещё не смешались с англо-саксами, и страна говорила на двух языках — французском (язык господ) и английском (язык мелкого люда).

Беруль — нормандский трувер XII века, пересказавший легенду о Тристане и Изольде. В французских редакциях герой носит имя Tristan de Leonois.

Готфрид Страсбургский — немецкий эпический поэт, биография его неизвестна. Предполагают, что это был образованный горожанин, знавший Овидия и Вергилия. Автор незаконченного рыцарского романа в стихах «Тристан и Изольда» (1207—1210), в основу которого положены мотивы старофранцузского романа Томаса Британского (около 1170). Изменения, внесённые Готфридом, касаются не столько содержания, сколько формы изложения. Стиль Готфрида отличается ясностью, изяществом стиха. Предвосхищая литературу Возрождения, он проявлял интерес не только к трагическим конфликтам роковой страсти героев, но и к их

земным реальным отношениям; Готфрида привлекали оттенки чувств, психологическая мотивировка поступков. В XIX веке сюжет романа Готфрида привлёк внимание Иммермана. Наконец, роман этот — основной литературный источник лирической драмы Вагнера, написанной в 1859 и поставленной пять лет спустя.

Гартман фон Ауэ (Hartmann von Aue)

Знаменитый немецкий миннезингер Гартман фон Ауэ родился около 1170 г. умер около 1210-го. Он происходил из рыцарского швабского рода, странствовал по Германии и Фландрии, участвовал в крестовых походах 1197 года и др<уги>х.

Его рыцарские романы «Егес» и «Iwein», принадлежащие к циклу романов о короле Артуре, созданы под влиянием куртуазных эпосов французского трубадура Кретьена де Труа; их основной мотив — борьба между любовью и долгом.

Поэму Гартмана фон Ауэ «Бедный Генрих» («Der arme Heinrich») называют также стихотворным романом. В этой поэме, написанной на средневерхненемецком языке (миттельхохдойч), Гартман фон Ауэ обработал легенду о рыцаре Генрихе, исцелившемся от проказы в результате покаяния и отказа от богатства, а также благодаря самоотверженности невинной крестьянской девушки. Феодала спасает двенадцатилетняя крестьянская девочка из Швабии, одержимая глубоконародными представлениями о милосердии и самопожертвовании. На этих представлениях лежит в то же время средневековая мистическая окраска. Социальные мотивы (осуждение богатства) переплетаются в романе с проповедью нравственного самоусовершенствования. В этой трогательной истории о молодой крестьянке, готовой исцелить своей *невинной кровью*¹ поражённого проказой господина, на первое место выдвигается не мотив жертвенной любви, а мотив вассального долга по отношению к сеньору; юная героиня произносит длинные поучительные речи о тщете земной жизни и сладости отречения. Дидактика пронизывает насквозь эту поэму, которая, тем не менее, не раз вдохновляла поэтов романтизма и символизма («Бедный Генрих» Гауптмана).

Идея аскетизма лежит и в основе стихотворной повести Гартмана фон Ауэ «Столпник Григорий» («Gregorius von Steine»); эта небольшая повесть представляет собой эпическую переработку христианского варианта сказания об Эдипе.

Гартман фон Ауэ создал превосходные образцы куртуазной любовной песни — так называемые Minnelieder. Для настроений первых крестоносцев характерны его «крестовые песни» (Kreuzlieder), в которых он воспекает крестовые походы.

¹ Средневековое суеверие, будто проказу можно излечить ваннами из свежей детской крови, держалось так долго, что ещё в восемнадцатом веке простой народ Франции, возненавидев Людовика XV, верил, что король болен проказой и лечится от неё ваннами детской крови (так объяснялись известные исчезновения красивых девочек, которых камердинер короля Лебель коллекционировал в Оленьем Парке).

Рыцарское служение даме, аскетизм, мистика, священный пафос религиозной веры — таковы основные ценности мира Гартмана фон Ауэ.

Готфрид Страсбургский, оплакивая в своём «Тристане» кончину Гартмана фон Ауэ, восхваляет его творчество как высший образец куртуазного стиля, противопоставляя его ясность и изящную лёгкость темноте «диких сказаний» Вольфрама фон Эшенбаха.

Как мастер стиха Гартман фон Ауэ значительно превосходит своего предшественника — фламандца Гейнриха фон Фельдеке: по богатству рифмы, лёгкости ритма и ясности изложения Гартмана превосходит только Готфрид Страсбургский. Гартмана сформировали его путешествия и знакомство с более высокой рыцарской культурой французов и фламандцев. Он явился проводником мощных куртуазных влияний Запада в полудиком немецком дворянстве.

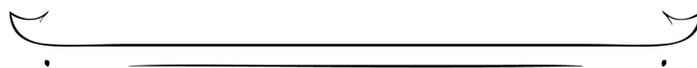
Гартман фон Ауэ следует понимать как Гартман *из Ауэ* — он был вассалом владельца замка Ауэ (Owe или Ouwe) в Швабии.

«Бедный Генрих» — самое известное произведение миннезингера. Эта вещь несравненно более оригинальная и более немецкая, чем «Столпник Григорий» или романы артуровского цикла.

Рыцарский роман

Рыцарский роман — один из основных жанров средневековой куртуазной литературы. Возник и развивался в феодальной среде в период расцвета рыцарства (XII—XIV вв.). Первоначально появился во Франции, в середине XII-го века, придя на смену героическому эпосу, от которого воспринял мотивы беспредельной смелости и благородства. Но, в отличие от эпоса, в рыцарском романе на первый план выдвигается анализ психологии индивидуализированного героя-рыцаря, совершающего подвиги не во имя рода или вассального долга, а ради собственной славы и прославления возлюбленной. Идеальная *рыцарская любовь* обязательна для этого романа.

Индивидуализация персонажей рыцарского романа повлекла за собой выработку средств раскрытия их характеров (портрет, речь героев и т. п.), а также увеличение описательных, бытовых моментов и одновременно создание замкнутого, отгороженного от прозаической действительности мира; отсюда обилие экзотических описаний и сцен, фантастических мотивов, что сближает рыцарский роман с народными сказками, с литературой Востока и дохристианской мифологией центральной и северной Европы. На развитие рыцарского романа оказали влияние переосмысленные сказания древних кельтов и германцев, писатели античности (Овидий). Жизнерадостный идеал свободной любви и поисков приключений в поздних рыцарских романах уступает место христианско-аскетическому началу. Первоначально рыцарский роман был стихотворным; с середины XIII века

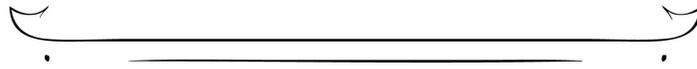
появляются его прозаические обработки, складывающиеся в большие циклы (напр<имер>, цикл о Ланселоте).

Рыцарский роман широко отразил быт и нравы своего времени, морально-этические идеалы не только класса феодалов, но и «служилых» людей, вообще широких масс населения средневекового города, вовлечённых в феодальные усобицы и крестовые походы (последние повлияли на широкий географизм рыцарского романа). Поэтика рыцарского романа оказала воздействие на героический эпос, фиксировавшийся в это время в письменной традиции, а также на развитие прозы и стихосложения (в частности, на александрийский стих).

В поисках сюжетов авторы рыцарских романов обращались к произведениям античной литературы, к древнейшим сказаниям народов Европы, к истории Древней Греции и Византии. Наиболее популярны были романы о рыцарях Круглого Стола, о легендарном короле бриттов Артуре, о любви Тристана и Изольды, о поисках святого Грааля. Рыцарский роман привлек внимание многих писателей. Во Франции это были Тома (англо-нормандский трувер XII века, написавший роман в стихах о Тристане и Изольде, на французском языке), Беруль (нормандский трувер XII века, создавший вариант того же сказания), французский поэт XII века Кретьен де Труа (роман «Ланселот», «Рыцарь льва», «Персеваль» и др.), Мария Французская (Marie de France, поэтесса родом из Нормандии, вторая половина XII века, создавшая ряд басен и «лэ»). В XIII веке известны Жан Ренар, Робер де Борон, Рено де Божё и др. — В Германии рыцарский роман развивали Генрих фон Фельдеке (XII в.), Гартман фон Ауэ (начало XIII века), Вольфрам фон Эшенбах, Готфрид Страсбургский, Конрад Флек, Конрад Вюрцбургский (XIII век); в Англии прославился один Томас Мэлори (XV век). Параллельно с рыцарским романом развивались рыцарская повесть и новелла («лэ»).

Уже в XIII веке появляются пародии на рыцарский роман. В XV веке жанр приходит в упадок, вытесняемый литературой городского сословия, но с началом книгопечатания вновь возрождается в виде лубочных изданий (в том числе в России XVII—XIX веков). В Испании рыцарский роман, не выдвинув в Средние века значительных образцов, неожиданно расцвёл в эпоху Возрождения, наполнившись его идеями и увлекши даже таких писателей, как Сервантес («Странствия Персилеса и Сихисмунды»), который в «Дон-Кихоте» высмеивал не рыцарский роман как таковой, а эпигонские продолжения и переработки «Амадиса Гальского» и др<уги>х образцов этого жанра. В XVI и особенно в XVII веке предпринимались попытки возродить рыцарский роман, но у писателей прециозного направления он приобретал условной стилизации.

«Амадис Гальский»

Amadis de Gaula — правильное было бы переводить Амадис Уэльский, он внук Уэльского короля. «Амадис Гальский» — это испанский рыцарский роман, вызвавший массу подражаний. Он опубликован в 1508 году испанцем Гарси-Ордоньесом (Родригесом) де Монтальво: первые три тома представляют собой переработку, 4-й том написан им целиком. Вероятно, роман возник в начале XIV века. Источники и язык подлинника точно не определены: наибольшим признанием пользовалась версия о происхождении «Амадиса Гальского» от португальского оригинала Лобейры (XIII век). Высказывались мнения и о кастильском или французском происхождении романа. «Амадис Гальский» — любимое чтение Дон-Кихота у Сервантеса; великий писатель отдавал дань достоинствам этого знаменитого романа, но всё же пародировал «Амадиса».

Герой этой книги Амадис, про прозвищу Рыцарь Льва, руководствуется в своих подвигах идеей «совершенного рыцарства». В романе ощутим воздействие идей Возрождения о «справедливом абсолютизме» и отпечаток проникших в среду испанского рыцарства иноземных культурных влияний, легенд и преданий, принадлежащих к бретонскому и каролингскому эпическим циклам. Амадис Гальский — тип почтительного и постоянного любовника, идеал странствующего рыцарства. В 1684 году Люлли написал на текст Кено (Quinault) лирическую трагедию «Amadis de Gaule».

Весёлая наука (Gaya scienza)

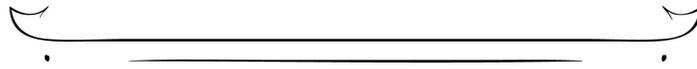
Люблю я гонцов неизбежной войны,
О, как веселится мой взор!
Стада с пастухами бегут, смятены,
И трубный разносится хор
Сквозь топот тяжёлых коней! —

поёт в драме А. Блока «Роза и Крест» бродячий поэт, услаждал слух влиятельного феодала. Блок вложил в его уста свой вольный перевод одной из военных песен трубадура Бертрана де Борна.

X—XVI века: трубадуры, миннезингеры, майстерзингеры... Они сменяли друг друга, оставляя потомкам стихи, ноты, описания странных обычаев. Многие их произведения не дошли до нас, т. к. не всегда записывались. Искусство свое они называли «весёлой наукой», по-провансальски *gaya scienza*², по французски *le gai savoir*. Исторические сведения о них скудны, а сохранившиеся факты тесно перепутаны с легендами. Бертран де Борн — не только самый известный трубадур, он был для той эпохи своего рода «идеалом» трубадура.

Он родился около 1140 года в Борн-де-Салиньяке (Лимузен) и, несмотря на множество приключений, часто опасных, дожил до 70 лет.

² *Gaya scienza* — поэзия школы трубадуров из Тулузы.

Трубадуры «состояли» при феодальных дворах. Королева Элинор, жена английского короля Генриха II (из династии Плантагенетов) взяла Бертрана под своё покровительство и не раз выручала из трудных положений. Кипучая натура Бертрана не могла удовлетвориться слаганием песен, к тому же трубадуры в то время были и рыцарями. Он принял участие в борьбе сыновей Генриха II против отца. Именно он побудил старшего сына короля принца Генриха (позже Генриха III) выступить против отца; второго сына, Ричарда Львиное Сердце, не нужно было уговаривать — он сам рвался в бой.

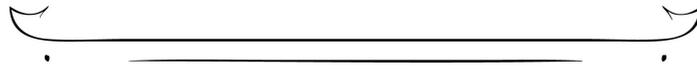
В числе 500 дошедших до нас имён трубадуров есть и имя Ричарда. В 1193 году Ричард, уже король Англии, возвращался из крестового похода и попал в австрийский плен. В плену он написал ротруанж (форма песни с припевом), в котором горько сетовал на свою судьбу и предательство друзей. Обстоятельства сложились так, что Ричард долгие годы жил в Южной Франции, где трубадуров особенно любили. Поэтому в «поэтическую братию» короля приняли как своего.

Когда эти два принца выступили против Генриха II, Бертран де Борн был рядом с ними. Сначала принцы потерпели поражение, и король взял трубадура в плен. Он был освобождён лишь благодаря заступничеству королевы Элинор — «львицы Плантагенета». Правда, предание гласит, что не последнюю роль сыграло волшебное искусство Бертрана, поразившего короля своими песнями.

Позже Бертран участвовал в распрях между Генрихом III и Ричардом Львиное Сердце, в многочисленных междуусобицах знати. По возвращении Ричарда из крестового похода Бертран призывал его в своих «сирвентах» (провансальский поэтический жанр) отомстить французскому королю Филиппу Августу. Мужество Бертрана стала легендарным: говорят, когда ему отпиливали руку, он продолжал спокойно диктовать стихи. Он меньше других трубадуров писал о любви; его излюбленные темы — поучения, рассуждения о мире и войне. Не раз его просили написать воинскую песнь специально для того, чтобы поднять дух войск. До нас дошло около 40 его стихотворений, из них самое известное — сирвента, прославляющая военные подвиги (вольный перевод Блока в пьесе «Роза и Крест»). В конце жизни Бертран де Борн, виконт д'Отфор, принял монашество; умер около 1215 в монастыре Далон (Дордонь).

Последующие поколения сделали его олицетворением трубадура вообще. Данте высоко оценил его поэзию в трактате «О народном языке» и создал незабываемый образ мятежного трубадура в 28-й песне «Ада». Уланд посвятил ему балладу, Генрих Гейне — стихотворение. Лион Фейхтвангер вывел его в своём романе «Испанская баллада».

Высокая культура стояла за плечами Бертрана — культура, созданная такими же рыцарями и бродягами. Имена многих из них затеряны в веках.

Первым историческим трубадуром считается Гильом IX, герцог Аквитанский, граф де Пуатье (1071—1127). Он участвовал в крестовом походе и был несколько раз отлучён от церкви за «распущенность». Сохранившиеся его стихотворения поражают своей законченностью, «литературностью», налётом скептицизма; в них уже встречаются главные темы куртуазной лирики. Видимо, внезапное развитие поэзии трубадуров в Провансе после средневековой латыни (кстати, Гильом — один из первых поэтов, писавших на новых европейских языках) объясняется влиянием соседней испано-арабской культуры. Из-за Пиренеев пришли и рифмы, и сложная строфика. Но бродячие певцы-поэты появились на прекрасной земле Прованса ещё до Гильома IX.

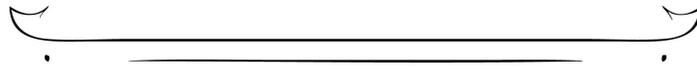
«Весёлая наука» пользовалась здесь большим почётом. Среди трубадуров были и неграмотные простолюдины, и короли, и даже женщины: графиня Беатриса де Диа, графиня Прованская, виконтесс Вентадорн...

Трубадур пользовался множеством привилегий. Казнить его считалось грехом. Когда римский трибун Кола ди Риенцо был приговорён к смерти, казнь его отложили, чтобы выяснить, не поэт ли он.

Трубадур поклонялся своей избраннице — «прекрасной даме», чаще всего хозяйке замка, где жил трубадур. Отношения поэта и дамы сердца разыгрывались по особым правилам, по своеобразному сценарию: всё имело своё место и значение. Чтобы не компрометировать предмета своей страсти и не возбуждать ревности мужа, трубадур должен был скрывать имя своей дамы под каким-нибудь псевдонимом. Если роман всё же раскрывался, симпатии чаще всего оказывались на стороне возлюбленного, а не мужа. Однажды один феодал убил поэта — поклонника своей жены. Тогда окрестные феодалы, возмущённые попранием прав «весёлой науки», сообща разбили войско слишком ревнивого супруга и казнили его. Словом, возник своеобразный культ любви, ставший позже предметом многих специальных исследований. Крупнейшие учёные, в том числе русские — А. Веселовский, В. Шишмарёв — строили различные предположения об его истоках. В поклонении трубадура своей избраннице видели даже параллель с культом Девы Марии.

Конец эпохе трубадуров положили альбигойские войны 1209—1229: церковь натравила на Южную Францию феодалов всей Европы. Война велась ради захвата плодородных земель графств Тулузского, Пуатье, Руссильона и Прованского, а предлогом послужила альбигойская ересь в этой стране. Крестоносцы громили замки местных рыцарей и жилища горожан, убивали их, не разбирая, кто еретик, а кто верный католик. С разорением богатого Юга погибла культура трубадуров.

Её развитием явилась куртуазная литература (от франц<узского> *courtois* — учтивый, вежливый), т. е. придворно-рыцарская литература. В эту эпоху возникают пышные дворы, где царят «хорошие манеры», увлечения музыкой и поэзией. Героический идеал раннего рыцарства в результате близкого знакомства с арабской

культурой (во время крестовых походов) и античной литературой трансформируется в сторону эстетизма, внешнего блеска. Жизнерадостная куртуазная лирика провансальских трубадуров противостояла клерикальной литературе, использовала ряд народно-поэтических приёмов и образов. Она дала европейской поэзии новые стихотворные формы: канцону, альбу, сирвенту, пасторелу, ввела разнообразные поэтические размеры и *рифму*. В XII—XIII веках куртуазная литература распространяется в Германии, Англии, Италии и т. д. Помимо лирических жанров возникает рыцарский роман, первоначально разрабатывающий античные и восточные («византийские») сюжеты, а потом — кельтские сказания о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. В лирике труверов, миннезингеров, в куртуазном романе, в отличие от эпического творчества — коллективного и анонимного, выделяется фигура творца. С этим связано и прославление индивидуальных качество человека, подвигов рыцаря, совершаемых уже не во имя родового или вассального долга, а в честь прекрасной дамы. Куртуазная литература ввела много новых сюжетов, порой фантастических, почерпнутых из восточного и европейского дохристианского фольклора и мифологии.

Символом немецкого «миннезанга», родственного трубадурству, стал легендарный Тангейзер. Он не хотел слепо поклоняться холодной красавице. В своих песнях он издевается над женщиной, обещающей поклоннику благосклонность, лишь когда он отведёт течение Рейна в сторону от Кобленца и достанет песок из моря, в которое садится солнце. Тангейзер шутил: мои постоянные спутники в путешествиях — господин Mangel (нужда), господин Schaffennichts (ничего не приобретающий) и господин Seltenreich (редко богатый).

Жизнь, полная приключений, сделала его героем знаменитой легенды. Во время странствий он будто бы попал на Венерину гору и удостоился любви самой богини.

«Миннезанг» (нем. Minne — любовь и Sang — песнь) возник несколько позже поэзии трубадуров и кое в чём стал пародией на неё. Рыцарская любовь, служение даме сердца (Minnedienst) у миннезингеров сделалась ещё более условной и возвышенной, чем у провансальцев. Предмет страсти превратился в отвлечённую идею. Если трубадур мечтал о поцелуе дамы, то миннезингер на это и надеяться не смеет: он будет счастлив всю жизнь, если дама остановит на нём взгляд и кивнёт головой.

Лишь очень немногие миннезингеры смогли вырваться из плена риторики и «неземных страстей». Таким поэтом был Вальтер фон дер Фогельвейде, сблизивший миннезанг с народной жизнью. Он воспевал простые чувства простых людей, и имя его не забыто:

Растёт
среди дубравы древо;
туда я к милому пришла;

смотрю — он ждёт.
Святая дева!
Ах, как я счастлива была —
он целовал меня сто раз подряд —
тандарадей! — уста мои горят.

(Перевод Л. Мартынова)

Существует легенда о 12 мастерах искусства стиха. Это Фрауэнлоб, Клингсор, Фогельвейде и другие миннезингеры. Их будто бы оклеветали перед папой Львом VII, обвинили в ереси и неуважении к духовному сану. Император призвал мастеров на суд, но когда они прочли перед судом свои стихи, их сразу признали невиновными. Более того, поэтическое братство было сразу официально утверждено. Так рассказывает легенда о возникновении первого цеха мейстерзингеров. А на деле бюргерский майстерзанг возник во второй половине XIII века из поздних форм миннезанга. Сначала складываются при церквях «певческие братства», «зингбрудершафты», а потом мейстерзанг становится достоянием по-цеховому организованных групп ремесленников. Первую певческую школу основал Генрих Фрауэнлоб из Мейсена (1250—1318). Творчество мейстерзингеров было по существу упражнением в искусстве пения по строгим канонам школы. В XV веке были разработаны своды правил — табулатуры. В них предписывалось даже манера исполнения. Певческие состязания проводились в церкви. «Весёлая наука» Прованса и Германии превратилась в ремесло.

Не следует думать, что это было только падение. Со временем в майстерзанг, кроме библейских и дидактических сюжетов, проникают светские и даже любовные темы.

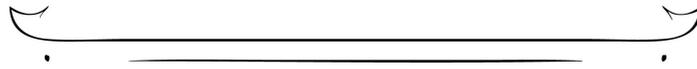
Сколько неразумно мы живём,
Забыв господне слово!
Плутуем, пакостим, живьём
Друг друга съестть готовы.

Постыдно короток наш век.
Но больше, чем могилой,
Запуган жизнью человек...
О господи, помилуй!

(Перевод Л. Гинзбург)

Автора этих стихов мы не знаем. Это произведение «О краткости жизни человеческой» написано в XVII веке, в разгар войны.

У мейстерзингеров текст и музыку писали уже разные члены цехового «братства». Табулатура предполагала в произведении обязательный «тон», т. е. эмоциональное соответствие слов и музыки. Этому «тону» давалось наименование,

иногда очень странное: «цветистый райский тон Иосифа Шмирера», «ткацко-чесальный тон Амвросия Менгера»...

Не нужно забывать, что почти у каждого мейстерзингера была «главная профессия»: ткач, сапожник, портной. Когда «тону» поэта присваивалось наименование, часто имелись в виду не только достоинства его стихов, но и профессия.

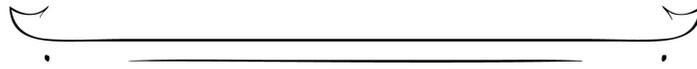
Музыкальная комедия Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры» (о самой известной певческой корпорации) написана в 1857 г., но Вагнер ещё имел возможность наблюдать «натуру»: последняя школа мейстерзанга закрылась в Меммингене в 1875 году.

«Веселая наука» исчезла на несколько веков раньше. Но европейская поэзия многим ей обязана. Эта «наука» эхом откликнулась в творчестве таких больших поэтов, как Вийон, Ронсар, Грифиус, Опиц. А в России мечтательный Александр Блок хоть на какое-то время тоже чувствовал себя трубадуром.

Франсуа Вийон (François Villon)

Настоящая его фамилия — Монкорбье или де Лож; он родился в 1431 или 1432 году, в Париже. Его воспитал приёмный отец капеллан Гийом де Вийон, имя которого и носил поэт. Франсуа учился на факультете искусств в Сорбонне, где получил звание бакалавра, затем магистра искусств (1452). В 1455 Франсуа де Вийон убил в драке священника, бежал из Парижа; был помилован, но, вернувшись, связал свою судьбу с воровскими шайками, участвовал в кражах и ограблениях, не раз сидел в тюрьмах. В 1463 он был осуждён за убийство, приговорён к смертной казни через повешение. В ожидании смерти написал «Балладу повешенных», но казнь была отменена, а Вийон взамен этого изгнан из Парижа и окрестностей. В написанном спустя столетие романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле изобразил Вийона как автора и постановщика мистерии, предводителя весёлой компании комедиантов. Известно также, что Вийон участвовал в состязаниях поэтов при дворе герцога Карла Орлеанского. С 1464 следы Вийона теряются, место и дата его смерти неизвестны.

В 1456 он написал небольшую поэму «Лэ» («Lais»), в 320 стихов, известную в литературе под названием «Малое завещание» («Petit Testament»). Это насмешливая исповедь студента-бродяги, пародирующая юридический документ, произведение большой реалистической силы, полное проникновенного лиризма, иронии, грубоватого юмора. С издёвкой распределяет Вийон между своими друзьями и недругами фантастические подарки: вывески лавчонок с намалёванными на них жирными гусями — для нищих монахов, мыльные пузыри — для парижских священников. Перечисление «завещаемых» предметов сопровождается каламбурами и непристойными остротами.

Его «Большое завещание» («Grand Testament») со вставными балладами («О дамах минувших времён», «Парижские женщины», «Большая Марго» и др.) содержит 2023 стиха. Особенно примечательны в этом сочинении реалистические сценки из жизни парижских низов. Ярко обрисованы смутьяны-бродяги, воры, проститутки, трактирщики, спившиеся клирики — характерные типы позднего средневековья. В стихах Вийона содержатся также размышления об утраченной юности, неразделённой любви и горькой нужде, «матери всех преступлений», предчувствие неизбежной гибели, покаянные молитвы; всё это перебивается иронией, порой благодушной, порой язвительной. Читая Вийона, слышишь живой голос человека, испытавшего нищету, хорошо знающего цену жизни и ощущение ужаса близкой казни, но сохранившего при этом дерзкий и весёлый нрав.

Я Франсуа, чем не рад.
Увы, смерть ждёт злодея!
И сколько весит зад,
Узнает скоро шея.

Вийону не чужды были и патриотические настроения («Баллада против врагов Франции»). В связи со Столетней войной (окончилась в 1453) Вийон в балладе о «Дамах минувших времён» вспомнил «добрую Жанну из Лотарингии, сожжённую англичанам в Руане».

Закат средневековья и начало новой истории своеобразно отразились в противоречивой творческой судьбе поэта: первые зарницы Возрождения ознаменовались у него признаком «мирской» жизни, ранее подавляемой господством церковной идеологии. Вийон проявляет горячую симпатию к «солдату в медной каске», «бродячему станцюру», «горлодёру» (рассказчику небылиц), ко всем обездоленным. В стихах Вийона эти бродяги, отбросы общества, оказываются более пронизательными, чем блюстители традиции — властители церковные и политические. Типичное для XV века представление, что смерть одинакова для короля и холопа, для богача и бедняка, Вийон выразил по-новому: в его стихах выступает простолюдин, открыто смотрящий жизни в лицо, чуждый почтения к знатности и благочестию, призрачностью к^орых подтверждается смертью.

Нагой, как червь, пышней я всех господ...

Напоминая о своём плебействе, Вийон издевается над щёголем, «разодетым как кукла», над «святыми отцами», презрительно говорит о рыцарях, «откормленных с большим трудом и сливками и пирогом», о трапезе вельможи:

Он сам кусочка не возьмёт,
Он сам вина не разольёт, —
Не утруждать бы белых рук,
На то есть много резвых слуг.

~ ~ ~ ~ ~

Реализм Вийона... Современный французский историк литературы Дюгурне (J. Dugournet) называет его «notre premier poète modern», несмотря на устаревший сегодня язык Вийона. Этот поэт добился исключительного успеха в столь популярном жанре, как баллада, или даже в столь затасканном (usé) как *enumeration des célébrités du temps jadis*. Вийон был образованным человеком, но кроме этого он знал ресурсы своего языка и прелесть народных песен (*le charme de la complainte populaire*). Это был дерзкий гений, к<ото>рый посмел написать в «Балладе повешенных» («Ballade des pendus») феноменальный стих, жестокость к<ото>рого не превзойдёт даже Виктор Гюго:

Et nous, les os, devenons cendre et poudre...

Стих Вийона гибок и музыкален. Вийон в совершенстве владел всеми средствами поэтического выражения: ему послушны и ритм, и рифма, и сложная строфика баллады с рефренами. Это виртуозное мастерство сочеталось у него с необыкновенной искренностью — явление редкое в поэзии той эпохи, изобилующей условностями. Язык Вийона вмещает в себя говор городского мещанства, воровской жаргон, риторiku учёной Сорбонны, архаизмы в описаниях рыцарской старины. Художественная культура Вийона обнаруживает в нём поэта позднего Средневековья; осложнённая психология и скептицизм предвещают поэта нового времени. Он опережал своё время и не мог создать школы. Истинными наследниками его стали Гренгор, Ренье, Маро и Рабле. Позже его хвалили Лафонтен, Мольер, Бомарше и даже Буало. Виктор Гюго и Теофиль Готье понимали гений Вийона, а позже — Поль Верлен, чья судьба отчасти похожа на жизнь автора «Большого завещания». Исследователи 12—20 вв. удалось расшифровать скрытый смысл некоторых стихов Вийона.

Эразм Роттердамский 1466—1536

Эразм — великий гуманист, один из предшественников Рабле. Он родился в Роттердаме (Голландия). Это один из величайших сатириков Ренессанса.

Наиболее популярным произведением Эразма было «Похвальное слово Глупости» (1509), в к<ото>ром проводилась идея распространения просвещения как средства для исправления всех социальных зол. Эразм остроумно высмеивал пороки феодального общества, которым, по его словам, покровительствовала «царица Глупость». Нападая на духовенство, Эразм рекомендовал остерегаться богословов и схоластов как «смрадного болота». О философах-схоластах он пишет: «Ничего в действительности не зная, они тем не менее воображают себя всезнайками. Между тем, они даже самих себя не в силах познать и часто не замечают по телесной близорукости или по рассеянности ям и камней у себя под ногами. Это однако не мешает им проповедывать, будто они созерцают идеи, всеобщности, формы, отделённые от вещей, первичную материю, сущности, самости и тому подобные

предметы...» («Похвальное слово Глупости», М., 1938, стр. 128—129). Кстати, последний русский перевод книги — «Похвала Глупости», М., 1960.

В «Похвале Глупости» (французы переводят «Eloge de la folie») Эразм осмеял религиозную мораль, аскетизм, схоластику; особенно чувствительные удары он наносил богословам и монахам. Критика Эразма затрагивала также содержание христианского вероучения. Он выражал сомнение в подлинности и святости библейских книг, указывая, что многое в них представляет собой аллегории, отрицал троичность божества, высмеивал таинство причащения, celibат католического духовенства.

Сочинения Эразма весьма многочисленны. Среди них известны также «Коллоквиумы». Он был убеждённым противником завоевательных войн и написал труд в защиту мирных отношений между народами — «Жалоба мира». Начинается она с апологии мира в противоположность войне. Эразм связывает заинтересованность в войне с «тиранией знати», противопоставляя феодализм жаждущим мира простым людям. «Большая часть народа ненавидит войну и молит о мире. Лишь немногие, чьё подлое благополучие зависит от народного горя, желают войны. А справедливо или нет, чтобы их бесчестность имела большее значение и силу, чем воля всех добрых людей, — судите сами». Так говорит Эразм в «Жалобе Мира».

И Erasmus, и Desiderius — это всё псевдонимы, настоящее имя писателя Герхард Герхардс (Gerhard Gerhards). Он родился в богатой купеческой семье и получил блестящее образование, был знатоком античной культуры, жил во Франции, Англии, Италии, Швейцарии. Наконец, он поселился в Базеле, чтобы без помех печатать там свои произведения; там и скончался.

Несомненно, что этот типичный гуманист и враг религиозного фанатизма оказал огромное влияние на Рабле. Мы находим в знаменитой книге весёлого мёдонского кюре продолжение и развитие многих людей Эразма: осмеяние библии и схоластики, постов и аскетизма, феодальных завоевателей (король Пикрошоль) и т. п. Сочинения Эразма, написанные по латыни, хорошо знали во Франции.

Чёткий стиль и едкое остроумие Эразма снискали ему в позднейшей критике прозвище «латинского Вольтера» («le Voltaire latin»).

Рыцарский роман, Ариосто и Рабле

В Средние Века в Западной Европе создаются целые циклы рыцарских сказаний и легенд, образующие так называемый «рыцарский роман». В нём описываются подвиги рыцарей, восхождение безвестных юных оруженосцев к вершинам славы, любовь к даме сердца и принесение ей в жертву всей жизни рыцаря, служение рыцаря богу или своему сюзерену. Из средневековых циклов сказаний составились также знаменитые романы, как роман о короле Артуре и рыцарях

Круглого стола (Сам король, королева Джиневра, Ланселот, волшебник Мерлин), роман о Тристане и Изольде, роман о святом Граале и т. д.

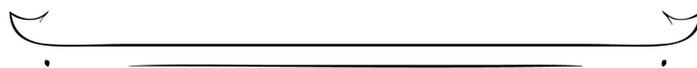
Первоначально рыцарский роман разрабатывал античные и восточные («византийские») сюжеты, а затем тематику кельтских сказаний о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, так называемый «артуровский цикл». Постепенное усложнение и развитие этой традиции в связи с окончательным формированием феодального общества, его нравов и этикета привело к созданию куртуазной литературы. Французское *courtois* означает «учтивый, вежливый». Куртуазная литература сложилась в эпоху зрелого феодализма (XII—XIV вв.) первоначально в Провансе, затем по всей Франции и в Германии. В куртуазном романе, как и в лирике, раскрытие человеческих чувств привело к углублению психологических характеристик, что было почти совершенно незнакомо эпосу и клерикальной литературе. Куртуазный роман ввёл в обиход множество новых сюжетов, порою фантастических, широко использующих восточный и античный фольклор и мифологию.

К XV веку куртуазная литература превратилась в чисто развлекательное чтение. Создаётся *поздне-рыцарский* роман, отличающийся усилением фантастического элемента и непомерной идеализацией героев. Он снискал особенную популярность в Испании с её сильными рыцарскими и феодальными традициями. Самый знаменитый образец романа позднего рыцарства — это «Амадис Гальский»; предполагают, что его написал португальский рыцарь Васко де Лобейра.

Чрезвычайно интересно проследить историю одного знаменитого сюжета через века и эпохи, отмечая его превращения и переходы из одной системы в другую. Обратимся к истории сюжета о Роланде.

В основе песни о Роланде, повествующей о героической гибели графа Роланда, племянника Карла Великого, во время боя с неверными в Ронсевальском ущелье, лежит исторический факт. В 778 году Карла Великий, призванный одним из мавританских царьков Испании, враждовавшим с эмиром Сарагоссы, вторгся в Испанию и завоевал несколько городов, но вскоре удалился. При отступлении армии франков баски, горные жители Пиреней, напали на её арьергард в ущелье Ронсеваль. В этом незначительном бою в числе трёх знатных баронов погиб маркграф Бретани *Роланд* (Hruothlandus). Несомненно, что вскоре после этого сложились первые песни о его трагической гибели; постепенно развиваясь и расширяясь, они послужили тем материалом, которым воспользовались «жонглёры»³ X—XI веков для своих поэм о Роланде. Развитие это шло по линии постепенного осложнения сюжета и идеализации образа Роланда и картина Ронсевальской битвы крайне гиперболизированы;

³ *Жонглёры* — странствующие комедианты, певцы и музыканты в средневековой Франции (X—XIII века); представляли народное искусство и подвергались систематическим преследованиям церкви. Творчество жонглёров сыграло большую роль в создании и развитии французского героического эпоса — *жест*.

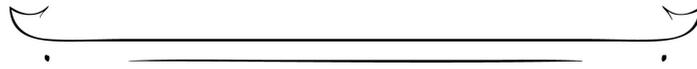
безвестные певцы присочинили историю предательства Ганелона, объяснявшую причины поражения франков в Ронсевале, и наконец экспедиции Карла Великого был придан религиозный пафос борьбы «креста с полумесяцем», что более соответствовало эпохе начинающихся крестовых походов (первый — в 1096).

Сказание существовало, несомненно, во множестве редакций, из которых лишь весьма немногие дошли до нас. Самой древней и самой поэтичной является написанная ассонансированными строфами неравной длины «Песнь о Роланде» неизвестного автора — конец XI века. Эпос о Роланде приобрёл громкую славу во всей Европе благодаря особенно яркому выражению идеалов доблести и чести в их феодальном понимании. На почве международного общения рыцарства во время крестовых походов образ Роланда был освоен всеми европейцами как выражение общего рыцарского идеала. Появилось множество переводов «Песни о Роланде» и других, более поздних поэм о нём (в частности об его юношеских подвигах, об его участии в походах в Италию и т. д.) с французского на другие языки Европы.

Что характерно для эпоса о Роланде? Известная архаичность его сказывается в чертах суровой простоты нравов и чувств, что соответствовало докуртуазному периоду феодальной культуры: напр<имер>, отсутствие мотивов любви и неразработанность женских образов. Общенародный характер эпоса выразился в центральном мотиве борьбы за родину против иноземного вторжения: ведь франки VIII века вели отчаянную борьбу за национальное существование против арабской экспансии, перехлестнувшей через Пиренеи. Эта героическая *самооборона* народа получила в «Песни о Роланде» религиозную окраску вследствие характерного для эпохи единства светско-рыцарских и духовных идеалов. Роланд воплотил в себе патриотизм французского народа, это в полном смысле слова «*национальный герой*», подобно Зигфриду у немцев или Сиду в испанском эпосе.

«Размноженный» в сотнях поэм (уже авторских) и рыцарских романов по всей Европе, Роланд постепенно утрачивал черты национального героя, превращаясь в шаблонизированный образ идеального рыцаря. Совершенно новая судьба ожидала его в Италии.

Здесь уже в XIII веке Николай Падуанский создал свои редакции сказания о Роланде — поэмы «Вступление в Испанию» и «Взятие Пампелуны». С конца XIII в. в Италии расцветает куртуазная литература; сюда бежали после альбигойских войн некоторые трубадуры Прованса. При итальянских дворах популярны романы артуровского цикла «Сториа ди Мерлино», «Морте ди Тристано» и поэма в 7 песнях «Устройство Круглого Стола» («*Struzione della tavola rotonda*»). В народных массах Италии наибольшей известностью пользовались французские романы «каролингского цикла». Сказания о Карле Великом и его сподвижниках утратили в Италии свой национальный характер, превратились в «романы приключений» — т. е. в описания чудесных подвигов, необыкновенных происшествий и т. д. Фигуры этих романов

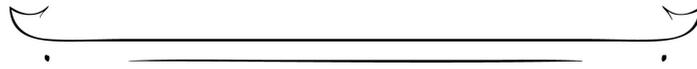

олицетворяют или порок, или добродетель: с одной стороны герои из рода Кьяромонте, воплощения мужества, *куртуазии*, бескорыстия и т. п.; с другой стороны предатели, все из рода Маганца, коварные, трусливые, подлые. Все романы построены по одному шаблону: предателям удается оклеветать героя перед Карлом Великим, к^{ото}рый осуждает его на изгнание; начинается ряд необыкновенных приключений, герой совершает великие подвиги, один завоёвывает целые царства; у него являются новые завистники, он подвергается новым преследованиям, его приговаривают к смерти, но тут прекрасная дама, к^{ото}рая давно его любит, подкупает его стражей и освобождает его. Герой со своей избавительницей возвращается во Францию, где застаёт Карла в трудном положении: его теснят несметные сарацинские полчища. Герой разбивает их, спасает Францию и примиряется с Карлом. Но коварные враги не дремлют, им удаётся снова оклеветать героя — начинается новый ряд приключений.

Подобные романы рассказывались на улицах и площадях бродячими певцами, к^{ото}рые назывались в Сицилии «кантасторие», а в Неаполе — «ринальди», по имени их излюбленного героя Ринальдо. Материалом для них служил рыцарский роман «Фиоравенте», первой половины XIV века. Итак, средневековый эпос и сказание подверглись сначала сильнейшей обработке в духе куртуазии, а затем популяризировались в простонародных упрощениях. Роланд, к^{ото}рый в старом эпосе совершенно заслонял бледную и пассивную тень «прекрасной Альды», своей невесты, теперь превращается во влюблённого рыцаря, переживающего удивительнейшие приключения. В поздних французских и франко-итальянских версиях поэм о Роланде появляются зачатки пародии и гротеска.

Наступает эпоха Возрождения. Во Флоренции властью завладевает банкирская династия Медичи, в к^{ото}рой особенно выделился своим широким покровительством искусство Лоренцо Великолепный. Он окружил себя блистательными художниками и поэтами, среди к^{ото}рых были Сандро Боттичелли и Луиджа Пульчи. Вот на последнем мы и остановимся.

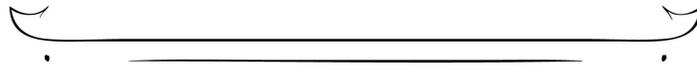
Близкий друг Лоренцо, Пульчи воспевал его победы на турнирах, развлекал шутивными сонетами и выполнял его дипломатические поручения. Писал он на народном языке, использовал мотивы и ритмы народной поэзии, вносил в свои произведения элементы буффонады. В целом Пульчи демократичнее всех прочих поэтов кружка Лоренцо, и его юмор носит более грубый, плебейский характер. Особенно явственно это отразилось в главном произведении Пульчи — поэме «Морганте» (1482—1483). Её иногда называли романом в стихах, имея в виду её связь с рыцарскими романами Пульчи, несомненно, стремился создать пародию на рыцарские романы, распространённые в народе. Он высмеивал рыцарскую тематику в наивной трактовке её «кантасториями».

«Морганте» состоит из 28 песен, каждая из которых начинается и кончается, по примеру кантасториев, религиозным воззванием. В первых 23 песнях автор точно следует сюжету анонимной поэмы «Orlando» (около 1380), в последних пяти вольно использует другие поэмы кантасториев. Сюжет поэмы — излюбленная народными певцами вражда между родом Кьярамонте, к которому принадлежат герои Орландо (Роланд) и Ринальдо, и родом Маганца, к которому принадлежит «предатель» Гано (Ганелон). Последнему удаётся оклеветать героев перед императором Карлом, который изображён глупым стариком, посылающим на гибель своих вернейших вассалов. Кроме Карла у Пульчи снижен и другие главные герои. Так, Ринальдо изображён болтуном, бабником и обжорой; аппетит управляет его поступками больше, чем рыцарский дух. Даже Орландо не лишён лёгкого налёта рассказов. Оклеветанный им Орландо гибнет в битве при Ронсевале. Канва сюжета старая, средневековая, но Пульчи расшил её совершенно новыми узорами.

Он подражает формам и приёмам народных певцов, мастерски передаёт их стиль. Он вводит несколько новых типов, весьма ярких и забавных. Таков гигант Морганте, сарацин, которого Орландо пощадил и обратил в христианскую веру. Этот глупый, но добрый великан, вооружённый большим языком колокола, следует за Орландо, которому беззаветно предан. Морганте обладает сверхчеловеческой силой и таким же аппетитом, он с корнем вырывает столетние дубы и съедает за ужином слона. Идею ввести в поэму этого смешного гиганта подал поэту гуманист Анджело Полициано. Называя поэму именем второстепенного героя Морганте (он исчезает в XX песне поэмы), Пульчи подчёркивал ведущую роль в его поэме буффонного элемента и несущественность «рыцарской» фабулы. Морганте — воплощение добродушной и грубой силы; он умирает от укуса рака в пятку (пародия на мотив «ахиллесовой пяты»).

Буффонада Пульчи насыщает особенно сильно изобретённые им самим два комических эпизода: о Маргутте (песни XVIII—XIX) и с Астаротте (песнь XXV). Маргутте — воплощение хитрости, плутовства и всяческих пороков. Ловкий и циничный плут, вор, мошенник, богохульник, обжора, развратник, он находится в приятельских отношениях с Морганте, который восхищается его находчивостью и остроумием. Маргутте издевается надо всем и даже умирает от смеха. Пульчи при помощи этого персонажа развёртывает своё нигилистическое отношение к феодально-религиозным ценностям. Ещё ярче проявляется насмешливое отношение Пульчи к религии в образе любезного дьявола Астаротте, которого автор заставляет проповедовать христианские догматы и защищать истинность католического веры. Пульчи изобрёл эпизод с Ринальдо, который принимает участие в Ронсевальском битве. Согласно другим романам, он в то время находился в Азии. Чтоб он мог

поспеть к Ронсевало, Пульчи заставляет дьявола Астаротте вселиться в его коня; затем описывается бешеная скачка через Азию, Африку и Испанию.

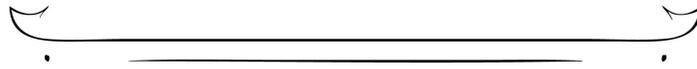
Буффонадой проникнута вся фабула «Морганте».

Излюбленный приём Пульчи — чудовищное преувеличение, накопление невероятнейших происшествий и подвигов, что само по себе обесмысливает их. При этом Пульчи сначала ведёт рассказ в серьёзном тоне, а затем разрушает иллюзию неожиданной насмешкой. Так он «срывает» даже самые патетические места поэмы: во время Ронсевальской битвы архангел Гавриил, напутствуя умирающего Орlando, приносит ему новости с того света о Морганте и Маргутте. Когда множество христианских душ попадает на небо, Пульчи выражает сострадание к апостолу Петру, к<ото>рый, крикая и обливаясь потом, ежеминутно отворяет двери рая для убитых французских рыцарей и глохнет от беспрестанной «осанны», которой встречают в раю погибших героев.

От поэмы Пульчи протягивается нить к великой книге Рабле, усвоившего метод систематической буффонной гиперболизации людей и явлений и вдохновившегося целым рядом образов Пульчи (Морганте, Маргутте и др.).

Совершенно иным человеком был аристократ утончённой культуры Маттео Мария Боярдо, граф Скандиано, придворный, друг и певец феррарского герцога. Он писал по-итальянски и по-латыни, прославляла любовь или фамилию д'Эсте (дом герцогов Феррари), но главным его творением явилась поэма «Влюблённый Роланд» («Orlando innamorato»); работа над ней была прервана вторжением французов в Италию в 1494 г., и в конце того же года Боярдо умер, остановившись на 26-й октаве 69-ой песни. Первые две книги «Влюблённого Роланда», написанные в 1484, вышли в 1495 году вместе с началом 2-й (незаконченной) книги. Несчастливая любовь Роланда, племянника Карла Великого, к прекрасной Анджелике, дочери царя Катая, к<ото>рая предпочла Ринальдо, стоит в центре поэмы среди множества интриг и авантур. Любовь царит в сказочном мире Боярдо, где рыцари борются с драконами и освобождает красавиц из замков злых волшебников. Его поэма — цепь «романтических», порой насмешливых новелл; их темы взяты из средневековых легенд, но обработка сюжета обнаруживает гуманиста, воспитанного на писателях древности. Он стремился соединить предания новых романских народов с традициями античности, что ему не всегда удавалось.

В его поэмах суровые и воинственные паладины каролингского цикла превратились в странствующих рыцарей, подчиняющихся кодексу чести: все они куртуазны, изящны, красноречивы и остроумны. Главный двигатель их поступков — любовь. Когда дочь короля катаяского появляется при дворе Карла Великого, она сразу становится предметом восторженного культа. Одного её слова, одного поцелуя достаточно, чтобы воспламенить Орlando на невероятнейшие подвиги. Любовь даёт ему сверхчеловеческую мощь, он чувствует в себе отвагу и силу целой толпы. И он, и

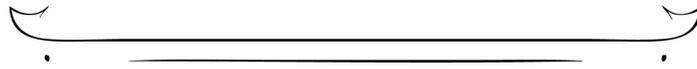
другие герои из любви к даме, подвергаются удивительнейшим приключениям: попадают в заколдованный сад, в волшебный грот феи Морганы, дерутся с великанами, чернокнижниками, драконами. Перед нами блестящий мир любви и фантазии.

Но здесь же сквозит ироническое отношение к изображаемым чудесам. Гуманист, знаток классиков, переводчика Геродота и Апулея, Боярдо шутливо относится к блестящим созданиям своей фантазии, к геройским подвигам и даже к культуре дамы. Его Анджелика — это не идеальная дама сердца, и не «мадонна анджеликата» болонских поэтов, а обольстительная кокетка, изменчивая и хитрая, к<ото>рая дурачит своих поклонников. Порой Боярдо намеренно нагромождает неправдоподобности: девять рыцарей обращают в бегство *двухмиллионную* армию, среди к<ото>рой находятся несколько сот великанов ростом в 30 футов. Зачарованными оказываются не только рыцари, но и их кони, шлемы, мечи и т. п.

«Иль Морганте» и «Орландо Иннаморато» — это уже совершенно возрожденческие, гуманистические обработки сюжета каролингского эпоса. Но подлинной вершиной в развитии сюжета явилась знаменитая поэма Ариосто «Неистовый Роланд» («Орландо фуриозо»).

Лодовики Ариосто (1474—1533) — сын придворного и сам придворный, изучал право и древние языки; он настолько усвоил формы древнеримской поэтики, что без труда писал какие угодно латинские стихотворения. С двадцати четырёх лет занимал различные должности при феррарском дворе, сочинял пьесы, писал различные стихи на случай. Самым тяжёлым временем были годы службы у кардинала Ипполита д'Эсте, к<ото>рый неоднократно давал поэту поручения, связанные с риском для жизни, и совершенно не считался с его поэтическим призванием. После кардинала Ариосто служил у феррарского герцога Альфонсо (из того же дома), а в 1522 г. стал губернатором Гарфаньяны. Вернувшись оттуда, он построил небольшой домик, окружённый садом и огородом, где и доживал свои дни со своей подругой флорентийкой Алессандрой Бенуччи; у неё он учился чисто тосканской речи (в языке Ариосто, уроженца Реджо-нель-Эмилия, было немало эмилианских провинциализмов). Последние годы Ариосто делил время между своими овощами и поэмой «Орландо фуриозо», к<ото>рой он занимался 25 лет (1507—1532).

Ариосто как бы продолжил «Влюблённого Роланда» Боярдо и подобно ему объединил тематику французского героического эпоса с куртуазным циклом «романов Круглого стола». Каролингский цикл в Италии уже давно стал обрабатываться в стили романов Круглого стола. Поэма Ариосто — вторая рыцарская поэма Феррары, между поэмой «Орландо иннаморато» и поэмой о безумии Роланда прошло почти полвека; ещё через полвека Феррара получила свою третью рыцарскую поэму — «Освобождённый Иерусалим» Тассо. Казалось бы, Ариосто идёт в одной

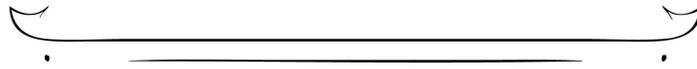
непрерывной традиции, от североитальянских народных певцов XII—XIII вв., от тосканских жонглёров XIV века, через Боярдо. Но на самом деле Ариосто написал новую гуманистическую поэму, вполне независимую от предшественников. Эта поэма с необычайной многогранностью воплощает гуманистические идеи и жизнь эпохи Возрождения. Земная действительность предстаёт в ней во всём разнообразии ослепительных красок и форм. Герои поэмы живут среди очарованной природы, борются за своё счастье, любят, ненавидят, страдают, предпочитая героически умереть (Изабелла), но не изменить своему чувству.

Композиция поэмы сложна и своеобразна. Три главных линии повествования: нашествие мавров на Францию, любовь и безумие Роланда, роман сарацинского рыцаря Руджеро и христианской богатырши Брадаманты, родоначальников дома д'Эсте, — переплетены со множеством других эпизодов, то весёлых, то лирических, то трагических. Совершенство формы, гибкость и изящество стиха сочетаются с глубоким психологизмом и тонкой иронией. Поэту чужды рыцарские идеалы: воскрешая фантастику рыцарских романов, он любит яркие детали, созданными его воображением, в то же время иронизируя над самими подвигами.

Уже Пульчи и в особенности Боярдо ввели в повествовательную канву средневековых эпосов развитый тосканскими поэтами психологический элемент. Ариосто вводит его с величайшим мастерством; рассказ о безумии Роланда даёт такую потрясающую картину, подобную которой трудно найти в мировом эпосе.

Ариосто создал пленительные образы Анджелики, Медора, Изабеллы с их земными радостями и скорбями. Описывая путешествия на Луну, где хранится всё утраченное людьми на Земле (в том числе и разум Орландо), Ариосто показывает как старик Время сыплет в реку Забвения имена власть имущих наравне с именами простых людей. Поэма напоминает непринуждённую беседу, где иронический рассказ о средневековье постоянно прерывается отступлениями, возвращающими читателя к современности. В поэме нет ни одного сочинённого самим Ариосто эпизода: всё заимствовано в артуровском цикле, у классиков (Вергилий, Овидий), в новеллистике. Тем не менее, «Неистовый Роланд» — одно из самых оригинальных произведений мировой литературы.

Некоторые критики отрицают психологизм и композиционное искусство Ариосто; нагромождение поединков, сцен колдовства, чудесных похищений и т. п. при всей своей пестроте в конце концов утомляет читателя. Но все признают и большие художественные достоинства «Неистового Роланда». Описание любви Анджелики к Медоро, сцена помешательства Роланда сделались классическими. Чрезвычайно удаются Ариосто изображения человеческого тела, особенно женской красоты. Пластичностью образов он соперничает с великими художниками и скульпторами своего времени. Ариосто — мастер описывать также пышные дворцы и здания, богатую обстановку, роскошные одежды. Многие эпизоды поэмы пронизаны

тонким юмором. Таковы, например, приключения Астольфо в аду и в земном раю, а также описание его полёта на гиппогрифе (крылатом коне) на Луну, где Астольфо находит в большой склянке разум Роланда.

Особенно прославился стиль Ариосто, его изобразительные средства, подбор эпитетов и метафор, его чеканная отделка стиха и фразы.

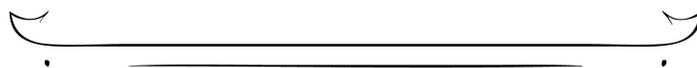
«Орландо фуриозо» был переведён на все европейские языки. Поэме отдали должное Торквато Тассо, Сервантес, Шекспир, Лафонтен, Вольтер, Байрон и Пушкин. Известное влияние «Неистового Роланда» можно усмотреть в «Руслане и Людмиле».

Прославленная поэма Ариосто фактически завершает историю развития сюжета о Роланде, т. к. последующие разработки этого сюжета в европейской поэзии незначительны. Тассо во многом опирается на опыт Ариосто, но создаёт уже совершенно иную поэму и уже на *псевдоисторический* сюжет.

Отталкивание от рыцарских романов на почве французского гуманизма и в прозе вместо поэзии, а также не просто в фантастическом духе, а в сатиро-фантастическом дало совершенно иные результаты и породило другую великую книгу, появившуюся в момент окончания поэмы Ариосто: «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Здесь не место анализировать это великое произведение, стоящее особняком во всей мировой литературе по своей воинственно-жизнерадостной грубости, по своей демонстративной нелитературности. В этом отношении с книгой Рабле можно сравнить только знаменитый роман Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка».

В самом начале своей книги Франсуа Рабле ссылается на другую книгу, хорошо известную французским читателям того времени: то был народный роман лубочного характера, пародировавший рыцарский роман. Эта народная книга называлась «Великие и бесподобные хроники об огромном великане Гаргантюа» и рисовала мир волшебников, великанов и рыцарей как бы в пародии. Как бы продолжая эту безобидную книгу, Рабле в 1532 или в начале 1533 года издал книгу о Пантагрюэле, а в 1535 — книгу об его отце Гаргантюа, сюжетно предваряющую первую (по времени издания). Книгой о Гаргантюа писатель хотел заменить ту пародийную книгу, которую сам пародийно продолжал. Главной целью нападок у Рабле является Библия, но эта цель замаскирована, а на ближнем плане стоят рыцарские романы. Текст Рабле — это сплошная цепь намёков и пародий; пародировала Библия, уравнивая с греческой мифологией и нарочитыми бессмыслицами. Он осмеивает и пародирует церковь и папство, суд и все его кодексы, схоластическую науку и мёртвую учёность, завоевателей и войны... Книга Рабле в высшей степени народна. Но Рабле не просто пересказывает народные мнения, он в народной форме и шутивно проповедует народу гуманизм Возрождения.

«Он осмеивает христианскую мифологию. Форма рыцарского романа с традиционными путешествиями и традиционными подвигами используется для войны с традициями» (Виктор Шкловский).

«Рыцарский роман жил рядом со сказкой, вытесняя её. Благодаря книгопечатанию рыцарский роман стал народной книгой и таким образом сделался зачином романа Рабле.

Рыцарский роман в прозаических и стихотворных пародиях обновлялся в высокой литературе и вносил в неё народную струю». (Шкловский, «Тетива»).

Наконец, своеобразная диалектическая связь существует между рыцарским романом и *отрицающим* его великим романом Сервантеса «Дон Кихот».

Итак, от родословного древа рыцарского романа своеобразно ответвляются прославленная поэма Ариосто, мениппея Франсуа Рабле и роман Сервантеса, который, по Кожинуву, должно считать возрожденческой эпопеей.

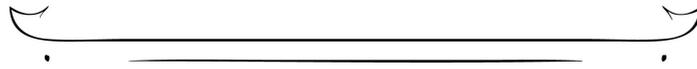
Поэма Ариосто «Неистовый Роланд» рассматривается современными теоретиками как «комический эпос ренессансного типа», прямо перекликающийся с более поздним творением Сервантеса.

Понятие «мениппеи»

Мениппова сатира — жанр античной литературы, для которого характерно смешение стихов и прозы. Своё название она получила от имени Мениппа из Гадары (III век до н. э.), автора не дошедших до нас сочинений — «Продажа Диогена», «Аркесилай», «Пир», «Письма богов». Мениппова сатира относится к тому общему роду литературы, распространившемуся с IV века до н. э., начиная с жанра прозаического диалога у последователей Сократа; этот жанр особенно культивировали киники. Мягкую иронию сократовского диалога мениппова сатира превратила в шутовской юмор, сближаясь с комедией. На достижение комического эффекта направлено и само смешение стихов и прозы, оно связано с частым цитированием высокой поэзии, пародированием целых сцен эпоса и трагедии. Предметом насмешек Мениппа было ничтожество земных благ, человеческих представлений и философских догм, поклонения богам. Менипп создал образ идеального кинического философа Диогена, показав его сквозь призму кажущегося унижения продажи в рабство.

Подражателями Мениппа были римляне Варрон, Сенека Младший и Лукиан. От сочинений Варрона сохранилось около 600 фрагментов. Дошедшая в отрывках сатира Сенеки «Отыквление божественного Клавдия» («Ароcolocyntosis») строилась как обыгрывание менипповского мотива изгнания богов с Олимпа. Мотивы менипповой сатиры использованы Лукианом в диалогах «Менипп», «Икароменипп», «Разговоры в царстве мёртвых».

Бахтин считает, что именно этот жанр античной литературы является предшественником романа — во всяком случае, в неизмеримо большей степени, чем

так называемый античный роман. Именно Бахтин ввёл в литературоведение изобретённое им понятие *мениппеи*. Так он называет особый «серьёзно-смеховой» жанр крупного повествования, из которого, по его мнению, вырос европейский роман нового времени.

В монографии Бахтина «Творчество Франсуа Рабле» (М., 1965) обоснована новая интерпретация книги Рабле как вершины многовековой нелитературной, неофициальной линии народного творчества, слившейся в эпоху Возрождения с гуманизмом, а в романе Рабле единственный раз во всей мощи вошедшей в литературу. Роман раскрывается как образец «празднично карнавального» искусства с особым двузначным «амбивалентным смехом», где хула и хвала, смерть и рождение сливаются как две стороны процесса «возрождения через осмеяние», с особым поэтическим языком «гротескного реализма», понимание которого позже было утрачено.

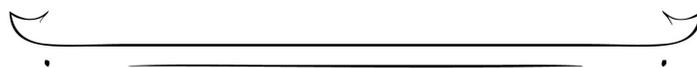
Сервантес и его великий роман

Сын хирурга, бедного идалго, Мигель де Сервантес Сааведра, был крещён в Алькала де Энарес 9 октября 1547 года.

В 1557—1561 он учился в иезуитской коллегии Вальядолида, потом в Мадриде. В свите папского легата он в 1569 переехал в Италию, но в следующем году уже числился солдатом испанской армии. Он отличился в морской битве европейского флота с турками при Лепанте, 7 октября 1571 года. Союзным флотом всех христиан командовал Дон Хуан Австрийский, двадцатичетырёхлетний сын императора Карла V, ровесник Сервантеса. Битва закончилась поражением турок, потерявших около 25 тысяч человек. Кроме того, христиане освободили около 15.000 каторжников с турецких галер. Потери христиан составили приблизительно 8.000 убитыми и 16.000 тысяч ранеными. В их числе оказался и Сервантес: он был ранен в грудь и в левую руку, оставшуюся парализованной.

Он долго лежал и лечился, а при возвращении на родину случилась беда. 20 сентября 1575 года корабль, на котором Сервантес и его брат плыли из Неаполя в Испанию, попал в руки варварийских пиратов. В Алжире Сервантеса продали какому-то греческому вероотступнику, который, обыскивая своего раба, нашёл у него рекомендательное письмо от самого Хуана Австрийского. Грек потребовал от этого знаменитого принца большой выкуп за пленника. Тем временем Сервантес был закован в кандалы.

Тяготы неволи и жестокое обращение вынудили молодого воина искать способа освободиться, но все его попытки кончались неудачей и надзор за пленником усиливался. Однажды ему удалось вступить в контакт с братом, за которого отец внёс выкуп. Когда за братом прибыл корабль, Сервантес тайком пробрался на него, но его обнаружили. Он взял всю вину на себя и не выдал тех, кто ему помог, несмотря

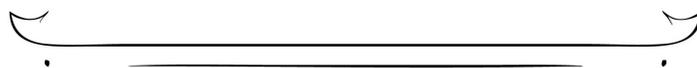

на пытки. Алжирский наместник Хасан, известный своей жестокостью, не сумел заставить Сервантеса выдать участников заговора. Стойкость пленника произвела такое впечатление на Хасана, что он откупил Сервантеса у грека. Сервантес ещё раз попытался бежать, но его предал какой-то доминиканец. Всего он совершил четыре попытки к бегству (раз в год) и лишь после четырёх с лишним лет плена был выкуплен миссионерами (1580). В сентябре 1580 за 33-летний Сервантес получил свободу.

В Мадриде он написал пасторальный роман «Галатея» (1585), доставивший ему известностью, и два-три десятка драм, поставленных в театрах Мадрида «без свистков и скандалов», но и без большого успеха; из них сохранились «Алжирские нравы» и «Нумансия». Скудость платы вынудила Сервантеса бросить перо и переехать в Севилью (1587), где он стал комиссаром по закупке провианта для Непобедимой Армады, а позже — сборщиком недоимок. Гражданская служба не была удачной: трижды Сервантес попадал в тюрьму (1592, 1597, 1602). Во время третьей и последней отсидки он начал писать своего «Дон Кихота».

Во многом это был итог личной жизни Сервантеса, полной героических дерзаний катастрофических неудач. В 1603 он оставил государственную службу, а в 1605 первая часть его великого романа увидела свет. Книга имела всенародный успех, о ней услышала вся Европа. Это соблазнило некоего Фернандеса де Авельянеду (псевдоним) выпустить в 1614 подложное окончание романа. Задетый огрублением концепции и главных образов, Сервантес в 1615 опубликовал подлинную 2-ю часть «Дон Кихота». Он издал также «Назидательные новеллы» (1613), поэму «Путешествие на Парнас», сборник комедий и интермедий (поэма — 1614, сборник — 1615). На смертном одре он закончил роман «Странствия Персилеса и Сихисмунды» (опубл<икован> 1617). В эти годы он жил в Вальядолиде и Мадриде, нищета и унижения по-прежнему преследовали Сервантеса и его семью. Перед смертью он принял посвящение в монашеский сан; умер в Мадриде 23 апреля 1616 года. Был похоронен за счёт братства терциариев. *Могила Сервантеса ЗАТЕРЯЛАСЬ*. Портретов его мы не знаем (были ли они?) К его сочинениям обычно прилагается портрет, написанный в 1738 английским художником Кентом согласно описанию внешности Сервантеса, данному им самим в Прологе к «Назидательным новеллам».

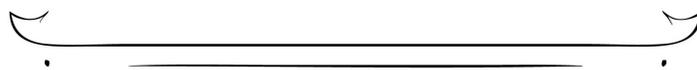
Такова судьба: она печальна. А что осталось из творчества? «Галатея», незаконченная повесть об идеальных влюблённых, была любимой книгой европейского читателя в эпоху сентиментализма (гл<авным> обр<азом> во французской обработке Флориана). Драммы Сервантеса образуют два жанра: любовно-героический (идеальный) и реально-бытовой (плутовской). К первому относится большинство комедий Сервантеса с сюжетом в духе новорыцарских поэм Боярдо и Ариосто, с популярным в испанской поэзии «мавританском сюжетом» — о любви мавританки

к испанцу («Алжирская каторга», «Доблестный испанец») или о судьбе любящей четы в алжирской или турецкой неволе. Это истории доблестных героев и героинь, достойно вознаграждённых в борьбе с превратной фортуной; внешний интерес коллизий поддерживается «переодеваниями», «узнаваниями» и колоритом восточных нравов. Сервантес не примкнул к театральной реформе Лопе де Веги, создателя комедии плаща и шпаги, основанной на конфликте любви и чести. Эти комедии Сервантеса в ту эпоху воспринимались зрителями как старомодные. Более реалистичны комедии плутовского жанра: «Блаженный негодник» — о севильском воре, ставшем под конец жизни благочестивым монахом, и особенно «Педро де Урдемалас» о популярном фольклорном герое, забавном «пакостнике» (исп<анский> urdemalás), многоликом в разнообразных занятиях и похождениях. Особое место в творчестве Сервантеса и во всём испанском театре занимает патриотическая трагедия «Нумансия» на высоко патетический сюжет о гибели жителей древнеиспанского города, героически выдержавших 14-летнюю осаду римлян.

Новеллы Сервантеса делятся на те же два вида: менее оригинальны любовно-авантюрные (идеальные) новеллы, в которых перелагаются прозой сюжеты новорыцарских поэм Ренессанса, с повторением мотивов и приёмов героических комедий; группу плутовских рассказов венчает «Беседа двух собак»; синтетическое место среди этих двух видов занимают «Высокородная судомойка» и «Цыганочка». Последним сюжетом Сервантес открыл для европейской литературы романтику цыганской темы, оказав прямое влияние на Гюго, Мериме и Пушкина (сохранились два отрывка перевода «Цыганочки» на французский, сделанного Пушкиным); вне традиционных жанров стоит великолепная новелла «Ревнивый эстремадурец». Но превыше всего, конечно, стоит «Дон Кихот».

«Дон Кихот» вобрал в себя все характерные ситуации и мотивы разных жанров Сервантеса. История непреклонного героя, восходящая к новорыцарским романам 16 века, к поэмам итальянского Возрождения (и пародирующая их), переплетается с множеством новелл пасторальных, любовно-приключенческих и одной «мавританской» («рассказ алжирского пленника» в 1-й части), протекал в столкновениях с прозаически пёстрым бытом, в проделках над героем со стороны персонажей плутовского жанра; при этом, начиная с эпизода «сожжения книг», повествование перебивается литературно-критическими пассажами в духе «Путешествия на Парнас». Сквозь внешне разнородный материал полифонически звучит «донкихотская» тема — душа целого, начиная с гротеска центральной пары и до споров о «правдивости» рыцарских романов или до речи героя перед козопасами о *золотом веке* (эту речь будет особенно любить Достоевский). Над безумием пасторально любовных страстей и над здравомыслием мирных обывателей возвышается «мудрое безумие» Дон Кихота, вечная готовность вступаться за слабых и угнетённых.

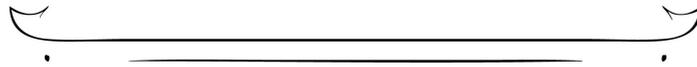

Реалистический дар Сервантеса и его неизменный вкус к романтике органически слились лишь один раз — в социально-этическом пафосе хитроумного идадьго, в открытии бессмертной «донкихотской ситуации». Ей созвучны внешняя структура и внутренняя форма романа: «нанизанная» композиция, повторяющая построение авантурных рыцарских историй, с многократным возвращением повествования к исходной точке (несгибаемый герой упорно игнорирует «пошлый» опыт предыдущей жизни); вторжение персонажей из полукнижных идеальных историй в прозаически реальное основное действие (прекрасная Доротея, она же принцесса Мимиконда, помогает священнику и цирюльнику вернуть Дон Кихота домой); «донкихотское смешение» самим автором мира поэтического с действительностью — во 2-й части герой встречается с *читателями* 1-й части, а затем с читателями и даже с персонажами фальшивого «Дон Кихота».

Великий роман возник из скромного замысла — высмеять модные новорыцарские романы. С безумным увлечением ими, как с общественным бедствием, тщетно боролись церковь и королевская власть. Их осмеяние — это внешний, литературно-пародийный и сатирический план сюжета, за ним — в связи с историей «книжного рыцаря», проведённого через жизнь, — открывается во всём бытовом разнообразии огромного панорама испанского общества на переломе от блестящей эпохи испанской монархии к её неотвратимому упадку. В романе «Дон Кихот» — 669 действующих лиц.

Сервантес первым зафиксировал «прозаический» характер рождающегося буржуазного общества, а в героя романа — трагикомически бесплодный энтузиазм одинокой личности. Художественная энциклопедия испанской жизни на исходе её классического периода — это мир бездуховной практики и непрактичного духа. Основная ситуация «Дон Кихота» развёртывается в двояком противопоставлении: центральной пары «безумцев», единственно активных персонажей, трезвому самодовольному окружению (большой план), а внутри самой пары — рыцаря «идеалиста» оруженосцу «реалисту» (небо и земля национального характера); у каждой из сторон хватает здравого смысла лишь на то чтобы развенчать иллюзии (безумие) другой стороны. Такова специфически испанская основа «донкихотской ситуации».

Сочетание гуманистически культурной точки зрения с народно-буффонной (в гротескном духе «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского) и соответствующая пара персонажей в центре действия (связь народных интересов с гуманистическими идеалами) характерны для литературы позднего Ренессанса (Пантагрюэль и Панург, герой и шут у Шекспира). Трагикомическим смехом над «героическим безумием» и «романтической» эпохи, осмеянием-прославлением Дон Кихота, Сервантес реалистически завершил тему и эволюцию искусства Ренессанса, исходившего из утопии свободной личности. Последний — и величайший — «рыцарский» роман о

герое, одержимом образами прошлого, вместе с тем весь пронизан «апелляцией к будущему» (выражение Луначарского). Характером и героя, и *сюжета* — переходом от «сюжета—фабулы», господствовавшего в античной и средневековой литературе, к «сюжету—ситуации» — Сервантес положил начало роману нового времени, а в истории комического — «высокому смеху» как смеху над высоким, над лучшим и благородным (а не над «худшим» и «порочным» — определение комического у Аристотеля).

Сам Сервантес не сознавал значения своего открытия. Он надеялся, что славу в потомстве ему принесёт не «Дон Кихот», а «великий Персилес», любимое его детище. Это история необычайной судьбы и доблестно стойкой любви, написанная «в дерзком соперничестве» с Гелиодором (в манере позднеантичного авантюрно-любовного романа-путешествия), опыт компромиссно реформированного рыцарского романа, освобождённого от наивных несуразностей «Амадиса Гальского». «Странствия Персилеса и Сихизмунды» были очень популярны в 17 веке (9 изданий в год появления, масса переводов), но уже в 19 веке были забыты*.

* Под последним абзацем рукописная помета: «(По Пинскому)».

Р. Г. Назиров

Древняя история Польши.
Зарождение
наций и государства

Предисловие к публикации «Истории Польши» Р. Г. Назирова

«История Польши»¹ Р. Г. Назирова представляет собой заметки, описывающие историю Польши от древних времен. Ученый не был профессиональным историком, поэтому стиль его заметок не похож на стиль исторического исследования.

Заметки, относящиеся к различным периодам истории Польши, описывающие время правления того или иного короля, отличаются разной степенью детализованности. Так, например, Мешко II и Казимиру Обновителю (Восстановителю) посвящено всего по полстраницы, хотя правление по крайней мере Казимира Обновителя представляет собой обширный и важный пласт истории, а вот например Болеславу II Смелому исследователь посвящает много места в своем повествовании, в основном за счет цитирования романа о временах царствования Болеслава Смелого Юзефа Игнация Крашевского «Болеславцы». Такое «неровное» распределение материала объясняется, очевидно, тем, что Р. Г. Назирову не хватало источников для одинаково подробного описания каждого из периодов польской истории. К тому же он, как историк литературы, не мог, очевидно, не увлечься историческим романом Й. И. Красицкого. Кроме этого, исследователь цитирует и другие литературные источники, которые, по его мнению, могут помочь читателю лучше понять суть того или иного исторического явления. В «Истории Польши» мы встречаем ссылки на хроники Галла Анонима, народные легенды.

К сожалению, исследователь почти нигде не указывает ссылки на источники, по которым составлялась «История Польши». Между тем, зная Р. Г. Назирова, можно с уверенностью утверждать, что источников этих было много, некоторые из них были на польском языке, о чем свидетельствуют иноязычные вкрапления в русском тексте. Это не только отрывки из литературных произведений (например, победная песня рыцарей Болеслава Кривоустого со ссылкой на хронику Галла Анонима; свидетельствует ли это, что автор «Истории Польши» читал хронику в оригинале?), но и некоторые научные выводы (как, например, в главе о Болеславе Храбром), а также наименования. Беглый анализ этих вкраплений позволяет прийти к выводу, что Р. Г. Назиров знакомился с историческими источниками на польском языке, делал заметки, а некоторые места не мог сразу перевести и делал выписки из них на языке оригинала. К сожалению, названия этих источников он в своей рукописи не сохранил.

¹ АРГН, оп. 2, д. 68.

В целом, так сказать «фабула», событийная канва описания древнейшего периода в истории Польши, представленное в публикации, знакомо каждому польскому школьнику, современные российские читатели также легко могут ознакомиться с историческим описанием этого периода на русском языке. Существует несколько исторических описаний, вкратце представляющих начало польской истории так, как это сделал Р. Г. Назиров в своих заметках. Подробности исторических событий следует искать в серьезных научных трудах. Современному читателю «История Польши» Р. Г. Назирова может быть интересна, по моему мнению, прежде всего с точки зрения культурологических и литературных комментариев, которыми сопровождает повествование автор: это заметка о польских преданиях и легендах, замечания о легенде о воцарении Пястов, различные культурологические и языковые комментарии описываемых событий, рассыпанные в тексте.

Е. А. Выналек
Университет Вроцлава

Добавление от редакции

Польша — один из самых ранних культурных ориентиров Р. Г. Назирова. Не вполне понятны истоки этого интереса, но уже в дневниках первой половины 1950-х порой встречаются фразы на польском, упоминания произведений польских писателей (видимо, многих Назиров читал в оригинале). Позже он постоянно читал польские журналы, видимо, обладавшие по сравнению с русской прессой большей степенью свободы. Еще позднее польская литература и культура стала одним из источников (может быть, не самым важным, но относительно постоянным) типологических сопоставлений и контекстуального расширения мысли. Наконец, уже в публикуемом конспекте обращает на себя внимание, что вместе с историей Назиров старается видеть ее мифопоэтическое отражение в национальной культуре. В упрощенном, предварительном мире «История Польши» уже демонстрирует подходы, использованные Назировым в монографии «Становление мифов и их историческая жизнь».

На месте нынешней Польши

Железный век на этой территории охватывает эпоху с 650 <г.> до н. э. по 500 <г.> н. э. — Период с 25 по 500 год — период римского влияния. В это время племенная аристократия этого края вывозила в римские провинции железо, янтарь, мёд, воск, меха. Экспортировались и рабы.

В свою очередь из римских провинций привозились, особенно в 161—180 годах, бронзовые и стеклянные сосуды, украшенные эмалью застёжки (фибулы), железные кольца. Но главным «предметом ввоза» были римские монеты; в большинстве своём они датируются 67—180 годами, т. е. временами кесарей от Веспасиана до Марка Аврелия. Эти монеты имели хождение среди местных племён, т. е. использовались по своему прямому назначению.

В 25—500 <гг.> на землях будущей Польши имел место демографический взрыв. Эту территорию (около 250.000 км²) заселяли тогда примерно 750.000 ч<елове>к, из них более 600.000 славян, 65.000 западнобалтийских племён и 60.000 германцев. Число последних, после отхода 30.000 готов, сократилось наполовину, а к V веку это были уже остатки без выраженного этнического облика.

Предки современных поляков жили в бассейнах Вислы, Одры и Варты, называли себя полянами (жителями полей), и состояли в тесном родстве с днепровскими полянами, столицей которых с VII или VIII в. был Киев.

Возможно, все поляне — единая древнеславянская народность, разветвившаяся в VII веке на западных и восточных полян. Центром западных полян уже в VII веке стало Gniezno: возможно, название города происходит от слова «гнездо». По преданию, город основан на том месте, где было найдено гнездо белого орла^{*}.

Высокие люди со светлыми волосами, поляне занимались земледелием; их общины управлялись через вече и выборного правителя. На вече собирали, рассылая по дворам вицы (переплетённые пучки ветвей); впоследствии по этому знаку стали собирать только «земских людей» на раду (совет) или на войну.

* Внизу страницу вырезка, автор и источник которой не указаны: «В VIII веке на прапольских землях шёл усиленный процесс образования многоплеменных союзов. Тогда оформились (на территории от 10 до 36 тыс. кв. км.) крупные племена: вислян (позднее краковская земля), полян (гнезненская земля), сленжан (два племени) и по всей видимости поможан. Наверное, существовало еще одно независимое племя любушан. Сформировавшиеся в границах этой многоплеменной федерации органы после усовершенствования вошли в территориальный и политический состав полян и вислян.

Поляне состояли в родстве не только с днепровскими славянами, но и с прибалтийскими поморами, а также с чехами и моравами. Многие считают, что ещё в X веке *поляки и чехи говорили практически на одном языке*.

В IX веке вокруг Гнезно сложилось одно из ранних западнославянских государств, но его начальная история тонет в тумане легенд.

Вторым по времени центром польской народности стал Краков, возникший вокруг языческого капища. Холм Вавель очень долго считался священным местом: славяне-язычники совершали свои требы на вершинах гор и холмов. Вероятно, в древности Вавель служил местом культа. Возможно, вавельская пещера (сохранилась по сей день) служила для ч<еловече>ских жертвоприношений, типичных для всего славянства.

Язычество

Язычники-поляне отличались богатой фантазией, почитали волхвов и боялись чар, верили в злых духов и боялись лятавиц (ведьм, летающих на шабаш). Вильколак — оборотень, ч<елове>к-волк, упырь. Лихо — олицетворение зла. Извой — это вий, чудовищный ч<елове>к с железными веками.

Поляне верили в лешего и в дурной глаз. Местами безжалостно засекали старух, заподозренных в волхвовании, особенно когда коровы теряли молоко.

Все древние славяне верили, что для прочности нового сруба нужно кому-нибудь умереть; при закладке дома приносилась ч<еловече>ская жертва. Дома даже знатных и богатых славян на Висле топились по-чёрному. От дыма бревенчатые стены изнутри были сплошь покрыты блестящей сажёй. В домах держали деревянных идолов и «кормили» их. Ели из глиняных мис деревянными ложками, пили мёд.

Языки западных славян

Языковеды насчитывают на земном шаре около 3000 языков, к<ото>рые ведут своё происхождение от 23 важнейших языковых семей. Одна из них — индоевропейская семья. В её северную подсемью входили некогда германцы и славяне.

В III—IV веках произошло окончательное разделение прежнего славянского единства. Следствием этого процесса было образование трёх славянских групп: западной, восточной и южной.

В границах западнославянской группы со временем развились чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий, польский и исчезнувший в середине XVIII века древлянский (или полабский) язык.

Древние польские предания и легенды

По древнему польскому преданию, в пещере холма Вавель некогда жил зме́й, пожирающий людей (*smok wawelski*). Этого змея убил Крак (*Cracus*), бросив ему на съедение барана, наполненного зажжённой серой; томимый жаждой, зме́й стал пить воду из Вислы и лопнул, а благодарн<ый> народ провозгласил Крака королём. Согласно последующим преданиям, дочь Крака Ванда основала на Вавеле город Краков и стала его королевой.

В XIX веке солярно-метеорологическая школа так объясняла этот миф: Крак — олицетворение Солнца, зме́й — зимы, а баран с тлеющей внутри серой изображает весеннюю тучу, чреватую молнией. Глупее не придумаешь.

Ванда — мифическая героиня польских народных преданий, сохранённых первыми летописями (на латыни); королева основанного ею Кракова. Дочь короля Крака (*Cracus*), по смерти к<ото>рого осталось также два сына. Один из них убил др<уго>го и сам должен был оставить отечество. Тогда народ пригласил на царство прекрасную и добрую Ванду.

За неё сватается немецкий князь Ридигер. Ванда, не желая выходить замуж за иностранца, даёт послам решительный отказ. Оскорблённый Ридигер снаряжает поход против Ванды, к<ото>рая с войском выходит ему навстречу. Немцы при виде сияющей Ванды обращаются в бегство. Ридигер в отчаянии бросается на свой меч и умирает.

Тогда Ванда, исполняя данный богам обет принести им в жертву свою жизнь за победу, бросается в Вислу; тело её найдено и похоронено на берегу, а над нею усыпан высокий холм, к<ото>рый до сих пор называется «могилой Ванды»; неподалёку находится другой такой же — «могила Крака».

Крак мыслился драконом. Отсюда сближение д<окто>ра Карловича (D-г *Karłowicz*: *Piekna Meluzyna i królowna Wanda*. «Ateneum», 1876).

Лингвисты XIX в. полагали, что *Vanda* — это в летописях латинская передача славянского *Węda*. Ср. греч. юд.-ор. (вода), санскритск. *undana* (наводнение), лат. *unda* (волна), древнеслав. вода. Корень *und, vond, vod*. значит Ванда — древнее божество или олицетворение воды. Сомнительно.

[вставка*]

Празднества древних полян были такими же, как у восточных славян: масленица, весенний праздник, с шествием ряженных, с выпечкой круглого хлеба (в форме солнца), с сожжением соломенного чучела зимы; купальская ночь среди лета (в католической Польше превратилась в скромную «вигилию святого Яна», когда девушки гадают о замужестве, пуская свои венки по Висле);

* Фрагмент представляет собой листок, вложенный в основную тетрадь. Помещен в раздел «Древние польские предания и легенды», исходя из его смысла.

⤿

Мажана — олицетворение зимы, у чехов Мажена, по-украински Морена. Образ восходит к общеиндоевропейской мифологии*.

Легенда о воцарении Пястов

Первая польская династия — Пясты — явилась на смену легендарного рода Попелидов, о к<ото>ром сохранились народные предания. О Попеле знал и первый хронист аноним Галл, писавший (на латыни) в нач<але> XII в. (Галл Аноним: Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961). Род Попеля, княжившего в Гнезне, вымер, и Попель передал власть сыну крестьянина Пяста — Земовиту. Подробности этого события заимствованы из фольклора и житийной литературы.

По рассказу Галла Анонима, таинственные странники, не найдя приюта у князя Попеля, к<ото>рый праздновал «пострижины» сына¹, встретили радушное гостеприимство у крестьянина Пяста и его жены Репихи; в благодарность они предрекли хозяевам, что их сын станет князем. Злой и жестокий Попель жил в башне на берегу озера; в этой башне его съели мыши. Княжить на Гнезне стал крестьянский сын Земовит, родоначальник Пястов.

Эта легенда — плод контаминации каких-то историч<еских> фактов со сказками. Сказочные мотивы: 1) гостеприимство, оказанное неизвестным странникам, и их тайное могущ<ест>во (ср. греческий миф о Филемоне и Бавкиде); 2) съедение злого правителя мышами (ср. немецкую сагу о епископе Гаттоне, Hatto von Mainz, жившем ?—970).

Ещё в 1898 <г.> Гайслер отметил, что легенда, записанная в хронике Галла, соответствует преданию о св. Германе, рассказанному франц<узским> монахом Эриком в сер<едине> IX века (Vita S. Germani, Miracula S. Germani, libri duo) и получившему большое распространение в среднев<ековой> литературе.

Имя Piast происходит от глагола pięścić (лелеять) или piastować (пестовать, воспитывать). Отсюда и современное piastun (пестун, воспитатель). В 1902 <г.> Матусяк, производя имя «Пяст» от глагола «пестовать», указал, что в истории имя

* Лист, содержит вклеенную вырезку. Источник, авторство и дата вырезки не указаны: «Одним из первых весенних обрядов, частично сохранившихся в Польше до сих пор, является так называемое утопление Мажанны, обряд, имеющий свои истоки скорее всего еще в древних языческих верованиях. 7 марта одетую в женское платье куклу тянули на цепях через всю деревню, бранили и колотили, потом со всеми церемониями топили в реке или озере. Мажанна была олицетворением зимы, ее холода, болезней, смерти, застывшей от мороза жизни. С этим обрядом в прошлом связывались различные суеверия. После утопления грозной куклы участники быстро разбежались по домам, стараясь не споткнуться или — еще хуже — не упасть, поскольку в этом случае человека ожидала смерть, в лучшем случае тяжелая болезнь. Сегодня старинный обряд превратился в веселую игру на свежем воздухе, в массовые прогулки при появлении первых, еще едва теплых лучей весеннего солнца. Топить Мажанну особенно любят деревенские ребятишки, не забывающие обычаев предков, культивирующие старые традиции.

¹ [В рукописи сноски даны под звездочками, в нашей публикации авторские сноски даны под порядковыми номерами] Пострижины — славянский обычай острижения волос княжича, когда отец впервые сажал его на коня (пережиток инициаций).

Пяст (кроме названия династии) *более не встречается*; нет его следов и в польской топонимике.

Ergo, то было не собственное, а нарицательное имя: piast было названием воспитателя княжских детей (paedagogus nutritor).

То, что пестун княжича захватил реальную власть при Попелидах, полностью отвечало бы закономерностям раннефеодальной эры: во Франции при последних Меровингах реальную власть над франками захватили майордомы (домоправители) из рода Робертинов, к^{ото}рые затем завладели и престолом — это династия Каролингов; в Шотландии постепенно достиг трона род Стюартов, пишется Stewart, но первоначально было Stuard (высший придворный титул).

Выдвигалось также предположение, что Пяст был не только воспитатели, но и приёмным отцом последнего Попелевича, от к^{ото}рого и унаследовал трон по праву адаптации. — С. Шнейдер в 1907 <г.> пытался интерпретировать легенду в духе почитания земли и хтонических божеств.

Сегодняшняя трактовка («Мифы народов мира»)

Попель, Пепел — в западославянской раннеисторич^{еской} традиции легендарный князь, изгнанный за свою несправедливость своими соперниками из рода Котышки и заеденный мышами (ср. западноевропейский мотив смерти епископа Гаттона). Архаические истоки легенды обнаруживаются в сопоставлении с восточославянской сказкой об Иване Попялове, к^{ото}рый 12 лет лежал в пепле, затем, стряхнув с себя шесть пудов пепла, убил «змеиху», а пепел её рассыпал (типичное для мифа повторение основного мотива, выраженного в имени героя). Змеборец превращается в кота, подслушивая разговор змеихи с дочерьми: ср. имя Котышки в польской легенде и мотивы противопоставления кота и мышей, восставшего из пепла богатыря и слепоты, связанный с пеплом (в польской легенде князь Мешко из рода Котышки был слеп 7 лет).

В хронике Галла Анонима говорится, что после Земовита княжил его сын Лешко, потом сын Лешка — Земомысл, за ним сын его Мешко. Это и есть первый исторический князь древней Польши, к^{ото}рый около середины X века объединил в одну державу племена, жившие от Одры до Вислы.

Mieszko I (922—992)

Первый исторически достоверный князь полян — Мешко (Мечислав) — правил с 960 <г.> Под влиянием своей жены Добравы (Дубровки?), дочери чешского князя Болеслава I, Мешко в 965 <г.> крестился по греческому обряду. Согласно др^{уги}м данным, он крестился в 966 <г.> по римскому обряду. В ту

пору окончательного раскола Церкви ещё не произошло. Вскоре Мешко христианизировал весь свой народ: крещение совершалось по латинскому образцу (966). Добрава умерла в 977 <г.>

Христианизация полян усилила позиции Мешко I в той упорной борьбе, которую он вёл против немецких маркграфов. Отныне они не могли ссылаться на то, что убивают язычников и захватывают их земли во славу Христа. Христианизация Польши и установление прочной связи с Римом во многом предопределили судьбу нации: польская культура начала развиваться в духе западноевропейской цивилизации.

В 966 или 967 <г.> Мешко нанёс сильное поражение немецкому маркграфу Вихману. Воевал с датчанами из-за Поморья*. По некоторым данным, в 968 <г.> женился на чешской княжне Дубровке и начал крестить свой народ. Датировка событий спорная.

Воин и политик, Мешко объединил всех полян в единое государство: ядром его была средняя Висла и земли к западу от неё, а столицей — Гнезно. Мешко вмешивается в распри немецких князей на стороне Оттона Великого*, и потому немецкий историк Видукинд назвал Мешка I «другом императора». В 977 <г.> умерла княгиня Дубровка, и Мешко женился на саксонской княжне Оде, вследствие чего в Польше возросло влияние немцев.

Вместе с саксами Мешко воюет против поморских и др<уги>х западных славян, которые оставались в основном язычниками. Выгода его положения в Германской империи позволила Мешку I в войне против чехов завоевать и присоединить Силезию (990). Мешко воевал также с киевским князем Владимиром из-за червенских городов.

В Гнезне Мешко I построил кафедральный собор, первый в Польше (теперь на том же месте стоит другой собор, построенный позже). Он объединил полян, присоединил к своим землям Поморье и Силезию, *создал сильное молодое государство*. Когда Мешко умирал, у его смертного одра стоял сын и наследник — Болеслав Храбрый, достойный продолжатель отцовского дела.

* Фрагмент rgn-68-1-16: «Западное Поморье. В 967—972 г. Мешко I подчинил Польше Западное Поморье. В правление его сына и наследника Болеслава Храброго Колобжег стал центром епархии.

* Фрагмент rgn-68-1-24: «Оттон I Великий (912—973) — германский король с 936, основатель Священной Римской империи (962), которую он создал после завоевания Северной и Средней Италии. С того же 962 г. он первый «римский император». Он правил искусно, опираясь на крупных церковных феодалов и уменьшив могущество вассальных князей. Оттон I продолжал политику завоевания и истребления полабских славян. Остановил мадьярское вторжение.

Его сын, император Оттон II (955—983), правил Империей Запада десять лет, отнял у французского короля Лотарингию, отразил набеги датчан и покорял западных славян.

Сын Оттона II, Оттон III 980—1002, воцарился во младенчестве и жил мало. В 1002 ему наследовал Генрих II (973—1024), к<ото>рый с 995 г. был герцогом баварским.

В лице Генриха II прекратилась Саксонская династия, и скипетр перешёл к Франконской династии.

Bolesław Chrobry (967? — 14.VI.1025)

Старший сын Мешко I и Добравы, Болеслав с юных лет участвовал в трудах княжения и в войнах против немцев проявил дар полководца. Он начал княжить предположительно в 992 <г.>: расширил границы государства, завершил процесс объединения польских земель, создал систему укрепленных поселений, сформировал сильную военную дружину. Словом, он был *творцом могущества Польши*.

На рубеже X и XI веков Гнезно стало резиденцией Болеслава Храброго. Была выбита монета с латинской надписью «Gnezdum civitas» (подпись свидетельствует, что поляне «ощущали» это «д» в корне названия города: может быть, говорили Гнезно).

В конце X века чешский миссионер Войцех пытался обратить в христианство литовское племя прусов, жившее на берегу Балтийского моря; прусы убили его. Польский князь Болеслав выкупил его останки и перевёз в Гнезно. Войцех был причислен к лику святых.

Болеслав добился от Рима организации самостоятельной епископской кафедры в Гнезно (1000 год) — первой в Польше; поэтому по сей день архиепископ гнезненский <является> примасом Польши (высшим духовным лицом в стране) и носит сан кардинала римской курии.

Результатом учреждения гнезненской метрополии явилась pielgrzymka do Gniezna cesarza Ottona III. В Гнезне в 1000 <г.> произошла историческая встреча Болеслава Храброго с «римским» императором Оттоном III. Кайзер пожаловал Болеславу титул патриция, «помощника и сотрудника Империи и друга римского народа». Политические перспективы этой встречи оставались пока неясными, но торжественность и блеск zjazdu gnieźnieńskiego произвели сильное впечатление на современников.

Личной резиденцией Болеслава I на рубеже веков служил княжеский град на реке Варте; перед крепостью был посад, а на Тумском острове среди Варты — торговый посёлок. В 1253 <г.> это местечко получит городские права; тою же грамотою будет постановлено основать город на этом месте, на левом берегу Варты: он будет назван Познань.

На месте поселения племени вислян (VIII—X вв.) был основан ранее их город Краков. Болеслав I завладел Краковом, червенскими городами и даже Моравией (см. далее).

По всем углам своего замка Болеслав Храбрый держал коханок, сколько душе угодно. Тогда появилась поговорка: «Лучше быть королевской коханкой, чем землянской жёнкой». Старые славянские обычаи начали забываться: мир более не имел права голоса, как было в старину. Под железной рукой Болеслава земские люди и рыцарство были вынуждены забыть о своих извечных правах.

⤿

В 1018 <г.>, поддерживая в русской междуусобице своего зятя Святополка, Болко Храбрый совершил победоносный поход на Киев; в результате похода поляне на время захватили червенские города.

С X века важным городом Пястов был Вроцлав на реке Одра, сильный опорный пункт в борьбе против германской империи. Уже в 1000 здесь имелось епископство.

Болеслав был не только полководцем, но и талантливым дипломатом. Его успехи настолько подняли престиж Польши, что Болеслав, благодаря усилиям в Риме своего брата архиепископа Ламберта, получил согласие папы римского на принятие им королевского титула (1024).

В праздник Bożego Narodzenia 1024 roku в своём Гнезненском соборе Болеслав короновался на króla polskiego. Церемония была великолепной: пение труб, звон серебряных колоколов, радостные крики народных толп, лязг щитов, в к<ото>рые ударяли воины; архиепископ в кадилном дыму возложил на голову Болеслава золотую корону. Польша стала королевском, и Европа признала Болеслава королём.

Он увеличил отцовское наследие, в борьбе со Священной Римской империей отстаивал независимость Польши, распространил свою власть на значит<ель>ную часть западнославянских земель. W okresie panowania Chrobrego zostały dokonane trzy kluczowe dla naszej przyszłości historycznej osiągnięcia: 1) założenie własnej metropolii w Gnieźnie, co w porządku średniowiecza miało zasadnicze znaczenie w utwierdzeniu suwerenności politycznej; 2) zwycięskie wojny z Niemcami oraz 3) zmieniające ustrojowe podstawy państwa ustanowienie królestwa.

Правда, уже в XI веке королевство будет низвергнуто, но память о нём поможет позднейшим полякам восстановить государственное единство после эпохи удельной раздробленности, а может быть, даже избежать раздела Польши между орденом крестоносцев (Тевтонским орденом) и императорской династией Люксембургов, завладевших Чехией.

Мешко II

В 1025 <г.> умер Болко Храбрый, побыв королём менее года. На королевский престол взошёл его сын Мешко Болеславович и правил девять лет.

Фактически власть захватила его жена Рыкса. Давняя славянская вольность снова подняла голову. «Король дурит, а королевством заправляет баба!» Земство возмутилось, и временное возрождение его свобод кончилось взаимным несогласием, смутой и разорением. Мешко II короновался королевской короной, но не смог удержать отцовского наследия: он отдал Словачину венграм, Поморье — датчанам, Моравию — чешскому князю Бретиславу, Червонную Русь — киевскому князю, а Лужицы — римскому императору Конраду II.

Слабый король Мешко умер в 1034 <г.>, и началась смута, длившаяся до 1040 <г.>. Новокрещённый народ польский массами возвращался в язычество. Пользуясь

этой смутой, чешский князь Бретислав захватил Польшу, но кайзер Генрих III не желал допустить такого усиления чеха и помог сыну Мешка II, Казимиру, находившемуся в монастыре.

По просьбе императора Генриха папа римский освободил Казимира от монашеских обетов, и с помощью 600 рыцарей кайзера Казимир Обновитель вернул польский престол национальной династии.

Сегодня польские истори<к>и (????) считают, что Рыксу правильнее называть Rychesa, а её даты жизни — 989—1063. Она была дочь рейнского палатина Эрнефрида — Эзона, супруга Мешко II и мать Казимира I Восстановителя. Царствование последнего определяется датами 1038—1058.

Казимир I Восстановитель (Kazimierz Odnowiciel, 1016—1058)

Казимир I носил только княжеский титул, но был талантливым политиком. Он усиленно насаждал в Польше христианство, пошатнувшееся в смутах предшествующего периода; укрепил независимость польского Костёла от высшего германского духовенства. Ради обеспечения прочного тыла он вступил в союз с Киевской Русью, и около 1041 (1042?) <г.> Ярослав Мудрый отдал ему в жёны свою сестру Добронегу, в крещении Марию. Брак князя с поздней дочерью св. Владимира, крестителя Руси, гарантировал Польше дружбу с Киевом. Мария—Добронеге переживёт и мужа, и сына, умрёт семидесяти пяти с лишним лет (1087).

В 1047 <г.> Казимир вернул Польше Мазовию. Он отстроил Тынец — бенедиктинский монастырь, древнейший в Польше, основанный при первых князьях и сожжённый отступниками при Мешке II. С Римской империей Казимир почти всегда поддерживал хорошие отношения; в 1054 <г.> вновь присоединил к Польше Силезию.

Славянское вечевое начало рушилось. Со времён Мешка Старого правили князья и короли. Они присвоили себе исключительное право созывать вече, причём созывали только избранных властью людей, угодных себе.

При Казимире Восстановителе снова укрепилось королевское единовластие, а когда бразды правления принял его сын Болько Щедрый, он уже ни с кем не пожелал считаться.

Молодое королевство Пястов при Болеславе II снова проявило воинственность, снова стало вести частые войны с соседями, к<ото>рые ослабляли Польшу. Болько Щедрый хотел превзойти бранной славой своего прадеда и тезку Болеслава I. Едва не с первых дней княжения он начал воевать, водил рыцарство и против венгров, и на Русь, не давал ратным людям ни отдыха, ни срока.

Земских людей он совсем не хотел знать за исключением служилых, величаться не давал никому из своих подданных; князь был сильный и властолюбивый.

Болеслав II Смелый (ок. 1040? — 1081?)

В 1058 <г.> Казимиру I наследовал его юный, но властный сын Болеслав II Смелый, он же Щедрый. Рождённый от русской матери Добронегы и женатый на русской княжне, тесно связанный с Русью военным побратимством, Болько правил как полководец и неограниченный властитель, распоряжаясь у себя, как в завоёванной стране, по обычаю Киевской Руси.

Всё должно было ему повиноваться по манию руки: смерды, войско, земские люди, даже духовенство, к<ото>рое он сам назначал на епископские кафедры и от к<ото>рого требовал покорности. Потому он предпочитал епископов-поляков тем итальянцам и французам, к<ото>рых ему присылали из Рима.

Он вёл упорную борьбу с духовенством, к<ото>рое слишком ясно чувствовало свою связь с могущественной римской Церковью, чтобы подчиниться королю без попытки сопротивления. В др<уги>х странах государи делились властью с Церковью, а порою и подчинялись ей. В Европе совершался перелом, к<ото>рый должен был решить судьбу Церкви: быть ли ей, по словам Гильдебранда, солнцем, а светским государям — месяцами, либо удовольствоваться скромной ролью спутника кесарского солнца.

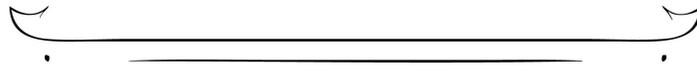
С 1058 <г.> он княжил в Кракове, куда перенёс столицу вследствие борьбы с Русью. Он восстановил независимость Польши от Священной Римской империи, вмешивался в дела Венгрии и Руси.

В русском походе 1069 <г.> Болько занял Киев, но вскоре был вынужден оставить его из-за начавшегося в городе восстания. Он воевал также с Чехией.

В 1076 <г.> он короновался в Гнезно и вновь принял королевский титул (декабрь 1076 <г.>). Во время коронации его трон окружали 15 польских епископов, словно 15 воевод могучей рати, заодно с которой теперь стояли и земские люди, желавшие участия в управлении. Готовился союз Костёла и земства против слишком деспотичного и воинственного короля.

В 1077 <г.> он совершил второй поход на Киевскую Русь, ещё более успешный, чем 8 лет назад. Однако эти походы ослабляли западную границу Болеслава. При нём Польша потеряла Западное Поморье.

Душой оппозиции был краковский епископ Станислав из Щепанова, могущественный церковный феодал, имевший свою дружину. Он дерзал спорить с Болько Щедрым и был прозван «королём в Костёле». То был величавый мужчина средних лет; его чёрное одеяние было украшено только наперсным крестом, и он ездил (обычно шагом) на лошади, покрытой богатым чепраком.

Телохранителями короля были пять братьев из рода Ястшембцев (Jastrzębiec); они с гордостью носили имя «болеславцев», данное им в качестве бранной клички. Вот как описывает их романист Крашевский.

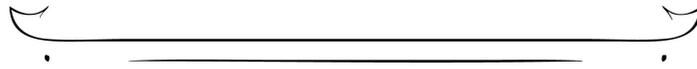
Болеславцы, возвращаясь с охоты, расположились отдыхать под сенью дубов Неполомыцкой пуци (близ Кракова), благоухающей в весеннем цвету. По берегам ручья росли жёлтые цветочки мелких лютиков и курослепа. Челядь королевских наперсников поджаривала на огне мясо, добытое удачной охотой, и не спускала глаз со спутанных коней. Мясо было жёстко и имело мало жира: ещё не отъелись звери, истощённые зимним голодом.

Нарядные господа, раскинувшись на траве, лениво попивали мёд из турьих рогов. На болеславцах были кожаные кафтаны, расшитые цветными узорами, а поверх них — другие кафтаны из лёгкой ткани, наброшенные на плечи. На всех была одинаковая одежда, одного покроя и ткани, и лёгкие шлыки одинакового меха. Рядом лежали отстёгнутые и прикрытые шапками обнажённые мечи.

Среди густой травы на луговине паслись их гладкие кони с лоснящейся шерстью, долгогривые, тонконогие и полудикие. На воткнутых в землю кольях сидели три спутанные ловчие птицы с колпачками на глазах; вокруг костра расположилась свора гончих.

Возвращаясь в Краков, болеславцы со своей челядью и псами занимали всю ширину дороги. Завидев дружинников короля, все сворачивали на обочину и кланялись в землю. Болеславцы принимали это как должное и не стеснялись, когда тяжело гружёный воз сворачивал перед ними на пашню. Собаки болеславцев гонялись по полям за овцами, и пастухи не смели их отгонять. Смерды (и их бабы) убегали подальше в леса во избежание опасной встречи. Болеславцы ехали, держа бердыши на плечах; кроме того, при них было охотничье оружие: лёгкие рогатины с остро отточенными наконечниками, луки, короткие мечи и кожи.

Подле Кракова в стороне от большой дороги стояли обширные дворцовые строения, обнесённые частоколом и обсаженные деревьями. Здесь жил Болько Смелый, который и Русь одолел, и над венграми властвовал. По вечерам он устраивал пиры: во дворе ярко пылали смоляные бочки и костры, к небу восходили облака тёмнобагрового дыма, пронизанного искрами. Дом был озарён изнутри; далеко слышались крики, смех, пение, игра на гусях. «Король коротает время на своём сельском подворье», говорили кругом. — «Где наш пан, там и веселье!» — восклицали болеславцы. У ворот толпилась многочисленная дворня; во дворе рядами стояли привязанные к яслям кони. Др^{уги}х коней челядь водила под уздцы. Сквозь распахнутые окна виднелись освещённые факелами комнаты; из них неслись залихватские напевы и бряцание гуслей.

Челядь во дворе сидела за богатой трапезой: тесным рядом стояли бочки с напитками, рядом лежали ковши и черпаки; высились горы хлебов; белели круги сыра на соломенных плетёнках; отовсюду доносился запах жареного мяса. У окон и дверей толпилась челядь, разоде́тые «дворяне» в богатых доспехах и ратные люди в цветных кафтанах.

Здесь же златотканой попоной, волочившейся по земле, двое конюхов водили Орлицу, любимую лошадь короля. Слуги подносили ей куски хлеба и по́йло, но она с презрением отворачивалась: невысокая, серая в яблоках, с большими глазами, долгой гривой и хвостом до копыт, заплетённым в косу с золотистой лентой, она по временам с громким ржанием поднимала голову. Откликаясь на голос повелительницы табуна, жеребцы рвались с привязей, и их ржание заглушало людские песни. Орлица имел особую прислугу и отдыхала в особой палатке на ворохе свежей соломы, среди кадок с водой и овсом и вязок душистого сена.

В длинной и низкой комнате, освещённой факелами в руках парней, расставленных вдоль стен, стоял длинный стол под скатертью, расшитой русскими узорами, и заставленными золотой и серебряной посудой. Ковши, жбаны, кубки, мисы — всё было грубо выковано из золота и серебра и сверкало в свете факелов. Хлопы и смерды, к к<ото>рым король был ласков, теснились у окон и дивились обилию посуды.

На широкой лаве со спинкою и поручнями сидел Болеслав — мужчина с чёрн<ыми> глазами, тёмнорусый, со слегка подстриженной бородой. Он был одет в шёлковый, шитый золотом кафтан с золотыми шнурками и кистями; на шее блестела толстая цепь; на широком кушаке висел короткий меч в оправе из драгоц<енных> камней. С головы слегка свешивался набок алый шлык с меховой оторочкой. Ноги были обтянуты узкими суконными штанами и обуты в красные сапоги с окованными золотом носками. Лицо его дышало силой, страстью и гордой самонадеянностью, а рука покоилась на круглом белом плече сидевшей рядом красавицы.

Молодая женщина, почти ребёнок, одетая в голубое с золотом платье и роскошную красную накидку, взирала на своего пана, как на божество; смех её согревал остывающее сердце владыки. То была Христя, жена рыцаря Мстислава из Буженина. Король и болесл<ав>цы увезли её из Буженина; это её ничуть не печалило, но земство подняло шум, и в дело вмешался епископ Станко.

После полуночи гусяры опились мёдом и заснули на своей скамье; король с чернбровой красавицей удалился в опочивальню. Всё стихло, только возле лошадей во дворе ходила стража, да у дверей королевск<ой> опочивальни менялись часовые, чтобы было кому явиться на зов. Случалось, Болко среди ночи вскакивал и подымал всех на охоту, или в Вавель, или на войну: нельзя было предугадать его волю. Но в ту ночь он спокойно заснул с красавицей Христей.

Недовольные

А тем временем в неск<оль>ких милях от него тайно собиралось земство, приглашённое на раду Мстиславом из Буженина и др<уги>ми земскими людьми, оставившими короля. На раду ехал и епископ Станислав из Щепанова. Собиралась рада по тайным вицам в малодоступном месте — урочище Девичья Поляна. С великой осторож<ность>ю съехались самые родовитые из землян: Топоры, Шьренявы, Лисы, Доливы и др<уг>ие². Не было ни челяди, ни слуг: им не доверяли. Буженинский пан, душа тайного веча, сам ездил по дворам и скликал землян, он пригласил и епископа Станислава.

Девичьей Полянкой называли дол среди непроходимой пуши; среди дола высился огромный вековой дуб. По преданию, здесь раньше праздновались суботки³, собиралось вече; тут было языческое кладбище и остатки погорелищ от костров. Под самым лесом зеленела Курова могила — курган древнего вождя, погибшего на этом месте. В эпоху Болеслава Щедрого народ ещё собирался здесь петь старые песни и справлять языческие обряды. Для противоборства этому настоятель прихода поставил здесь деревянный крест, на к<ото>рый богомольцы, как в языческие времена — на деревьях, вешали одежду исцелившихся от болезни, а к подножию креста слагали дары, принесённые по обету.

Угрюмо, без повозок и без челяди, съезжались земляне; молодёжь заботилась о лошадях. Тайный съезд был опасным подвигом: Болеслав был крут на расправу, и виновного не отдавал суду, а посылал своих верных головорезов и приказывал любого вести на плаху.

Достали кубки и бочонки, вино запенилось, здравица пошла за здравицей. Прибыл епископ Станко с Мстиславом из Буженина, и началась рада, полная гневных речей.

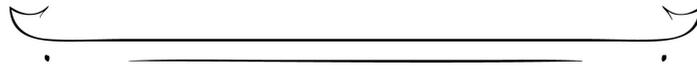
Говорили, что Болеславу рыцарство и земские люди — бельмо на глазу. Он окружает себя русскими за то, что те бьют ему земные поклоны. Его телохранители — рабы и печенег. Стародавних вотчинников он ставит ниже собак.

Вспомнили, как Томек Свадьба ходил к королю и пал ему в ноги, чтобы замолить свою вину: самовольный уход из Киева на родину и повешение шестерых хлопов, осквернивших его ложе. Король казнил его без жалости. Старый Топор сказал:

— Не так бывало при Мешке Старом и Болеславе Храбром. Строгие были короли, но справедливые: ничего не делали без рады... А этот хочет всё повернуть по-своему, мы для него не лучше черни. Владыка ли, жупан* ли, ратный ли ч<елове>к, или простой хлоп и раб — для него все равны.

² Прозвища родов служили боевым кличем, по к<ото>рому сходились все представители рода и с к<ото>рым шли в бой. Позже они сохранились в названиях гербов польской знати.

³ Текст сноски отсутствует в рукописи. Очевидно речь идет о празднике Sobótki świętojańskie, польское навание праздника Ивана Купалы.

Спросили мнения епископа. Он просил земство не идти напролом; он сам поедет к королю и постарается убедить его. После этого Станислав покинул вече, отправляясь в Краков. Провожая его, Старый Топор сказал:

— Болько обрусел: хочет править нами по русскому обычаю. Разве не сумеем мы сыскать себе другого пана, как не раз уже бывало? Вы в силе у королевы Свитава и при чешском дворе⁴. Пусть они возьмут нас, как раз уже случилось, и правят нами, как своими чехами.

Епископ ответил:

— Мы ещё не дожили до необходимости искать другого пана и иную державу.

Старейшины посадили его в седло, поцеловали ему руку, и он уехал. Через нек<ото>рое время вече разъехалось, ничего не решив.

Болько Смелый плохо уживался с двумя главными силами страны — с Костёлом и земянами. Все его предшественники, в том числе и набожный отец, свято служили Костёлу; он же хотел подчинить Костёл своей воле, не чтит духовенства, священнослужителей считал своими ставленниками.

Французским и итальянским прелатам Болько предпочитал более послушных епископов-поляков. При нём поляки уже занимали важнейшие кафедры — в Гнезне, Вроцлаве и Кракове, хотя Рим смотрел на это косо.

Земяне отходили от короля. Если у кого были нелады с соседями, то спор решали на свой страх мечом, чтобы не прибегать к суду короля, слишком крутого на расправу.

Благоволение короля тоже не знало меры. Болеславцы тащили из казны сколько хотели; любимчики ходили в золоте и швыряли золотом. Король не обращал на это никакого внимания. А если кто хотел добиться такой милости, он должен был принести в жертву своё доброе имя, запятнать свою честь убийством, стать слепым орудием короля. Болеслав не знал пощады.

Превыше всего он ставил пышность и перед народом окружал себя величавой обстановкой. В этом он брал пример с немецких кесарей, к<ото>рых считал себе равней. Старики, помнившие счастливое время Болеслава Храброго, признавали, что никогда не видели столь пышного двора, как нынешний.

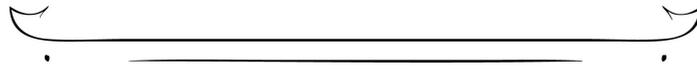
Жена Болеслава Щедрого, киевлянка Велислава, вечно печальная и заплаканная, носила шёлковый шугай и белый повойник. Под ласкающим попечением Велиславы и Добронегии рос слабый, изнеженный королевич Мешко.

Сердце королевства

Дворец на Вавеле тогда мало рознился от др<уги>х замков, разбросанных по краю. Сильный своим возвышенным положением, защищённый валом, тыном и

* Фрагмент ggn-68-1-16: «Župan — у западных и южных славян глава жупы, территориального объединения родовых, а позже соседских общин; при феодализме жупа стала территориально-административной единицей, а жупан — должностным лицом».

⁴ Свитава — сестра Болеслава Смелого, жена чешского короля.

частоколами, он внутри не отличается ни постройками, ни убранством. Каменных зданий было мало. За исключением одной каменной стены, возведённой над крутым, обрывистым берегом, всё было из дерева: бревенчатые терема с широкими по старому обычаю саями, на высоких резных столбах; конюшни, сараи, избы для ратных людей и дружины.

Низкие, неказистые, но пёстро раскрашенные дома были разбросаны на больших расстояниях друг от друга, а между ними лепились жалкие коморки и клетки.

Недалеко от ворот едва возвышался над окружающей стеной маленький костёл; скромный на вид, он мог вместить немного людей. Вокруг него было пусто, но под навесами, в стойлах, по дворам кишмя кишел народ: королевская дружина, пешая и конная рать, челядь и холопы, наполнявшие задворки и службы. Все эти люди выглядели гораздо наряднее самих вавельских построек.

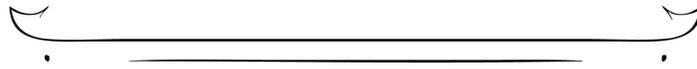
Среди этой разноплеменной толпы нахлебников были поляне, мазуры, русские, венгры, печенеги, ясыги и др. Много было молодых и сильных удалцов, много красивых женщин, смеявшихся и болтавших по замку. Здесь говорили на чешском, русском, венгерском и немецком. По-русски говорили при дворе старой королевы; молодая королева привезла с собой больше всего русской дворни.

Король нередко пользовался русским языком как разговорным; он привёз из Киева много челяди и предпочитал её всякой иной: русские повиновались с готовностью и весело. Больше любил слепое послушание. С венграми он говорил по-венгерски.

Он не любил ни владык, ни земских людей. Кмета, хлопа или смерда он ценил выше землянина (помещика). Число землян при его дворе уменьшалось. Все бесчинства и проказы дружинников Болеслава сходили им с рук.

Весной каждого утра был день, когда назначалось внесение в казну даней и налогов от сословий. Обряд отбывался обычно с великой торжественностью и пышностью. Съезжались вызванные ко двору владыки, жупаны, земские и посадские люди: все, обязанные вносить подати лично. Они складывали дань к стопам короля, восседавшего на троне. Часть дани вносилась мехами в вязках: сороками и полсороками.

В тот день на равнине у холма Вавель всё было готово для старинного торжества, давно не отбывавшегося из-за войн и долгих отлучек короля. С раннего утра отовсюду тянулись к Кракову и располагались станом на лугах вокруг Вавеля пешие, конные и возовые данники. Здесь были разбиты королевские шатры и устроено для короля высокое седалище, обитое алым сукном; к трону вело неск<оль>ко ступенек. Полог на золочёных шестах должен был защищать помост от солнца.

Вскоре после восхода солнца в городе началась суэта, а на лугу в толпах народа пронёсся говор, что король сейчас приедет. И почти сразу из замковых ворот показался блестящий поезд.

Подбор людей, краса и статность молодёжи, доспехи и оружие — всё блистало истинно царственной пышностью. Сверкали и переливались самоцветные камни с Востока, великолепные ткани и оружие. Впереди скакали 12 глашатаев по три четвёрки; трубя в золочёные роги, они возвещали выезд монарха. За ними шёл пеший отряд с топорами и щитами, все в одинаковых кафтанах и шапках с перьями; щиты были надеты на руки и пристёгнуты ремнями; они были обиты кожей, обильно позолочены и расписаны. За щитоносцами ехала верхом королевская челядь в голубых поддёвках, к^{ото}рые сверху были одеты панцырями; в руках они держали длинные копьё, а кони их были до половины закрыты боевыми попонами. На головах копейщиков сверкали ярко начищенные шишаки с низко спускавшимися на нос забралами. Среди челяди преобладали могучие краснощёкие русины.

За копейщиками гарцевала дружина короля и ехал двор, ослеплявший роскошью одежд. Придворные старались перещеголять друг друга: старинные доспехи, привезённые через Русь из-за моря, и новые, немецкой работы; саксонские мечи, французские копьё с кистями; шлемы различной формы, украшенные перьями, конскими хвостами, крыльями птиц, цепями. Они были начищены и сверкали на солнце.

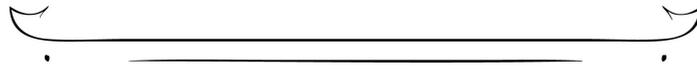
У многих свешивались с плеч звериные шкуры, подшитые красным сукном. У нек^{ото}рых были на шлыках медвежьей головы, оленьи рога, птичьи клювы. Все раскошелились на пояса и цепи, густо украшенные самоцветами, греческой финифтью и чеканкой. У поясов и на цепях висели мечи с богато украшенными рукоятями и ножами, усаженными золотыми гвоздиками. На левой ноге у многих были большие золочёные шпоры; др^{уг}ие щеголяли золотыми удилами и позолоченными чёлками у лошадей.

Кони все были под чепраками, одетыми поверх ярко и цветисто расшитых узорчатых попон.

Женщины были преимущественно одеты в русское или греческое платье по образцам, вывезенным из Киева. Таково же было происхождение большей части богатств и предметов роскоши.

Один из поезжан вёз алую государеву хоругвь с гербовыми знаками, с золотыми кистями.

Непосредственно перед королём ехали его ближайшие любимцы, разодетые богаче всех. Наконец, сам Болеслав ехал медленным шагом на своей долгогривой серой кобыле, покрытой золотой попоной; вся сбруя на ней была алая с золотом, а над головой качался «чупрун», унизанный драгоценными камнями. Король ехал, надменно подбоченясь, и почти не правил Орлицей, к^{ото}рую вели под уздцы два

отрока; каждый нёс на плече по огромному мечу. На короле было платье из тёмнокрасной парчи, у пояса висел небольшой меч — только для украшения. За ним несли королевский щит из чистого золота и другой меч.

Далее в пышных одеждах, отороченных мехом, выступали придворные сановники и вельможи с жезлами, с цепями на шеях, гордые и сумрачные, как сам король. В хвосте бежала дворня и мелкие слуги, к^{ото}рые важничали за спиной панов и кичились перед безответной толпой.

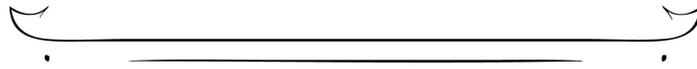
Народ теснился в лугах под Вавелем за оградой из верёвок, натянутых на жерди. Жители Кракова, Страдом, Клепажа, Пясков, Вонволи и окрестных сёл собрались посмотреть на торжество; близ ограды виднелись земляне верхами; они нарядились попански, но их совершенно затмевал блеск королевского выезда, медленно двигавшегося при звуках труб к королевским шатрам. Болеслав даже не взглянул на землян.

Предшествующий трубачами, неумолчно трубившими в роги, он въехал на площадку, среди к^{ото}рой ожидало его седалище. Пешая прислуга, стоявшая наготове у шатров, подбежала принять коней короля и сановников. Дружина не спешила, а расположилась вокруг стройными рядами. Высшие чины стали перед помостом, чтобы возглашать названия областей, поветов и городов в порядке внесения дани. Начальники были все неграмотные, а потому казначей Сцибор держал при себе молодого послушника из духовн^{ого} звания, к^{ото}рый подсказывал ему названия, выписанные на длинном пергаментном свитке.

Король занял своё место. У ног его было разостлано сукно, на к^{ото}рое складывались дани: с одной стор^{оны} меха и шкуры, с другой — золото и серебро. Сначала подходили богатые земляне, жупаны главнейших городов, затем прочие владыки, богатые кметы и рыцари.

Прежде короли на таких съездах по обычаю не только угощали данников, но спрашивали о нуждах, беседовали, устраивали вместе охоты, выслушивали жалобы, давали советы, часто шутили со своими голд^{ов}никами и были рады видеть вокруг смеющиеся лица. Но Болеслав не хотел даже глядеть на земских людей и рыцарей: он сильно повздорил с ними, воротясь из Киева.

Теперь он даже кивком никому не ответил на низкие поклоны, а если и вымолвил слово, так только своим любимцам. Так что все молча складывали к его ногам привезённое добро, а подкоморники приглашали в шатры: там на столах красовались разные яства, мясные блюда, а в бочёнках и кадках стояли мёд и пиво. Каждый мог есть и пить, что хотел. Но ни король не видел своих гостей, ни они не хотели знать его стола. Большинство лишь проходило вдоль шатров и, не прикоснувшись к хлебу-соли, возвращалось на свои места.

Со стороны напиравшей черни, хотя она, казалось, и молчала, доносился глухой шум: звяканье оружия, ржание коней, сдавленный говор, шелест тканей на лёгком ветру.

Близк короля царила тишина. Только придворные нахально казали друг другу на нек<ото>рых плательщиков. Болеслав искоса и гневно поглядывал на иных, на поклоны не отвечал никому, а от иных отворачивался с презрением и ненавистью.

Лица данников были сумрачны. Приходили не по доброй воле; иные слали вместо себя младших родственников чтобы не бить челом злодею. Однако дань текла обильно, всё выше подымалась гора золота и серебра — разной монетой и рублеными слитками⁵.

Болеслав Смелый даже не обращал внимания на эти богатства. В открытые ворота чередом входили вызываемые, а за ними несли дань; отвесив поклон, они отходили к шатрам.

По окончании церемонии король воротился во дворец и прилёг отдохнуть на низком ложе, устланном мягкими мехами. Его любимые охотничьи псы спали с одной с ним комнате и пользовались правом ложиться на его постель. Собак и лошадей он предпочитал людям. Любил также соколов, кречетов и кобчиков, к<ото>рых было полно в его покоях. Он был храбрый воин и очень любил охоту; если не было войны, он заменял её охотой, всегда на сильного и опасного зверя — на оленей, лосей, кабанов, зубров и туров. Нередко разъярённые лоси поднимали его на рога вместе с лошадью и подбрасывали его на воздух, топтали ногами и бодали. Он ходил с рогатиной на зубра, с кинжалом на кабана, с топором на медведя. Напрасно было бы удерживать его: он готов был убить на месте такого радетеля.

Громадные псы не подпускали посторонних к его спальне, а по его знаку готовы были растерзать ч<елове>ка...

Достаточно было лёгкого прикосновения к двери, как вся свора зарычала. Король смолчал; дверь приоткрылась, и в неё просунулась седая голова королевского подкоморного Янка Хузли:

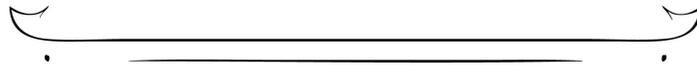
— Его милость ксёндз Станко, епископ, требует свидания.

Король вышел в приёмную светлицу и сел на трон под развешанными на стене мечами и щитами; пол был устлан коврами, окно, затянутое рыбьими пузырями, пропускало желтоватый свет.

Вошёл печальный и строгий Станислав из Щепанова, в епископской одежде, с перстнем на пальце и с крестом на шее.

— Чего тебе надо? — спросил король.

⁵При Болеславе II начал чеканиться серебряный денарий (диаметром 13—14 мм) с его изображением на аверсе и надписью «Boleslavus». После коронации появился новый денарий: Болеслав в короне, с мечом в руке. Королевский монетный двор в Кракове выбил массу таких монет. Они были значит<ель>но крупнее денариев Мешко II и Казимира Обновителя. Конечно, в Польше обращались и чужеземные деньги.

— Всемиловивейший государь! Не я прихожу к тебе, но в моём лице и со мною приходит церковь, наша мать...

Епископ начал излагать жалобы земских людей и рыцарства, присовокупляя все недовольства духовенства. Король отвечал гневно, с грозным смехом и хлопая по рукоятке меча. Когда епископ сказал, что хочет говорить с королём как брат, исполненный любви, король пришёл в страшную ярость оттого, что ксёндз называет себя его братом.

Станко упрекнул его в разврате.

— Молчи, поп! — ответил Болеслав.

Но епископ не замолчал. Он говорил о блудодейственной связи короля с отнятой у Мстислава из Буженина женой.

— А тебе какое дело? — в бешенстве крикнул король.

Епископ посоветовал ему вернуть жену Мстиславу и покаяться. Король, чтобы не броситься на епископа, обеими руками вцепился в поручни трона. Наконец, Станислав сказал:

— Церковь помазала тебя на царство, она же отнимет благодать помазания.

Болеслав вскочил и закричал страшным голосом:

— Прочь! Не удержусь... ударю! Никто и никогда не смел мне так перечить и не поплатиться жизнью! Уходи!

Епископ поднял правую руку и, точно отгоняя злого духа, перекрестил его большим крестом; затем повернулся и вышел вон. Король упал в кресло, скрежеща зубами и изрыгая языческие проклятия.

Вечером у короля был пир; земские люди не явились на него, только дружина, придворные и простой люд шумели за столом.

В это время много людей собралось на Скалке, куда епископ перешёл из дворца на Вавеле. В то время, как на Вавеле гремели песни и Буривой, старший из пяти братьев-болеславцев, подносил королю кубок, в скромном жилище епископа на Скалке теснились земские люди, искавшие совета. В доме почти не было слуг. Столы, лавы, распятие на стене, у двери медный таз для святой воды, плетёнки вместо ковров... епископ не держал ни золота и серебра, ел на глиняной посуде, а всё достояние тратил на костёлы, книги (стоившие тогда очень дорого), на бедных и сирот.

После недолгого совещания с представителями землян Станко отпустил их. Остался лишь чешский прелат, и епископ сказал ему:

— Anathema sit! Я прокляну его! Отправляйся в Прагу и повтори там мои слова: корона польская на безголовии, жезл святого Маврикия на безручье, престол Пястов на бескорольеве, край ныне на безотцовии, ждёт Вратислава, чтобы отдаться под его высокую руку! Земские люди его примут, рыцарство обрадуется... Два мощных королевства сольются воедино!

⤿
⤿

Слово епископа было твёрдо; это был железный ч<елове>к, как все Щепановские, отец его Велислав и дед, крепкие земляне.

Король буянил у себя на Вавеле; чашники и подкоморные не успевали услуживать двору и гостям; пир сменялся пиром, и король веселился, лаская свою Христю. Но первые тучки появились над ним.

В своих теремах, окружённые русинами и русинками, вспоминали родной Киев королевы: старая Добронега, мать короля, и вечно заплаканная Велислава. При них, как тепличный цветок, рос королевич Мешко. Здесь пели только тихие церковные напевы, повторяли старые сказания. Светлица была полна ароматов цветов и зельев, рассыпанных по полу; в углу висел греческого письма золочённый образ, а перед ним теплилась лампада. Но и в этот тихий уголок дворца проникла смута: услышав о ссоре Болька с епископом, королевы пали к его ногам, умоляя примириться с церковью. Болько посмеялся, но покинул терем королев с беспокойным сердцем.

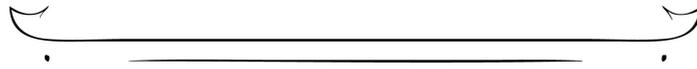
Приехал его младший брат, мягкий и покладистый Владислав — Герман; Болько недолюбливал его, презирая его набожность. Владислав тоже стал уговаривать его помириться с епископом, но король обратил всё в шутку и усадил брата за пиршеств<енный> стол. Тот едва прикасался к яствам и мрачно отвечал на вопросы.

Епископ Станко жил скромно. Большую часть времени проводил он в клетушке, по стенам к<ото>рой на полках стояли великие сокровища — огромные фолианты в деревянных окладах, с медными и костяными украшениями. Этот бесценный клад о привёз в Польшу после семилетнего пребывания в Париже. По числу книг библиотека Станислава занимала первое место после Бенедиктинского книгохранилища; на покупку книг он издержал почти всё отцовское наследие.

Среди комнаты стоял стол с аналоем для чтения и письма, с высоким сиденьем и всеми тогдашними приспособлениями для письма: тростниковыми ручками, пергаментами и едкой жидкостью (письмена вытравлялись на пергаменте особою жидкостью, так называемым «инкаустом»). Здесь же, в шёлковой мешочке лежала овальная епископская печать, шнурки и воск для оттисков. Рядом горела итальянская лампочка (плошка, светильник), фитиль которой плавал в маслянистой жидкости. При свете этой лампадки епископ читал, развёрнутую на аналое книгу...

Неск<оль>ко недель подряд он избегал служить в кафедральном соборе св. Вацлава в замке; раннюю обедню служил либо в своей домашней церкви, либо в маленьком костёле св. Михаила на Скалке, при к<ото>ром временно числился священником. Но однажды он служил мессу в замковом костёле с подземной часовней — крыптой*. Скромный снаружи, он был богато убран внутри. Вместе с ксендзом Станиславом служили бенедиктинские монахи из Тыньца. Полудикий народ теснился в костёле, вокруг него разъезжали королевские любимцы — полуязычники. Месса была прервана ударами: король вломился, нарушил службу звоном оружия,

*Крыпта — ясли, где под Рождество устраивался вертеп.

держался гордо, как завоеватель. Всех напугала выходка короля, клир перетрусил, а королевская дворня праздновала победу.

И вот Болеслав уехал на охоту. Пока он пускал соколов под Краковом, епископ готовился к церемонии. Вечером духовенство соборне вошло в небольшой костёл на Скалке. На алтаре, как перед всенощной, ярко горели свечи; в воздухе медленно звучал колокольный звон. Вслед за епископом всё духовенство покорно вошло ризницу и стало облачаться в праздничные ризы и скуфейки. Епископ надел митру и взял в руки жезл.

На унылое гудение колокола стекались люди, теснились в притворе и костёле. Толпа росла. Из ризницы вышли два мальчика, один с крестом, другой с книгой. За служками величаво шествовали бледный епископ, а за ним попарно шли священнослужители в рясах, с зажжёнными свечами. Дойдя до алтаря, они стали по шесть ч<елове> с каждой стороны архипастыря, поднявшегося на ступени амвона.

Толпа смолкла в суеверном трепете. Епископ трижды ударил посохом о ступени алтаря, раскрыл книгу и стал читать про себя слова молитвы. Потом повернулся лицом к алтарю и запел унылым погребальным голосом: «Тебе Бога хвалим». Духовенство запело вместе с ним. Знакомые слова и напев звучали странно и непонятно. Некоторые из священников утирали слёзы. Колокол звонил жалобно. Непонятный обряд пугал толпу. Пение кончилось. Воцарилась мёртвая тишина; епископ с той же книгой обратился лицом к пастве. Лик его был грозен, как лик судьи перед произнесением ужасного приговора. Возвысив голос, епископ стал торжественно читать:

«— Проклят Болеслав, Казимиров сын, король; проклят со всеми сообщниками и советниками; со всеми, к<ото>рые радовались, видя его деяния; знали о его поступках и не удержали его и не кричали о беззакониях его.

Да будет проклят Болеслав под кровлею своею и во дворе своём, и во граде, и во веси, и на нивах; да будет проклят, когда сидит, стоит и ест и пьёт, работает и спит. Да будет проклят, да не останется на нём живого места, ни здоровой части тела; да будет проклят от головы до ног; да вытечет утроба его, да пожрут черви его тело. Да будет проклят наравне с Ананием и Сапфирой; да будет проклят с Каином-братоубийцей. Да будет жительство его обращено в пустыню, а сам он вычеркнут из книги живота. И пусть память о нём сотрётся и исчезнет навеки.

Да будет проклят на страшном судище Христовом вместе с дьяволом и ангелы его и пусть погибнет на веки вечные, если не опомнится!»

Окончив, епископ бросил перед собою на пол свечу, к<ото>рую держал в руке. В тот же миг всё духовенство тоже стало бросать свечи, громко возглашая:

— Аминь! Аминь! Да будет тако!

В одно мгновение весь Краков облетела весть: король проклят! Мы без короля!

⤿
—————
⤿

Ночью король воротился с охоты. Он увидел толпу стенающих людей и пришпорил коня, чтоб узнать, в чём дело. Люди в ужасе разбежались от него. Король был изумлён и встревожен. Всюду слышались крики и плач.

— Проклятие! — сказал король. — Чехи или немцы?

Он поскакал к замку. Все и тут разбежались перед ним. На пороге замка он увидел остолбеневшую от горя мать, полубезумного Владислава, плачущего Мешка над бесчувственной королевой Велиславой. Болеслав стиснул рукоять меча. Всё клокотало в его душе; он силился смеяться, но из уст его невольно вырвалось языческое сквернословие.

Король понял, что он проклят.

Вскоре весть разлетелась по стране. Земские люди покидали короля и отказывались повиноваться. Короля не было, хотя он был жив.

Через несколько дней епископ Станислав служил в Костёле на Скалке. Во время мессы в церковь ворвался король со своими последними рыцарями. При возношении бескровной жертвы король ударил бискупа мечом. Приложили свою руку и «Болеславцы». Епископ был изрублен в куски. Люди в ужасе разбежались из маленького костёла. Убийцы ускакали.

Костёл был пуст. На алтаре догорали свечи; на ступенях валялась опрокинутая чаша, смятый под ногами дискос, окрашенный кровью белый плат.

Наконец, останки мученика были убраны, и на все четыре стороны были отправлены гонцы.

Король окопался в замке и не показывался. День и ночь у ворот ходили удвоенные караулы; осёдланные кони стояли во дворе, и прохаживались вооружённые дружинники, готовые в любой момент вскочить в седло.

На третий день через Вислу переправился отряд ратных людей, вошедший в город и расположившийся у подножия Вавеля. Предводителем был Делива. На следующее утро подошёл во главе такого же отряда Крук, а к ночи Бжехва с третьим отрядом. То были вожди земских людей.

Король приказал наточить мечи, приготовить луки и метательные копья. Людей у него уже было немного; прочие были разбросаны по замкам, в пограничной полосе, в городах на постое (в одном месте их трудно было бы прокормить). Из «обозовищ» шли плохие вести. Духовенство уже снюхалось с начальниками: то один, то другой под разными предложениями отказывались явиться; одни отмалчивались, другие прямо поднимали знамя бунта. В то же время воеводы и жупаны захватывали власть на местах.

Все костёлы были закрыты, алтари стояли без ксендзов, крещёный народ (особенно в городах) тщетно домогался исповеди, венчаний, похорон. Вышегород стал островом посреди океана. Никто не нападал на него, но никто и не хотел знать короля. Бесконечно долго, в ужасе и молчании, тянулись дни на Вавеле. Духовенство

запугало чернь. Никто не собирался защищать ч<елове>ка, душа и тело к<ото>рого были во власти Сатаны.

Рыцарство и земские люди нигде не встречали сопротивления. Уже росла молва о чудесах, совершавшихся у гроба епископа-мученика, об орлах, охранявших его изрубленные члены, о свете, исходившем по ночам из его могилы.

Дружина короля таяла. На зло всем он утопал в наслаждениях и знать не хотел о земском войске, стоявшем у ворот замка. Он говорил о конях, псах, облавах на зверей. Король постарел и пожелтел.

Прошёл год. Между королём и страной шла та же молчаливая, бескровная и беспощадная война. Вооружённые толпы сменялись, укреплялись у подножия Вавельского холма. От целого королевства у Болеслава в повиновении осталась только Смочья гора, из полчищ — лишь горсточка связанных с ним людей.

Наступила весна 1080 года. Вавель походил на крепость, истомлённую долгой осадой. Дворы его поросли травой. Не хватало припасов. Челядь уходила по одиночке. Король не позволял роптать и замыкал уста бранью и угрозами. Нек<ото>рых, нарядив в заячьи шкурки и засунув за пояса кудель, со срамом выгнал из замка.

Половина построек Вавеля пустовала. Королевские наперсники по ночам ходили в соседние селения вербовать людей в королевские полки. Чернь, боясь мести своих панов, боялась шевельнуться. Селяне тайком давали королю живность и припасы, но въявь открещивались.

Король не прекратил выездов на полеванье. Однако, узнав, что в его отсутствие делались попытки обманом занять Вавель, он оказал себе в последнем развлечении.

Наконец, когда возмущение земства дошло до предела, король отдал приказ:

— Нагружать возы казною. Людям быть наготове всем до единого. Не только света что в Кракове!

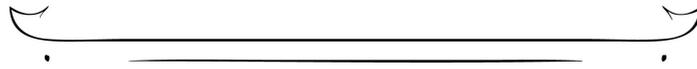
Весь день только и видны были гружёные возы, дорожные мешки и вьюки. На Вавеле ковали и снаряжали коней. Король не выходил из покоев, никого не хотел видеть, дразнил собак и хохотал, когда они его кусали.

Сборы продолжались всю ночь при факелах. В тереме королев служанки снимали пологи, укладывали утварь, бегали и суетились.

Добронега осталась.

На заре замок был оголён до нитки. Во дворе кишели все его жители и стояли полные возы. Когда королеву с Мешком подвели к повозкам, находившимся среди обоза, старая Добронега вышла, опираясь на двух придворных. По лицу её текли слёзы, в руках была золотая икона; она приказала поддержать себя и, воздев руки горе, благословила иконой отъезжавших.

Впереди ехал король на серой Орлице под золотую попоною. На нём были золочёные доспехи, королевская мантия, на шее цепь, пояс с самоцветными

каменьями. С гордой осанкой, с короною на шлеме, с выражением презрения на бледном лице, он был далёк от покаянных мыслей. Он смотрел угрожающе: «Вернись!» Рядом с ним развевалось знамя, несли мечи, шли трубники с рогами. За ним шли верные болеславцы, сверкающие железными доспехами, с мечами в руках, увешанные луками. За ними шла дружина, двор, челядь, ратные люди, двумя длинными шеренгами оцепившие обоз с королевскими сокровищами, лошадей на поводу, охотничьих собак и соколов. На возах, укутанных в плахты, сидели, плача, женщины, дети и больные.

Земские полчища расступились, пропуская королевский поезд. Никто не снял шапки, никто не послал вдогонку оскорбительного слова.

На др<угой> день ополчение начало разъезжаться. Через некоторое время править стал князь Владислав Герман.

Болеслав не вернулся в Польшу. Восстание крупных феодалов вынудило его бежать из страны, а в 1081 он умер в Каринтии, в возрасте 42 лет.

Погребение знатного поляка в XI веке

Умер патриарх знатного рода; все члены оно́го собрались на похороны. Старейшины стеснились около его «избицы». Окна были раскрыты, двери сняты с петель; внутри горели свечи, несло́сь оттуда унылое медленное пение, прерываемое слёзными стонами и выкриками. Среди «избицы», на высоком ложе, покрытом медвежьими шкурами, лежал покойник в своей серой сукмане. В пальцы его был всунут крест, в головах стояло большое распятие, а два ксэндза по сторонам пели погребальные псалмы. Четыре носильщика внесли гроб, выдолбленный из целого дубового ствола; крышку несли отдельно.

Покойника положили в гроб на подстилку из хмеля и цветов; старейшины подошли поцеловать руку пращура; потом гроб заколотили и засыпали цветами. С великим трудом сыновья и внуки покойного подняли гроб на плечи и протиснулись в узкую дверь «избицы». За гробом вели накрытого попоной старого боевого коня; к седлу были привешены лук, стрелы и секира покойного. Нанятые плакальщицы выли, за ними шли два ксэндза, а далее весь род — отдельными семьями, каждая вокруг своего главы.

Шествие медленно двинулось; из посёлков и деревень, стоявших на земле покойного, собрались толпы народа и молча, без шапок, теснились вдоль дороги в костёл, откуда плыл медленный колокольный <ый> звон. В костёле пропели остальные псалмы и закончили обряд отпевания. На кладбище уже была вырыта могила. Пока в неё опускали гроб, на панском дворе спешно сколачивали из досок столы на козлах, варили мясо, выкатывали бочки пива и мёда, нарезывали горы хлеба, жарили на вертелах целых баранов и коз. Ни одни похороны не обходились тогда без языческих поминок, к<ото>рые иногда длились неделями.

Первую горсть земли в могилу бросал следующий старейшина рода.

Послесловие к изложению романа Крашевского «Болеславцы»:

Святой Станислав Костка, епископ краковский, убитый Болеславом II, к^{ото}рого он отлучил от церкви, считается патроном Польши. Его праздник — 7 мая.

1. Станислав род^{ился} в 1030, учился в Гнезне и Париже. С 1071 <года> епископ краковский, в 1079 <году> убит в краковском костёле св. Михаила по приказу Болеслава Смелого — за то, что обличал его беспутный образ жизни и отлучил от церкви. В 1253 <году> Станислав канонизирован Иннокентием IV.

История убийства всё ещё темна. Папа на это убийство не реагировал. Последующие папы долго сопротивлялись канонизации Станислава. Почему?

Галл Аноним в своей хронике назвал епископа Станислава «предателем». Нек^{ото}рые считают, что в споре, раздиравшем христианство XI века, Болеслав Смелый стоял за папу, а епископ Станислав — за римского кайзера Генриха IV.

Сегодня польские историки пишут: «Болеслав казнил за измену краковского епископа Станислава, что вызвало восстание крупных феодалов и вынудило короля бежать в Венгрию».

Крашевский пишет, что земство не любило Пястов, и что земляне говорили: «У них в роду либо богатыри, либо расслабленные и изверги. Мешко напоследях наполовину онемечился. Казимира вырастили немцы. Болько обрусел: хочет править нами по русскому обычаю».

Слабый король

В 1079—1097 правил брат Болеслава II — смирный Владислав I Герман. Королевского титула не принимал. Род^{ился} около 1043 <года>. Возведён на трон вельможами.

Польша при Болеславе II и при его младшем брате неуклонно слабела из-за войн с Русью и внутренних раздоров.

Процесс феодализации вёл к распаду королевства. Владислав Герман в основном выполнял волю вельмож, к^{ото}рые свергли его старшего брата и посадили на престол его самого.

Есть сведения, что Владислав Герман умер только 4 июня 1102; раздел Польши между двумя его сыновьями был произведён при жизни Владислава Германа, отказавшегося от власти.

Bolesław III Krzywousty (1086—1138)

В 1097 <году> умер (?) Владислав-Герман. В 1099 <году> был совершён раздел Польского королевства между двумя его сыновьями. Старший сын, Збигнев, получил Великую Польшу со столицей в Гнезно; южную половину, т. е. Малопольшу и Силезию, получил Болеслав, прозванный Кривоустым. Он был ещё полурёбёнком, но ему предстояла великая военная слава.

Князь Збигнев при поддержке немецких войск вверг всю Польшу в долгую междуусобную войну, в к<ото>рой и подрастал Болеслав III. Родился он, как историки предполагают, 20 августа 1085 (или 1086) <года>. В 1103 <году>, ещё молодым ч<елове>ком, он женился на дочери киевского князя Святополка — Збыславе (она умерла в 1108). Хорошие отношения с Киевом обеспечили Болеславу Кривоустому тыл с востока и помогли победить в упорной борьбе со старшими братом Збигневом и его союзником — германским императором Генрихом V.

Все пять лет жизни со Збыславой князь Болеслав III воевал со своим старшим братом Збигневом и ходил походами на Поморье. В 1107 <году> он возвратил Польше Колобжег, важный порт на Балтийском море, центр Кошалинской земли.

В 1108 <году> княгиня Збыслава умерла. Её сын Владислав II сохранит живые связи с Киевской Русью.

В борьбе против брата Збигнева и кайзера Генриха V Болеслав Кривоустый добился объединения под своею властью всей Польши, князем к<ото>рой он и считается с 1106 по 1138.

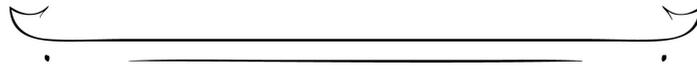
В 1109 <году> Болеслав III отразил вторжение германского* Генриха V, прославился обороной крепости Глогув и громовой победой над немцами на Псе-Поле.

Болеслав Кривоустый возродил бранную славу Пястов. Он стал грозой немецких маркграфов. Он вёл войны с Чехией (1103—1110), вмешивался в венгерские дела, оказывал поддержку претенденту на венгерский трон князю Борису против короля Бэлы II. В 1109 <году> на Собачьем поле (Psie Pole, ныне один из районов города Вроцлава) Болеслав III разбил войска германского кесаря Генриха V.

Он ослепил, а потом и убил своего старшего брата Збигнева. Во искупление этого греха король Болеслав III совершил покаянное паломничество в Гнезно на могилу св. Войцеха. В память об этом он велел выбить «покаянный брактеат»*: на аверсе монеты изображён король, стоящий на коленях перед епископом. Диаметр этой монеты достигал 26,5 мм, т. е. она была вдвое больше всех монет, имевших тогда хождение в Польше.

* Было: «германического». Видимо, описка.

* Брактеат — монета, чеканившаяся только с одной стороны.

В результате успешный воин Болеслав Кривоустый в 1116 <году> воссоединил с Польшей Восточное Поморье (Гданьское), а в 1123 <году> — Западное*. В хронике Галла Анонима записана победная песня рыцарей Болеслава Кривоустого:

Naszym przodkom wystarczały ryby słone i suchnące,
My po świeże przychodzimy w Oceanie pluskające.

Так они славили выход Польши к Балтийскому морю. Болеслав Кривоустый частично присоединил к Польше земли лютичей, к<ото>рые, однако, спустя полвека будут захвачены Альбрехтом Медведем — и уже навсегда.

Болеслав III объединил все польские уделы и стал великим князем Краковским, а на Вавеле построил мощный замок.

Чувствуя приближение кончины и памятуя о затяжной борьбе, к<ото>рую он вёл в молодости со Збигневом, Болеслав решил упорядочить заранее порядок наследования и самолично присудить долю каждому из сыновей. Незадолго до смерти, уже в 1138 <году>, он огласил знаменитый акт о наследовании, получивший печальную известность под названием «статута Болеслава III». Этим статутом вводился принцип раздела страны между сыновьями монарха. Одному из сыновей предоставлялись титул «князя-сениора» (лат. senior — старший) и права верховного князя; кроме своего удела он получал сеньоральный удел с городами Гнезно и Калиш. Ему вменялась в обязанность чеканка монет для всех братьев.

Так завещание Болеслава Кривоустого привело к удельной раздробленности Польши.

Болеслав Кривоустый был храбрым и умным королём, хотя и титуловался только великим князем. Его серебряный денарий (около 1115, диаметр 13 мм) изображает стоящего Болеслава, к<ото>рый поражает копьём дракона (вероятно, Вавельского смока). На др<уго>м денарии выбит бюст Кривоустого в боевом шлеме и с мечом.

Но этот рыцарственный монарх разделил Польшу между пятью своими сыновьями. Держава распалась на самостоятельные удельные княжества. Пясты снова попытаются объединить уделы; история повторится при Болеславе Кудрявом.

Болеслав Кривоустый умер 28 октября 1138 <года>. Первым князем-сеньором после его смерти стал Владислав II Изгнанник, к<ото>рый княжил в Кракове в 1138 —1146, пока не был изгнан своим братом Болеславом Кудрявым; умер в изгнании.

Владислав II выбил денарий, позже названный «Орёл и заяц»: на аверсе его выбит воин, повергший наземь врага; на реверсе взлетающий ввысь орёл уносит в когтях зайца. Тот же князь повелел отчеканить монету, изображающую его самого в схватке со львом.

Легендарный польский витязь

* В 1120—1123 он завладел Западным Поморьем и восстановил ленную зависимость от Польши местного князя Вартислава I.

⤿

Желислав Белина — польский полководец конца XI века, командовавший всеми войсками Болеслава Кривоустого; умер в 1102 <году>. По преданию, во время войны против Святослава Моравского Белине в бою отсекали руку, но он, невзирая на это, остался на поле брани и выиграл сражение. За это Болеслав Кривоустый наградил его золотой рукой, помещённой в его гербе. Герб «Белина» — на голубом поле три подковы, между ними подъятый для удара меч, к<ото>рый золотая рука заносит над шлемом.

В дальнейшем к гербу «Белина» принадлежали Фалецкие, Наропинские, Подгоржецкие, Пражмовские, Тарновские, Венсерские, Прушковские, Жеромские и Бржозовские.

Герб «Топор» происходит от древнепольского рода Топоров, к<ото>рый делился на две линии — Старжовцы и Колки. Все Топоры шагу не делали без своих боевых секир, от которых и получили своё родовое прозвание.

Boleslaw IV Kędzierzawy (1125—1173)

Сын Кривоустого, Болеслав Кудрявый в 1138 <году> получил в удел Мазовию и Куявию. Изгнав из Кракова старшего брата Владислава II, Болесл<ав> Кудрявый стал князем-сеньором и распространил свою власть на большую часть польских земель (1146). В 21 год он стал польским князем Болеславом IV.

Ввиду угрозы войны с немцами он стремился к союзу и единству со своими братьями Мешко, Генриком и Казимиром. Но князь Генрик довольно рано погиб.

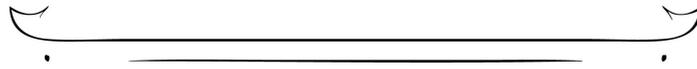
Владислав II Изгнанник имел сильного союзника — германского императора Фридриха Барбароссу. Потерпев поражение в войне против Барбароссы, Болеслав Кудрявый был вынужден признать зависимость Польши от Священной Римской империи (1157).

Болесл<ав> IV вёл войну с языческими племенем пруссов в Прибалтике (походы 1164, 1165, 1167). Заметен упадок Польши. Её значение в Европе уменьшается, Пясты слабеют.

В 1170 <году> katedra gnieźnińska была украшена сокровищем искусства, сохранившимся до сих пор: это słynne drzwi spiżowe.

Mieszko Stary

Один из сыновей Болеслава Кривоустого Мешко Старый в 1140 (?) женился на юной мадьярке Эржибет (Елизавета, род<илась> около 1128 <года>), дочери венгерского князя Алмоша и его жены Елены Сербянки. Это был политич<еский> брак, к<ото>рым малопольские Пясты скрепили свой союз с венгерским королём Бэлой II Слепым.

Овдовев, Мешко в 1154 <году> взял в жёны Евдокию, дочь киевского князя Изяслава II; брат Евдокии, Мстислав, женился на Агнешке, сестре Мешко Старого. Этот парный брак скрепил союз Мешко с Русью.

В 1173 <году> умер Болеслав Кудрявый, и Мешко стал князем-сеньором. Слух о том, будто Мешко поклялся Евдокии передать польский трон её сыновьям, вызвал бунт Одона, сына Мешка от первого брака.

Мешко пытался усмирить князей и установить единодержавие, но его притязания на Краков встретили сопротивление знати: её colloquium в 1177 <году> постановил сохранить Малопольшу в роду Казимира, младшего брата Мешко.

Уже с начала княжения Мешко монетные дворы прекратили чеканку двухсторонних денариев. Их вытеснили брактеаты, остававшиеся главным платёжным средством на протяжении XVIII века.

При Мешко III Старом выпущены брактеаты с изображениями по мотивам древнееврейских легенд, не имеющие никаких аналогий в Европе. Загадка их появления не решена по сей день.

Мешко III умер в 1202 <году>, но до этого успел покняжить над Краковым: может быть, благодаря злодеянию.

Казимир II Справедливый

С 1177 <года> в Кракове княжил Казимир II Справедливый. На аверсах его брактеатов помещались слова Virtus (доблесть), Iustitia (справедливость), Fides (верность). Другую серию брактеатов украшали религиозные символы и двуххвостая морская сирена.

Согласно летописи, 5 мая 1194 <года> Казимир II внезапно умер во время пира в возрасте 56 лет. По преданию, он умер после того, как выпил кубок вина.

Был ли отравлен Kazimierz Sprawiedliwy? Во всяком случае, его смерть облегчила Мешку занятие Кракова, куда он был впушен победившей партией вельмож, после того как принял её условия и заключил с ней договор.

Начало литературы

Костёл создал раннюю польскую литературу: хроники на латинском языке. Капеллан Болеслава Кривоустого Галл Аноним описал в своей хронике создателей польской державы и их борьбу с врагами; этому французу удалось эпическая хроника, пронизанная чувством польского патриотизма и имеющая светский характер.

Его преемником стал краковский епископ Винценты Кадлубек* (ок. 1160—1223), писавший хронику с церковной точки зрения и ставивший Костёл выше государства. До XVI века латынь царила в польской литературе.

Лешко Белый и гибель Романа Мстиславича

После смерти Мешка III (1202) вельможи передали краковский престол сыну Казимира II — Лешку Белому.

В то время блестящим полководцем и великим государем Юго-Западной Руси был Роман Мстиславич, с 1173 <года> князь волынский, а с 1199 и галицкий, гроза половцев, ятвягов и Литвы. Пленных литовцев он обращал в рабов и заставлял пахать его земли, за что его корила поговорка: «Романе, Романе, худым живеши, Литвою ореш».

В 1202 <году> он завладел Киевом, сделав из него свой северный форпост. Имя Романа знала вся Европа. Папа Иннокентий III предлагал Роману королевскую корону при условии вассальной присяги, но Роман отверг опеку Рима.

В 1205 <году> он предпринял поход в Польшу, намереваясь (по мнению польских историков) захватить люблинские земли, но 19 июля 1205 <года> погиб в бою. Французская хроника сообщает: «Король Руси по имени Роман, выйдя за пределы своих границ и желая пройти через Польшу в Саксонию... убит двумя братьями, князьями польскими, Лешком и Конрадом, на реке Висле».

В XV в. польский хронист Длугош сообщил, что Лешко и Конрад в благодарность за победу посвятили в Краковском соборе алтарь святым Гервазию и Протасию, в день памяти которых погиб могущественный «король Руси»

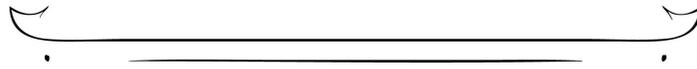
Трагедия западных славян

В раннем Средневековье южный берег Балтийского моря к западу от устья Вислы заселяли племена поморян — охотников и рыбаков. Край их назывался Поморье, а язык был ветвью древнего польского. В то же время поморяне были близки к полабским славянам, племена которых (бодричи, лютичи и др.) издревле заселяли территорию от Лабы на западе до Одры на востоке.

Бодричи (ободриты) — это северная часть полабских славян; к концу VIII века это был племенной союз, объединившийся вокруг собственно бодричей. Они жили по обеим берегам Нижней Лабы, но позже были оттеснены немцами дальше на восток.

При устье Одры у поморян были города Щецин и Волин, торговые города Любин и Аркона.

*Фрагмент ggn-68-1-12: «Винцентий Кадлубек (ок. 1150—1223) — родился в селе Каргова близ Стобницы, польский летописец, архиепископ Гнезненский; автор хроники, охватывающей историю Польши с легендарных времён до 1202 года; умер 8 марта 1223 в Енджеюве.

Аркона была не только важным торговым городом, но и религиозным центром балтийских славян, тогда ещё язычников, на острове Руй (ныне Рюген); город известен с X века. Аркона славилась своим храмом языческого бога Святовита. В этот храм славяне свозили богатые пожертвования, в том числе много драгоценностей и золота. Храм Святовита в Арконе описал известный датский хронист Саксон Грамматик (Saxo Grammaticus, 1140 — ок. 1208), автор латинской «Истории Дании», содержащей также легенду о принце Гамлете.

Племена полабских славян объединялись в союзы для борьбы против натиска немцев, и бодричи были союзниками Карла Великого в его многолетних войнах с саксами. После завоеваний Карла Великого в Германии сложилась раннефеодальная монархия; в состав её входили герцогства и маркграфства. Их экспансия на славянские земли длилась веками. В этой затяжной борьбе западные славяне упорно держались своей веры — языческого многобожия.

Западный форпост славянства был обречён. Немцы постепенно покоряли славян, насильно обращали в христианскую веру и затем превращали в крепостных крестьян. Славяне или погибали в этой борьбе, или смешивались с немцами.

Лютичи — это племя, давшее название сильному племенному союзу полабских славян. Они упорно боролись против немецкой экспансии, но в XII веке потерпели поражение: немецкий феодал Альбрехт Медведь (1100—1170) в середине века захватил земли лютичей и жестоко расправился с ними. Лютичи подверглись варварскому истреблению; уцелевшие уже к XIV веку были онемечены. Альбрехт Медведь создал Бранденбургскую марку, распахал в ней целину, основал города. Само название «Бранденбург» — немецкая деформация славянского «Брани Бор» («Военная застава»). Эту область ранее населяло славянское племя гаволян. В XIII в. Бранденбург станет маркграфством, в XIV веке — курфюршеством.

Немного позже лютичей, во второй половине XII века, бодричи тоже были разбиты: частью вырезаны, частью онемечены.

В бассейне реки Шпрее по сей день живут лужицкие сербы (лужичане). Это славянский народ, их земля называлась Лужице; она входила в состав Польши, но утрачена ею при Мешко Втором, вскоре после смерти Болеслава Храброго. Немцы стали называть Лужице словом Lausitz: Верхний Лаузиц — часть Саксонии, Нижний Лаузиц — часть Бранденбурга. Несмотря на онемечивание, лужичане до XX века сохраняли свой язык и нек<ото>рые национальные особенности.

Поморяне на Балтике упорно боролись с датчанами. Европа оправдывала нападения датчан на «славянских пиратов», но такими же пиратами были и датчане. Последние в 1168 <году> взяли и разрушили Аркону — последнее языческое государство славян. Датчане разграбили богатства Арконы и её знаменитого храма, стоявшего на высокой скале, край к<ото>рой отвесно обрывался к морю. Храм исчез. Многих жителей датчане обратили в рабов.

⤿

В конце X века Поморье входило в состав Польской державы. Её князья и короли не хотели уступать немцам Поморья и упорно сражались за него, понимая торговую важность морских берегов. Поморяне крестились вслед за Польшей. Они были не совсем поляки, их старое название — словинцы; от них некогда отделились на восток ильменские словены, основавшие Новгород.

Феодальная раздробленность, ослаблявшая Польшу, привела к потере ею Поморья. Уже в XII веке поморские и силезские «княжата» вошли в состав Священной Римской империи, и западные польские уделы, *księstwa piastowskie*, оказались *znięmczone*.

В начале XIV века Восточное Поморье будет захвачено Тевтонским орденом. Западное будет управляться своими князьями гораздо дольше, но тоже подвергнется немецкому завоеванию с вытеснением и ассимиляцией словинцев-поморян. Их польские потомки называются кашубами.

Захватив Поморье, немцы назвали его *Pommern* (Померания).

Силезские князья

Лешко Белый, князь краковский, умер в 1227. Его вдова передала престол в Кракове силезскому князю Генриху Бородатому, талантливому и энергичному правителю (ок. 1163 — 1238).

Генрих, приобретя большую часть Великопольши, снова объединил под своей властью большие территории. Он был устроитель и централизатор; он привлекал в свои владения, особенно в Силезию, немецких колонистов, к^{<ото>}рые охотно шли к нему, спасаясь от грабежей со стороны рыцарей-разбойников, ставших бичом Германии.

Женой Генриха Бородатого была святая Ядвига.

После смерти Генриха Бородатого престол перешёл к Генриху Благочестивому, но в 1241 <году> монгольское нашествие положило конец объединительной политике силезских князей.

Генрик I Бородатый, вроцлавский князь из династии силезских Пястов, уже с 1201 <года> стремился к объединению польских земель. В 1232 <году> он овладел Краковским княжеством, в 1234 — Велькопольским; его правление ознаменовалось развитием Силезии.

Генрик Бородатый умер в Кросно 19 марта 1238 <года>.

Сын Генрика Бородатого и Ядвиги Меранской Генрик II Набожный род^{<ился>} около 1191 (?). Он взошёл на престол в 1238 <году>, отстоял от германского вторжения Любушскую землю и сохранил отцовское наследство, но 9 мая 1241 <года> пал в битве под Легницей, преградившей путь татаро-монгольским ордам далее на Запад.

Ливы и тевтоны

Прибалтийский край, где ныне находится Латвия, с древних времён заселяли языческие племена ливов, стоявшие на невысоком культурном уровне. В 1159 <году> бременские купцы по пути в Висби пристали к устью Двины (Даугавы), завязали торговые отношения с ливами, затем углубились в их страну. В 1186 <году> в Икесколе монах Мейнхард построил церковь, и папа римский назначил его епископом ливов.

Но обращение их шло медленно, и только при епископе Альбрехте, к<ото>рый в 1201 <году> основал Ригу, христианизация края продвинулась. В 1207 <году> здесь был учреждён Ливонский религиозно-рыцарский орден, впоследствии прозванный Орденом Меченосцев.

Собственно, орден был основан в Риге (1202) епископом Альбрехтом Буксгевденом (он же Апельдерн), но утверждён Иннокентием III в 1207 <году>. Официальное название — «Братья воинства Христова»; устав наподобие устава тамплиеров; отличительное облачение — белый плащ с изображением меча и креста; отсюда прозвище «меченосцы».

К 1223 <году> почти вся Ливония (нынешние Эстония и Латвия) были захвачены Ливонским Орденом. Однако через 13 лет выяснилось, что он слишком много сожрал.

Около 1190 <года> в Иерусалиме немецкие крестоносцы на базе иерусалимского госпиталя — «Дома Святой Марии» — основали Тевтонский (т. е. Немецкий) орден. Официально он назывался «Братья Дома Святой Марии в Иерусалиме»; в 1191 <году> утверждён Климентом III, в 1198 — Иннокентием III. Однако в результате острого соперничества с госпитальерами и тамплиерами орден Тевтонов был вытеснен из Палестины и в 1226 обосновался в Северо-Восточной Европе, где польский князь Конрад Мазовецкий предоставил ему область Хелмно и предложил начать завоевание прусс.

Роковое решение Конрада Мазовецкого

Мазовия (Mazowsze) — это область по рекам Висла, Буг и Нарев, в основном тогда покрытая лесами и болотами. Города Мазовии — это Варшава и Плоцк. Её жители, мазуры, по сей день говорят на особом наречии.

Из всех польских княжеств Мазовецкий удел наиболее обособился от Польши. В 1228 <году> князь Конрад Мазовецкий, чувствуя своё бессилие в борьбе с пруссами, набеги к<ото>рых опустошали Мазовию и Куявию, призвал на помощь крестоносцев Тевтонского ордена и отдал им землю Хелминскую и Любавскую в нижнем течении Вислы.

Пруссы были воинственным языческим племенем, одним из племён полудикой Литвы, страны лесов, через которую протекает их любимый Немунас (река Неман) и которая находится между Польшей и ливами. С 1230 <года> Тевтонский орден начал завоевание земли пруссов, затянувшееся на полвека. Ломая героическое сопротивление пруссов, немецкие монахи-рыцари прибегали к массовому истреблению населения.

В 1231 <году> Тевтонский орден основал город Торн, а в 1237 — Эльбинг.

Слияние двух орденов

В 1236 <году> в битве при Сауле литовцы и ливы (латыши), соединив свои силы, почти полностью истребили войско Меченосцев. Остатки разгромленного Ливонского ордена были слиты с Тевтонским орденом и составили одну из десяти его «провинций». Экспансия немецких рыцарей направляется на восток — против Руси. В то же время Тевтонский орден угрожает Поморью.

Литовцы

Литовские племена жили по преимуществу в густых лесах. Они были язычниками, поклонялись деревянным идолам; их главным богом был громовержец Пиркунас (Перун). Верховный жрец Криве-Кривейто (Кирвейто) ставил и смещал литовских князей. Князья правили при помощи рады и в мирное время не обладали чрезмерной властью. Только с X века в Литве зарождается феодализм.

Соседи считали литовцев дикарями, ввиду их грубого образа жизни и примитивной пищи. Любимым лакомством их была печёная репа. Они отращивали длинные косматые волосы до плеч; главным боевым оружием литовцев были палица и секира. Знатных людей они после смерти сжигали на кострах, как это водилось некогда и у восточных славян. Литовцы были храбрыми воинами и особенно удачно сражались, прятались и вновь неожиданно возникали в своих дремучих лесах, но у них не было настоящей военной организации. Общинно-родовой строй не позволяет создать армию.

Тевтонский орден противопоставил литовцам хорошо организованную армию, состоявшую из самих «братьев», из монахов, оруженосцев, фусскнехтов (наёмная пехота) и рейтеров (всадников — добровольцев и наёмных). Тевтоны продвигались медленно, тяжело и основательно: захватывая новые земли, они тут же руками порабощённых местных жителей возводили опорные крепости. Литовцы были бессильны против каменных замков.

⤿
—————
⤿

Исход этой борьбы нетрудно было предугадать. Европейское военно-культурное превосходство немцев обрекало языческие племена Литвы на гибель. Эти нечѣсанные и полудикие охотники со своею родовой «военной демократией» не могли сколько-нибудь долго сопротивляться европейскому феодализму.

Литовцы поклонялись Прамжинасу, богу богов, обитателю небес. В их преданиях рассказывалось, что первой литовской государыней была Крумина, к<ото>рая засеяла землю злаками.

Рудницкая пуца — крупнейшая пуца Виленского воеводства, Троцкого уезда: тянулась от местечка Рудник до Немана свыше чем на 70 вёрст, изобиловала зверями. Литовские князья построили тут охотничий дворец. В пуце росли тополя, ели, пихты; водились лисицы, волки, медведи, рыси, вепри, лоси, даже редкостные росомахи; в водах водились выдры.

Уточнения о религии литовских племён

Языческие жрецы, охранявшие священный огонь и приносившие жертвы Перкунасу, назывались у прусов вайделотами, а у литовцы вейделотами. Их неугасимый огонь по-литовски назывался «швента угнеле» (оба слова — славянские). Вторым названием хранителей огня было «жинис» (ведающие), ибо они предсказывали будущее. Это слово поляки превратили в знич и называли так (ошибочно) сам святой огонь литовских капищ.

Вейделоты занимали среднее место в жреческой иерархии: выше их были креве, кревето и др., ниже — вуршайты, сигонты и др<уг>ие.

Р. Назиров

Женоподобие шамана
и жреца

Предисловие к публикации

Статья «Женоподобие шамана и жреца»¹ соотносится с циклом статей Р. Г. Назирова о фольклоре и мифологии, написанных в 1980-х годах. Собственно, к одной из них — «Священная зола»² — он и отсылает читателя в самом начале. По стилистике и подходам эта статья соотносится также с теми из этих исследований, в которых рождение и развитие фольклорных сюжетов и представлений увязаны с динамикой архаических социокультурных процессов: уже упомянутой «Священной зола», «Наглядная дипломатия и предметное иносказание в фольклоре и литературе», «Вырезка земли» и т. д.

Помимо собственно научного статья представляет немалый биографический и методологический интерес. По ней видна, степень обобщения, которому подвергся фактический материал в творческой мысли Назирова (и заодно — обширность реального фундамента, на которой стоят эти обобщения). Так, в книге «Становление мифов и их историческая жизнь» тема этой статьи занимает немногим более страницы текста в главе «Тотемный брак и мифическая сказка»³, там эта тема — побочная. Однако эта страница базируется на самостоятельной статье общим объемом почти в печатный лист.

Нам уже приходилось, используя сравнения из сферы астрономии, говорить о том, что орбита докторской диссертации Назирова буквально забита сопутствующими текстами разных жанров и форм, тогда как орбита «Становления мифов» почти пуста⁴. Тем ценнее изредка обнаруживаемые на ней новые «спутники».

Статья печатается по рукописи, представляющей собой, судя по всему, далеко не первый, но и не окончательный вариант; машинопись статьи, к сожалению, не найдена. Все пометы, подчеркивания, зачеркивания и выделения принадлежат Р. Г. Назирову.

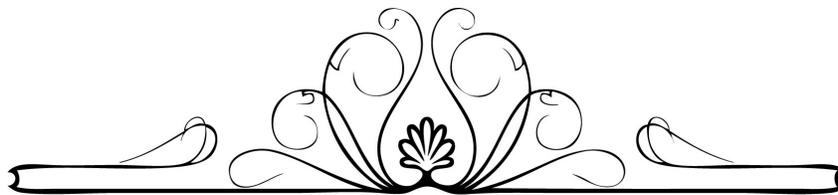
Сергей. С. Шаулов
Башкирский государственный университет

1 АРГН, оп. 4, д. 7а, л. 7а-15 — 7а-31

2 Впервые опубликовано в: Назиров Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. С. 189—209.

3 Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014. С. 32—33.

4 Орехов Б. В., Шаулов С. С. Архив Назирова как система // Назировский архив. 2013. № 2. С. 118—126.

I.

В «Священной золе» мы пытались показать, как из древнейшего социально-мифологического типа больного и презираемого ребенка, признаками которого были кожные болезни и сидение в золе, путём культурно-жанровой дивергенции произошли могучий колдун (основатель религии), «иронический удачник» (мудрец) и скрывающийся герой (младший сын и сиротка).

В «Священной золе» мы пытались показать, как из древнейшего социально-мифологического типа больного и презираемого ребенка, признаками которого были кожные болезни и сидение в золе, путём культурно-жанровой дивергенции произошли могучий колдун (основатель религии), «иронический удачник» (мудрец) и скрывающийся герой (младший сын и сиротка).

Помощные животные и духи предков — неперенные участники действия в сказка о младших сыновьях и запечниках: на Руси волшебными помощными животными являются обычно конь и щука, в Западной Европе это может быть и кот в сапогах.

Знаменитая сказка Перро начинается классическим зачином — несправедливым разделом наследства. Старший сын мельника получает мельницу, средний — осла, а младший — кота. Но именно кот делает своего хозяин «маркизом де Караба» и королевским зятем. Славянские варианты этого сюжетного типа (АТ 545) сохраняют прямую связь с традицией «священной золы»: вымышленными именами младшего брата, выдаваемого котом за знатного барина, служат «пан Попяловский» (от белорусского «попял» — пепел) или «пан Копчинский» (от слова «коптить»; ср. польское имя Золушки — *Korciuszek*).

В подавляющем большинстве аналогичных сказок, например, в АТ 531 («Конёк-горбунок»), волшебный конь имеет самый невзрачный или даже уродливый вид. О его чудесных качествах никто не догадывается.

Уродливая или смешная внешность помощного животного, сам комизм кота как наследного имущества в плане поэтики составляют прямую проекцию уродства, комизма и физической ущербности «иронического удачника», «грязнозадого» запечника на его окружение.

Несомненно, сказки о Золушке и других гонимых падчерицах составляют яркую параллель к архаическим сказкам о гонимом младшем сыне. Видимо, мотив гонимой падчерицы несколько древнее¹.

Для сказок о мачехе и падчерице характерна помощь героине не со стороны тотемного животного или покойного отца (отец в сказке никогда не помогает своей дочери и покорно, хотя и с сокрушенным сердцем выполняет злую волю мачехи), а со стороны духа покойной матери.

Этот дух может принимать вид куколки, как в русской сказке «Василиса Премудрая» (АТ 480*), но чаще выступает в превращенной форме растения или птицы.

Для народов Европы и Азии, у которых огромное значение матриархата в прошлом не подвергается сомнению, более архаическим является мотив покровительства покойной матери. Одновременно она была и духом домашнего очага. «Не случайно, — говорит академик А. П. Окладников, — женские статуэтки в палеолите нередко находятся около очага, а в этнографии дух — хозяин очага — имеет женский облик»².

Многочисленные пережитки культа матери в форме очага сохранялись в историческую эпоху, например, в доисторическую древнем Лациуме: «Политическим и религиозным центром каждой общины был неугасимый огонь царского очага, попечение о котором было делом девственниц-весталок из царского рода»³. Культ Весты в Риме был очень архаичным, никаких изображений богини не существовало; ей поклонялись как самому неугасимому огню. Веста и была огнем очага.

В палеолите сохранение огня было функцией женщины. Поэтому и огонь в эпоху матриархата (а иногда, как видно, и в более позднюю эпоху) мыслился существом женского рода; в Средние века духом огня считалась саламандра. У многих народов-огнепоклонников жрицами вечного огня были только женщины. Но дело не ограничивается культом огня.

¹ [текст сноски в рукописи отсутствует].

² Окладников А. П. Утро искусства. Л., 1967, с. 80.

³ Фрэнгер, Дж. Золотая ветвь. М., 1980, с. 177.

Первоначально только женщины выполняли все жреческие и гадательные функции. Пережитки этой всемирной стадии по сей день сохраняются во всем мире. Невозможно перечислить всех ведьм, колдуний, иудейских пророциц, античный пифий и сивилл, современных гадалок и т. п. У такого патриархального народа, каким были древние евреи, женское шаманство было гораздо старше мужского жречества, и следов этого в Библии немало, например, образ великой пророчицы Деборы. Аэндорская волшебница по просьбе царя Саула вызвала дух пророка Самуила, и тот предсказал царю поражение в предстоящей битве⁴. Как это некромантическое «действие» совершалось на практике, мы видели воочию в японском кинофильме «Расёмон» (режиссер Акиро Куросава), где чревоушательница заклинает дух убитого самурая и, говоря его голосом, повествует историю его гибели. Эти волшебницы служили связующим звеном между миром живых и миром мёртвых, ибо к хранительнице очага благоволят души предков.

Видимо, женщины совершали и первые жертвоприношения — ещё коллективные и недостаточно ритуализованные. Их отголоском были греческие дионисии, на которых мэнэды (вакханки) в священном безумии разрывали руками живого быка и поедали его горячее, сырое мясо. Многочисленные мифы об убийствах мэнэдами мужчин отражают человеческие жертвоприношения эпохи матриархата: в жертву приносились только мальчики и мужчины, но женщины — никогда. Гораздо позднее мужчины взяли реванш, но жертвоприношения девушек мыслились как их выдача замуж за тотемного божество.

Хранительницы огня в палеолите пользовались возрастающей помощью юных девушек, своих младших дочерей; жреческие и гадательные функции со временем оказались монополизированы в основном опытными, старыми женщинами. Главную роль в аграрных культах играли женщины-матери, гадалками стали старухи, а жрицами огня — юные девственницы. Римские весталки были окружены необычайным почётом. Зато их тридцатилетний срок служения был сопряжён с ~~необычайным~~ целомудр<нем> необычайно строгим половым воздержанием; согрешившую весталку зарывали живой в землю. Таким образом, в женском жречестве эпохи матриархата функционально разделились три возрастных группы: девственницы (огонь и охота), матери (плодородие и земля), старухи (ночь, волшебство и смерть). Две старших группы были относительно близки друг к другу, функции их переплетались. От

⁴ [Текст сноски в рукописи отсутствует].

них очень резко отделялась младшая группа — девушки, строго охранявшие свое целомудрие. Об этом свидетельствуют многочисленные мифы и сказки, в которых целомудренные юные героини убивают женихов, не сумевших выполнить брачные условия. Эти сюжеты отражают доисторическую реальность: право девушек убивать мужчин при попытке похищения или насилия со стороны последних. ~~Оно~~ Это право возникло еще в раннематриархальную эпоху, когда дислокальное проживание супругов и сезонность групповых браков строго ограничивали половую связь во времени (весна) и пространстве (специальные рощи, берега рек и т. д.).

Все дети, ещё не прошедшие инициаций, жили тогда с матерями, помогая им, разделяя их общественные и хозяйственные заботы. Девочки оставались в материнском роду; выходя замуж, они только на короткое время (после весеннего сева) сходились с мужьями; в развитом матриархате мужья приходили в род жены. В материнском роду всегда было известное количество мальчиков. Вплоть до середины нашего века у папуасов Новой Гвинеи мальчики, ещё не прошедшие инициаций, спали в «женском доме»; переходом служила жизнь в домах для инициаций; пройдя инициации, мальчик превращался в молодого воина, переходил в совершенно иной мир. Но больные, слабые, увечные мальчики, которые заведомо не могли или не умели пройти инициации, оставались в материнском роду, выполняли женские работы* и не имели никакой надежды на брак. На них в очень широких пределах распространялось понятие женственности.

Ярким отражением этой культурной стадии является образ юного Ахилла, скрытого его матерью Фетидой на острове Скирос среди дочерей Ликомеда. Ахилл был переодет девочкой. Судя по этому классическому мифу, его нельзя было отличить от скиросских царевен (хотя одну из них он успел сделать матерью). В ту эпоху, к которой восходит этот миф, мальчики и девочки носили одинаковую одежду, обычно именно ту, которую продолжали носить девушки и после своих инициаций. Это никого не удивит, если вспомнить, что вплоть до нашего века в Европе, преимущественно в буржуазных, мещанских кругах, маленьких мальчиков заставляли носить платья девочек. Ещё в глубокой древности из этого неразличения половой символики одежды родился культу́рный травести́зм.

Речь идёт о том, что больные или увечные мальчики, не прошедшие инициаций, оставались при матерях; вырастая, они как бы не становились

* Описка. Было «женскую работы».

мужчинами, а сохраняли одежды девушек и по-прежнему помогали в женских работах, в том числе и в поддержании неугасимого огня очага. Эти несчастные существа «третьего пола» и стали первыми жрецами-неженщинами.

Такой гигантский исторический переворот, каким был переход от матриархата к патриархату, не мог совершиться за короткое время: он тянулся тысячи лет, и фиксированная история ещё застал в разных концах земли разные стадии этого процесса. Переходом от женского жречества к мужскому послужил длительный период времени, когда ранние жрецы из мужчин традиционно симулировали женственность. Это было неизбежно и необходимо, поскольку главными в пантеоне переходной эпохи оставались женские божества огня и земли. Богине очага и огню, сильнейшему средству очищения, служили целомудренные, «чистые» девушки; культ земли, напротив, породил иеропорнию (святоблудие).

II.

Враждебные отношения между материнским родом и мужьями, вражда полов в матриархальную эпоху, нашли широчайшее отражение в мифологии и фольклоре.

Греческий миф об амазонках отражает картину раннего матриархата: независимое существование женского рода, дислокальность проживания супругов, ограниченность брачных встреч и вооружённая борьба против каких бы то ни было попыток навязать женскому роду более тесные контакты с мужчинами. Понятие «страх перед кастрацией», созданное З. Фрейдом, имеет реальную основу; только объяснение этого древнего феномена психики у Фрейда абсолютно несостоятельно. Не мифическое любовное соперничество сыновей с патриархом (явление в любом случае позднее и частного характера), а вражда полов в раннем матриархате — вот что явилось истоком «страха перед кастрацией». Ибо в этой борьбе полов обычай убиения взятых женщинами в плен насильников был постепенно заменён кастрацией пленников.

По всей видимости, кастрация изобретена человечеством вместе с приручением животных и началом скотоводства. Люди рано поняли неудобством содержания излишних производителей и узнали, как хорошо откармливаются холощёные животные. Древние египтяне, иудеи и греки уже знали несколько способов кастрации животных. По-видимому, одновременно с

этим или немного позже появился обычай кастрации пленников. И впервые он был применён женским родом в борьбе против мужского.

В дальнейшем кастрация приобрела довольно широкие размеры в культовых целях при переходе от матриархата к патриархату. Культ богинь-матерей, богинь плодородия, тысячи лет осуществлялся женщинами и был строжайше табуирован для мужчин. Однако в эпоху патриархата женщины постепенно вытесняются из этих культов или, по крайней мере, уступают мужчинам часть культовых функций; одновременно образ божественного супруга начинает развиваться в материнском мифе.

У самых разных народов этот образ отличается поразительно яркой общей чертой — страдальческим ореолом, жертвенностью и, как мы теперь говорим, «женственной» пассивностью. Только в ту эпоху это были типично мужские черты: всякая инициатива, социальная и половая исходила от женщины; девушки выбирали себе мужей, а молодые люди пассивно ждали выбора; муж ранней семье занимал подчинённое место.

Вспомним для примера шумерский миф о нисхождении в преисподнюю богини Инанны (Иштар). Она не могла вернуться на землю иначе, как по законам преисподней, т. е. оставив кого-то под землёй вместо себя. Инанна предаёт своего мужа — пастуха Думузи*, и демоны подземного мира хватают его и разрывают на части. В итоге Думузи проводит половину года на земле, а половину — под землёй, как в греческом (стадиально позднейшем) мифе похищенная Аидом Персефона. «Таким образом, шумерский бог Думузи оказывается убиваемым и воскресающим божеством, хотя, может быть, не столь ярко выраженного характера, как Осирис и малоазийские божества»⁵.

[Обрыв рукописи. В авторской нумерации — пропуск страницы 8. Дальше следует лист, помеченный цифрой 9, отчасти дублирующий, но в целом продолжающий статью. Ввиду того, что установить хронологию рукописных фрагментов невозможно, мы сочли необходимым представить их полностью в том порядке, в каком они хранились в архивной папке]

Для сказок о мачехе и падчерице характерна помощь не тотемного животного или отца, а духа покойной матери (иногда в виде куколки — см. «Василиса Премудрая»). Тут получается очень интересная параллель с

* Так в рукописи. В современной традиции принято: Думмузи.

⁵ Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. М., 1979, с. 81.

палеолитическим наследованием, всё ещё сохраняющимся у некоторых культурно-отсталых примитивных народов: так, у современных бушменов небольшая личная собственность отца (орудия охоты) передаётся по наследству его сыновьям, а домашняя утварь, собственность матери, — дочерям. Аналогично раздельнополому наследованию, дух отца в сказках покровительствует младшему сыну, а дух матери — её дочери, гонимой падчерице.

Но для народов Европы и Азии, у которых огромная важность матриархата в каменном веке не подвергается сомнению, более архаическим и более важным в истории изучаемой нами фольклорно-этнографической традиции является мотив покровительства матери. Наряду с нею, покровительство герою частью оказывало женское тотемное божество — огнедышащая кобылица, дарившая ему своего самого невзрачного, но чудесного «сына», горбунка или тулпара. И покровительство матери герою, и покровительство огнедышащей кобылицы вновь приближает нас к культу огня. «Не случайно, — говорит академик А. П. Окладников, — женские статуэтки в палеолите нередко находятся около очага, а в этнографии дух — хозяин очага — имеет женский облик»⁶.

В палеолите, как известно, сохранение огня было функцией женщины. Все дети, ещё не прошедшие инициаций, жили с матерью, помогали ей, разделяли её общественные и хозяйственные заботы. У папуасов Новой Гвинеи мальчики до инициаций ночевали в «женском доме» до середины нашего века. Первоначально только женщины выполняли жреческие и гадательные функции. Пережитки этой стадии сохранялись и по сей день сохраняются у огромного числа разных народов земли: нет надобности перечислять всех ведьм и колдуний, иудейских пророчиц, античных пифий и сивилл. В Библии аэндорская волшебница по просьбе царя Саула вызвала дух пророка Самуила, и тот предсказал ему поражение; как это некромантическое действие могло совершаться в древности, мы можем хотя бы отчасти представить по японскому кинофильму «Расёмон» (режиссёр Акиро Куросава), где колдунья-чревоещательница вызывает дух убитого самурая и, говоря его голосом, излагает историю его гибели. В древности жрицы не только предсказывали будущее и заклинали предков, но и совершали на грубых алтарях первых богов кровавые жертвоприношения. Пережитком этого женского жречества были

⁶ [в рукописи номер сноски — 11; в публикации мы для удобства чтения предусмотрели сквозную нумерацию сносок]. Окладников А. П. Утро искусства. Л., 1967, с. 80.

греческие дионисии, на которых мэнады (вакханки) в священном безумии разрывали и поедали живого быка.

Такой великий исторический переворот, каким был переход от матриархата к патриархату, не мог совершиться мгновенно. Он тянулся тысячи лет; все связанные с матриархатом институты изменялись столь же медленно и постепенно. Переходом от женского жречества к мужскому послужила огромная эпоха, во время которой первые мужчины-жрецы симулировали женственность.

Возможно также, что первыми жрецами мужского пола были люди с физическими недостатками, делавшими их не способными к войне, охоте или даже к продолжению рода. Прошли долгие века, прежде чем в безумной жажде святости «трансценденности» мужчины дошли до самооскопления, ~~ведущего к святости~~. У скифов жрецами были энарреи, т. е. евнухоидные мужчины, лишившиеся потентности вследствие врождённых физических недостатков или повреждений, полученных в детстве (например, в результате слишком долгой верховой езды). Жрецами Кибэлы*, а также некоторых других оргиастических культов древнего Востока были кастраты, причём посвящаемые сами оскопляли себя во время диких «музыкальных радений»; как правило, такое самооскопление было характерно именно для культов великих богинь плодородия. Это не было «жертвоприношением мужской силы», а имитацией драмы мифологического возлюбленного богини, оскопленного диким зверем на охоте или злым братом. Сам же миф этого типа восходил к неолиту, когда жрецы-мужчины притворялись женщинами.

Отголоском той эпохи является греческий миф о великом прорицателе Тиресии, играющем столь важную роль в судьбах Одиссея и Эдипа. Согласно мифу, Тиресий однажды убил двух свившихся змей и тотчас превратился в женщину; в течение нескольких лет он был женщиной, а затем вновь стал мужчиной. Всемирность этого мотива подтверждается сегодняшними мифами папуасов. Так, в тотемном мифе клана нимборан, считавшего своим предком солнце (т. е. человека, ставшего солнцем), повествуется о чудесном рождении этого предка, Ваи, из крови его отца. У отца Ваи были женские груди, и он выкормил сына. Цитируя этот миф, Б. Н. Путилов особо подчёркивает характеристику семьи: «дислокальный брак, рождение героя из крови отца, женские качества в образе отца» — и т. п.⁷ Обычному человеку не

* Так в рукописи.

приписывались такие качества: женоподобный человек — это избранник богов, щедро вознаградивших его за физическую ущербность.

Видимо, более распространённой формой достижения женоподобия была не кастрация, а культурный травестиизм, т. е. переодевание мужчин в женскую одежду, постоянное ношение женских одежд. Ещё в XX веке сибирский шаман, если у него не было под рукой его специального наряда, переодевался для камлания в женскую одежду. Отражение культурного травестизма мы усматриваем в классическом мифе об Ахилле. Фетида, зная судьбу, предсказанную Ахиллу, спрятала его на острове Скирос, среди дочерей Ликомеда, причём Ахилл был переодет девочкой. Судя по мифам, внешне его нельзя было отличить от скиросских царевен (хотя одну из них он при этом успел сделать матерью). Разумеется, у великого скептика Гомера не осталось ничего от исходного смысла этого мифологического мотива. В палеолите причиной такой травестии мальчика было стремление к тому, чтобы женское божество огня (покровительница материнского рода) приняло мальчика за девочку.

Героиня патриархальной эпохи надевает мужские доспехи и с мечом в руках поднимает народ на борьбу за освобождение Франции, тем самым навлекая на себя обвинение в союзе с дьяволом. Герои позднего матриархата надевали женское платье, подражали женским голосам и порою даже женской сексуальности, чтобы получить доступ к священному очагу и жертвеннику богини.

Первыми жрецами из мужчин были слабые и больные, а также младшие сыновья. Они были не просто психологически, а «социально-экономически» ближе к матерям, огню и духам предков. Старшая женщина, глава материнского рода, была жрицей огня; в силу матриликального брака сыновья уходили в роды их жён, а с матерью оставался больной последыш. Даже простая симуляция женоподобия требовала от него безбрачия. Болезнь же считалась священной приметой избранности к жреческому служению. Величайшими жрецами были эпилептики, падучая у римлян называлась *morbus sacer* (священная болезнь)*, и эпилептик Магомет основал великую мировую религию. Если же от природы жрец был здоровым, то он специально обучался

⁷ [в рукописи номер сноски — 12] Путилов Б. Н. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. М., 1980, с. 18.

* На поле слева запись: «недержание мочи!»

технике доведения себя до эпилептического припадка: этой цели служили и растительные яды, и дикие пляски (камлание), и верчение нака месте, и мн. др.

Измазанный в золе мальчик, последыш и помощник жрицы, стал первым жрецом мужского пола. Но, видимо, в эпоху распада матриархата женоподобие молодого жреца стало лишь временным, и период его посвящения богине начал закономерно сменяться периодом мужества и частной жизни, причём именно пройденное жреческое служение составляло основу его преимущества перед старшими братьями. Младший брат наследовал матери, и с этого начался минорат. Затем он осложнился необходимостью инициации.

В бесчисленных разнообразных сказках о младших детях есть четыре обязательных элемента:

1) Герой обязательно грязен, неряшлив, соплив или даже болен; Иванушка-дурачок сидит на печи в углу и всё сморкается, «платишко на нём худое, весь в саже, волосы дыбом» (Афанасьев <асьев> 179); Илья-Муромец тридцать лет сиднем сидит на печи, не может ходить; Биктимер, младший брат из башкирской сказки «Золотая уточка-птичка», болен паршой⁸.

2) Герою помогают чудесные животные (в тюркских сказках крылатый конь, в русских — конь и щука и т. д.), духи предков, а в западно-европейских сказках — феи или святые.

3) Центральным мотивом сказки становится преобразование «грязного лентяя» в красавца, в могучего и умного витязя, чему как правило сопутствует его переодевание в подобающую одежду (сказочный символ выхода из жреческой травестийности); часто это преобразование носит магический характер (пролезание сквозь уши Сивки-Бурки как реликт инициации, мотивов движения в которой было скольжение, пролезание сквозь узкое).

4) Сюжет всегда завершается браком преобразённого героя с царевной, что символически означает и успешное завершение инициаций, и торжество миноратного принципа над правом первородства и старшинства; однако торжество это осмысливается как личная заслуга младшего, результат его верности предкам, духу матери, огню и золе, т. е. минорат в сказке побеждает окольным путём, не отменяя права первородства.

Подвиги «запечника», его победы в конных и иных состязаниях, при всей их важности в ряде сказочных сюжетов, всё же для сказки не являются обязательными: возможна и даже более типична (в смысле архаической чистоты сюжета) ироническая победа до конца не поколебленной лени, победа

⁸ [в рукописи номер сноски — 13] Башкорт халык ижады. Т. 2, Офо, 1959, № 18.

только «по щучьему хотению». Напротив, для эпоса подвиги бывшего запечника, младшего брата не только необходимы, но и составляют главное содержание, вытесняя детали внутрисемейного конфликта (Гэсэр, Ахилл, Илья-Муромец).

IV.

Ярким примером, отразившим борьбу майората с миноратом, служит ветхозаветное предание о двух братьях-близнецах, сыновьях патриарха Исаака. Оно связано с известной традицией «дуальных мифов» о вражде двух братьев-родоначальников (ср. Ромул и Рем), но рассматривается здесь в другом аспекте, интересующем нас по преимуществу: в аспекте фольклорного «превосходства младшего брата».

Первым из близнецов родился Исав, вторым — Иаков. По праву первородства Исаву надлежало наследовать власть патриарха и основное имущество (майорат). Исав вырос могучим и ловким охотником, «человеком полей»; тело его было покрыто волосами. Исаак любил Исаву, чья охотничья добыча составляла любимую пищу Исаака, но мать близнецов Ревекка предпочитала младшего — Иакова, который был нрава спокойного и жил в доме.

Однажды Исав пришёл с поля голодный, в то время как Иаков варил чечевичную похлёбку. Исав попросил у Иакова еды, а младший брат предложил Исаву продать право первородства. Исав был так голоден, что согласился, и по требованию Иакова поклялся в том, что уступает своё право. Иаков дал ему хлеба и «красную» (чечевичную) похлёбку, и волосатый охотник насытился.

Когда Исаак состарился и ослеп, он в предчувствии смерти послал Исаву на охоту, чтобы из дичи ему сварили любимой еды: он поест и передаст Исаву свою власть вместе с отцовским благословением. Пока Исав охотился, Ревекка организовала свою знаменитую хитрость: по её приказу, Иаков пошёл в стадо, поймал двух лучших козлят, и Ревекка сварила их. Прежде чем идти с этой едой к отцу, Иаков по приказу матери оделся в одежду Исаву, а руки и шею его мать обернула шкурами ~~кожами~~ этих козлят. Удивлённый тем, что Исав так скоро вернулся с охоты, старый отец ощупал его и признал: «Голос Иакова, а руки Исаву». Иаков назвался Исавом-первенцем, и обманутый слепец поцеловал и благословил его и его будущее потомство. Когда же прибыл

Исав, обман разъяснился, но было поздно: благословение первородства было на Иакове. От него пошло иудейской племя, а от Исава — эдомитяне (Эдом, «красный» — это прозвище Исава). Так рассказано в 27-й главе Бытия.

В этом предании обращает на себя внимание то, что одной сделки между братьями недостаточно. Исаав за чечевичную похлебку продал младшему брату право первородства, но эта уступка ничего не значила без магического обряда — предсмертного благословения отца. И это благословение получено обманом, в котором главную роль играет Ревекка: мать покровительствует младшему сыну. Связь минората с матриархальным принципом и борьба минората против майората выступают здесь в обнажённо-наглядном виде.

Рассказ о нерасчётливой сделке Исава и о хитрости Ревекки служит «сказочным» оправданием того, что патриарху Исааку наследовал не старший, а младший сын. Можно предполагать, что создатели книги Бытия располагали древними «генеалогическими» записями, авторитет которых был так велик, что в них нельзя было изменить ни слова, и в которых точно указывался сам факт миноратного наследования по смерти Исаака. В иудейском обществе царил суровый патриархат, минорат исчез полностью, и нужно было объяснение донесённого из глубокой пастушеской древности исторического факта. Для объяснения создатели Библии воспользовались народными легендами, из которых вторая (о хитрости Ревекки) также имеет весьма древнее происхождение и отражает предпочтительную склонность матери к младшему сыну, а также момент *травестизма* (козьи шкуры). Возможно, не лишено значения и упоминание в первом рассказе о том, что Иаков варил похлёбку. Мы воочию видим контраст между могучим охотником — красным, обветренным, волосатым, с грубыми инстинктами и буйными страстями (он хотел убить младшего брата после смерти отца), и мирным, лукавым младшим братом, который жил под крылышком матери, помогая ей вести домашнее хозяйство и готовить пищу. Симпатии повествователей — на стороне младшего сына, ибо скотоводы уже были противниками охотников, но сознательно и явно повествователи поддерживают майоратный принцип наследования: из этого противоречия возникает необходимость процитированного выше объяснительного рассказа.

Сам же Иаков из всех своих многочисленных детей более всего любил последнего — Вениамина (древнееврейское Бен-Ямин означало «сын моей правой руки»). Вениамин и Иосиф были сыновьями Иакова от его второй, любимой жены, которая умерла, родив Вениамина. Иосифа особенно

ненавидели старшие братья, продавшие его в рабство; эпизод, когда они относят к Иакову одежду Иосифа и говорят, что его сожрал лев, живо напоминает сходные эпизоды в аналогичных сказочных сюжетах о вражде старших братьев к младшему. Вся история Иосифа Премудрого, ставшего в Египте министром фараона, отражает борьбу между миноратом и майоратом.

Таким образом, уже в эпоху создания Ветхого Завета понадобились развитые фольклорные «объяснения» того превосходства младших сыновей, которое сохранялось ещё в народной памяти, но уже противоречило господствующему майорату. Младшие сыновья физически слабее старших, но превосходят их умом, красотой и удачливостью; поэтому они побеждают злобу старших и возносятся выше их. В рассказе об украденном благословении слепого Исаака явственно выступает покровительство матери младшему сыну.

Но архаические традиции всегда переосмысляются последующими культурными стадиями: прежнее содержание становится формой, в которой развивается новое содержание. Культурное превосходство младшего сына становится в фольклоре его личным превосходством, которым в эпоху победившего майората объясняется торжество «запечника» над его старшими братьями. А в дальнейшем это личное превосходство становится аргументом в защиту униженного, «грязного лентяя»: различные культурно-исторические пласты спрессовываются в единый и законченный сказочный сюжет.

На славянские сказки о младшем сыне повлияло расселение племён при подсечно-огневом земледелии, распад древнеславянской «большой семьи»; социальное содержание восточнославянских сказок о «запечнике» — это борьба при переходе от минората к разделению наследования, с которым в народный быт вошли имущественные распри и ограбление младших, т. е. ранние формы социальной несправедливости.

Но и в этих сказках прослеживаются следы матриархата и пережитки особого положения младшего сына в эпоху перехода от женского жречества к мужскому.

<Заметки и дополнения к статье>

1. АРГН, оп. 4, д. 7а, л. 7а-2.

Зола — древнее лекарство от глазных болезней.

О леммингах.
О крысах.
Стиль плохой.
Крысолов (музыкальность крыс)*.

2. АРГН, оп. 4, д. 7а, л. 7а-11.

Женоподобие шамана и жреца

Не просто младшие — болезненные, не способные к браку оставались при матерях.

Гермафродиты. Кастрация. Евнухи.

Моя тетрадь «Русские сказки» с. 8 (Мелет<инский>)

Феномен гермафродитизма лёг в основу греч<еских> мифов об андрогинии (см. Платон, «Пир»).

А. Н. Веселовский. Croissance — Crescens и средневековые легенды о половой метаморфозе. СПб., 1881.

Древние египтяне, израильтяне и греки уже знали неск<оль>ко методов кастрации животных. Евнухи занимали высокое положение при дворах фараонов.

! Ср. сказку «Гиб» с одной деталью егип<етского> мифа о Хоре и Сэте*.

3. АРГН, оп. 4, д. 7а, л. 7а-12.

«Инициации девушек не занимали существ<енного> места в обществ<енной> жизни древних хотя бы уже потому, что переход от девочки к женщине-хозяйке происходил более спокойно и закономерно; девочки, воспитывавшиеся в женск<ом> общ<ест>ве, постепенно вливались в это общ<ест>во. Мальчики же, также воспитывавшиеся женщинами, должны были, подрастая, совершить более резкий и сложный переход; социальный разрыв между мальчиком и взрослым мужчиной гораздо более ощутим, чем между девочкой и женщиной».

* Видимо, в этой заметке к публикуемой статье относится только первая строка — не пригодившееся в полном тексте мнемоническая заметка о связи болезни и золы. Остальное явно относится к комментарию средневекового мифа о Крысолове из Гаммельна, вошедшему в итоге в книгу «Становление мифов и их историческая жизнь» (глава «Мифотворчество христианской Европы»).

** Так в рукописи.

(В. К. Афанасьева. Гильгамеш и Энкиду. М., 1979, с. 106 — сноска).

Мальчики, не прошедшие инициации, рассматривались воинами как женоподобные. К ним и относились в сексуальн<ом> плане как к девушкам или женщинам. Больные не могли проходить инициаций: из них рекрутировались пассивные гомосексуалисты и шаманы.

1) Культурный транзитивизм, 2) евнухоидизм и самооскопления, 3) эпилепсия и самовозбуждение (приведение себя в состояние пассивного медиумизма), 4) пассивный гомосексуализм.

4. АРГН, оп. 4, д. 7а, л. 7а-13.

Золотая страничка!

Главное открытие!

Почему именно эпилептики — лучшие шаманы? Потому что эпилептич<еский> припадок с его ритмич<ескими> судорогами и выгибаниями древние понимали как половой акт с невидимым партнёром, с духом, бож<ест>вом, тотемным животным. Эпилептики были первые жрицы. Остальные потом научились или симулировать эпилепсию, или вызывать эпилептоидные кризы искусственными средствами.

Отсюда — великая традиция прославления эпилептиков вплоть до кн<язя> Мышкина.

Мужчина-эпилептик тоже рассматривался как священный объект любви бога-духа, как женоподобн<ый> мужчина, как андрогин.

Гермафродитизм — тоже одно из проявлений андрогинии. Соединение мужских и женских признаков рассматривалось как избранничество, как предрасположенность к общению с богом.

И Сиротка, и Младший брат, и Золушка — поздние, смыслолишённые формы (метафоры) первоисходного «священного Больного».

5. АРГН, оп. 4, д. 7а, л. 7а-14

Женоподобие шамана и жреца*

Идея андрогинии (двуполости) окрашивает мифы о двойственной половой природе первосущего; возможно, на становление идеи андрогинии

* Возможно отрывок представляет собой вариант начала статьи.

повлияли биологические наблюдения первоб<ытного> ч<елове>ка, его знакомство с двудомными и однодомными растениями. Однодомные растения — это такие, у которых на одной особи растут и пестичные, и тычиночные цветы: берёза, орешник и др. С точки зрения первоб<ытного> ч<елове>ка, такое растение оплодотворяет само себя.

См. Зурван в синей книжке о мифологиях, с. 357-358.

У высших млекопитающих андрогиния (гермафродитизм) встречается редко, как биологическая аномалия. Однако даже редкие случаи андрогинии, равно как евнуходность мужчин, интерсексуальная конституция среди женщин и т. д., давали пищу мифотворческой фантазии. Мифы разных народов сохранили образ двуполого первопредка, к<отор>ый оплодотворял сам себя и рожал потомство. Реликтами этого архаичного представления впоследствии были образы андрогинов в платоновском диалоге «Пир».

При переходе от матриархата к патриархату возникла др<уга>я знаменитая мифологема — брак Неба и Земли. Первоначально он мыслился как непрерывный половой акт; Небо лежало на Земле, и детям Земли не было места для жизни. Иными словами, все зачатые и выношенные Землею плоды этого брака оставались во чреве матери, наглухо закрытом ввиду непрерывности самого сочетания. Актом освобождения первых богов или актом создания свободного пространства было разделение Неба и Земли путём кастрации отца: божественный сын вечных супругов, откусив половой орган отца, открывает себе путь из чрева матери и в то же время разделяет своих родителей. Эта мифологема не имела социокультурного эквивалента, и сказка З. Фрейда о первобытной орде и убийстве отца ничего не проясняет в генезисе древнейших мирообъяснительных мифов.

Из мифов о разделении Неба и Земли обычно вытекает необходимое следствие: бог Неба есть увечный бог.

Позволительно думать, что мифы об оскоплённых богах возникли не ранее, чем в хозяйственной жизни людей стала применяться кастрация быков. Видимо, этот приём не характерен для скотоводства самого по себе; кастрация быков в производственных целях применялась земледельцами, к<ото>рые и развили культ Неба и Земли.

Исторически самооскопление жрецов было способом перехода от женского шаманства к мужскому жречеству, однако в понимании самих людей раннепатриархальной эпохи кастрация жрецов служила целям уподобления их

божеству: увечному Небу или женственной Земле — Великой Матери богов и людей.

6. АРГН, оп. 4, д. 7а, л. 7а-23.

Дополнения

Идея андрогинии окрашивает мифы о двойственной половой природе первосущего (брак Неба и Земли). Зурван в синей книге о мифологиях 357-358. Идея возникла в перех<одный> период от матриарх<ата> к п<атриарха>ту, когда стала осознаваться необх<одимо>сть мужа для зачатия. Или поздний матриархат. Андрогиния окрашена биологич<ескими> наблюдениями первоб<ытного> ч<елове>ка — двудомные растения.

Реликт — платоновский андрогин в диалоге «Пир».

Однодомные растения — на одной особи и пестичные, и тычиночные цветы (берёза, орешник и др.).

Р. Г. Назиров

<Дневниковые записи о малой
прозе>

Малая проза в дневниках Р. Г. Назирова

Сразу после открытия архива Р. Г. Назирова начались публикация и изучение его прозы. До сих пор внимание исследователей привлекали, главным образом, его рассказы и повести, а крупная форма (образцы которой в архиве также имеются) остаётся неизвестной читателям и литературоведам.

На данный момент вышли в печати следующие рассказы и повести Р. Г. Назирова.

При жизни:

- «Грубая ошибка» (1957)
- «Решимость» (1959)
- «Утро в городе солнца. Фантастическая новелла» (1961)
- «Город с птичьего полета. Этюд» (1973)
- «Судьба Константина Батюшкова» (1970-е?)¹

Посмертно:

«Старик. Железнодорожное происшествие» (2011)

«Уфимские рассказы» (2011):

- «Как делают стихи»
- «С птичьего полета»
- «Ванька и пряник»
- «Сорок рублей»
- «Из скандальной хроники Мадонны»
- «Торо и Диккенс. Эссе в свободном стиле»
- «Всегда моя»

«Институтские рассказы» (2011):

- «На красном сукне»
- «Блестящий студент»
- «Учебно-академический сектор» (Третий рассказ из серии «В одном институте»)

«После выставки» (2013)

«Закат Батюшкова» (2013, опубликована отличная от напечатанной при жизни редакция)

«Утро в городе солнца. Фантастическая новелла» (2013, републикован)

¹ Список неполон.

«Два лица города. Рассказ» (2013)

«Человек без особых примет» (2013)

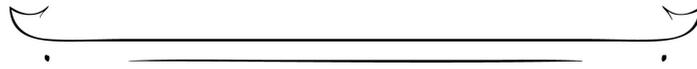
Из аналитических работ, посвящённых этому материалу, упомянем нашу статью «Очерк малой прозы Р. Г. Назирова», а также предисловия к перечисленным выше посмертным публикациям.

Дневник Р. Г. Назирова открывает для нас невидимый ранее исследовательскому взгляду биографический контекст малой прозы литературоведа. Сам по себе дневник, как и любой продукт деятельности, растянувшейся на десятилетия (с начала 1950-х по 1970-е) представляет сложно организованный текст и подробно говорить о нём следует в другом месте. Здесь же скажем только то, что биографические свидетельства подтверждают ранее высказывавшиеся догадки об особой роли личных наблюдений для построения сюжета и создания характеров героев. По всей видимости, такого рода личные впечатления были гораздо важнее книжной традиции.

В этом номере мы публикуем несколько извлечений из дневника, посвящённых рефлексии Р. Г. Назирова над собственным художественным творчеством, в большей степени уже известным нам по упомянутым публикациям. Представленный ниже материал содержит ценные сведения для датировки имеющихся в распоряжении исследователей текстов и другую важную для моделирования художественного творчества Р. Г. Назирова информацию.

В публикации отражены листы дневника 154—159, 227, 231, 391, 458—459 за 1957 и 1958 годы (АРГН, оп. 4, д. 36).

Б. В. Орехов
НИУ Высшая школа экономики

24 августа. <1957> Суббота¹.

Стоит жара. Напоследок лето развернулось во всю мочь, такие денёчки стоят, что куда твой июль-месяц! Сегодня я заставил себя сесть за бумагу, взять перо. Тётя Маша ушла на кордон к своим родственникам, и я переделывал и шлифовал II-ую главу первой части романа. Впервые я набрался нахальства и написал эти слово. Роман! Откуда он у меня взялся? Попробую припомнить.

В сентябре 1954 года, вернувшись от своих родных из Харькова, я очень быстро, в течение каких-нибудь четырёх-пяти месяцев написал повесть. Место действия не называлось, но подразумевался Харьков. Сюжет строился на любви пары симпатичных молодых людей — Андрея Черкасова и Вали Перепеленко. Они выросли из персонажей моих школьных произведений и очень напоминают их. Повесть называлась то «Восемь дней» (или «Восемь дней августа»), то «Солнце августа», то «Августовские встречи». Но это было или слишком претенциозно, или напоминало «Азоланские беседы», а то и вовсе «Causeries de lundi». Наконец, мне пришла в голову идея — назвать повесть словами девичьего гаданья по цветку: «Любит — не любит»². Я был в восторге, я и сейчас не разлюбил это название. Полное гаданье: «Любит — не любит, поцелует — погубит, к сердцу прижмёт — к чорту пошлёт!» — я взял в качестве эпиграфа. Другой эпиграф гласил:

«— Гога, ты умеешь отгадывать сны?»

— Нет. Я умею отгадывать только кроссворды».

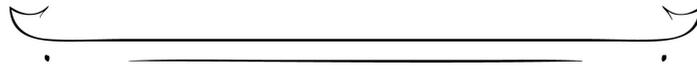
Не слишком-то остроумно. Это под влиянием одного великолепного эпиграфа у Хемингуэя: там у солдата, вернувшегося с мировой войны, спрашивают — какие они, француженки. Эрнст Хемингуэй при менил это как-то здорово оригинально.

Ну, ладно. Повесть «Любит — не любит» я начал переделывать. Отшлифовал начальные главы по несколько раз, но до середины так и не дошёл. Зато сюжет и лица совершенно прояснились.

Кончая III курс, весной 1956 года, я написал несколько рассказов подряд. Среди них и рассказ «Старик» (впрочем, он написан ещё раньше, в 1955-м, кажется). Рассказ плохой, но в нём есть «рациональное зерно». На IV курсе, в конце 1956 года, я написал рассказ «Два лица города». Затем, уже кончая институт, весной и летом, я написал большой рассказ или небольшую повесть под названием «Рассказ Нины Лошкарёвой». Уже чуть не с первых страниц я понял, что по настроению это продолжение повести «Любит — не любит», зачеркнул два—три имени на первых листах, заменил их знакомыми именами Андрея Черкасова, Вали и Игоря (друг

¹ В это время Р. Г. Назиров находится в селе Бишкаин Аургазинского района БАССР в должности сельского учителя.

² Повесть не опубликована.

Андрея) и написал, таким образом, продолжение повести. Рассказ от первого лица. На первое место выдвигается здесь Игорь Толкачёв, полукомический персонаж из «Любит — не любит». Это гордый и вспыльчивый парень, поэт, защитник слабых и угнетённых, но отнюдь не Дон-Кихот: он очень не прочь выпить и порою срывается. Образ, конечно, отнюдь не цельный. Цельным, устойчивым, положительным будет у меня коренастый и спокойный Черкасов, а жилах которого течёт крестьянская кровь. Что же получилось? Я посмотрел — чего-то не хватает. Чего? Начала. Итак, действие повести происходит в августе 1954 года, рассказ Нины — это весна 1955 — весна 1956 годов. А те, прежние рассказы тоже войдут в общую массу: три рассказа. Один входит, как интерлюдия, даже более, как важный сюжетный момент, в «Любит — не любит». В то же время линия от него тянется и к рассказу Нины, помимо простой связи общими героями. Два рассказа («Старик» и «Лицо города») пошли на построение первой части романа.

Первая глава написана у меня уже перед самым отъездом в Бишкаин, уже в августе. Там в ней я страницы три—четыре не дописал, но всё держу в уме. И как она сложилась? Тоже интересно.

Однажды вечером Витька Торопчин, как обычно, уезжал в командировку, и я проводил его на вокзал. Домой я ехал своим седьмым номером, стоял на задней площадке трамвая и смотрел. Чорт возьми! Когда ночь стирает краски, когда остаются только силуэты домов на фоне быстро темнеющего неба да жёлтые квадраты окон, город выглядит гораздо поэтичнее, чем днём. Всё манит, всё таинственно, всё полно очарования. Фигуры людей на улицах смягчены, расплываются в полумраке городской ночи, теряют свою заурядность и прозаичность. Ночью интересен каждый человек, каждый дом, каждая улица. Детали приобретают особую значительность. Зелень садов, т.е. Не зелень, а тёмная масса листвы, выступающей над оградами, кажется пышнее и богаче. Почему бы об этом не написать?

Настроение у меня было шикарное. Я начал мысленно писать картинку. Возникла уже фраза: «Ревность разлуки удесятерит красоту покидаемого города». Итак, в ночное время герой покидает большой город, обильный садами и большими зданиями. Он мрачен, с ним произошло несчастье.

Какое несчастье? Кто этот герой?

Одновременно, в одну минуту, решили оба вопроса: герой — это Игорь Толкачёв, уезжающий из Москвы. Он не поступил в институт, хотя почти всё сдал на пятёрки³. Почему не поступил и когда это было? Всё подсказывали ассоциации с моей собственной ленинградской историей. Это было до смерти Сталина. Не поступил он из-за отца, не прошёл мандатную комиссию. Из повести «Любит — не любит»

³ Назиров далее подтверждает, что это автобиографический мотив, связанный с эпизодом лета—осени 1952 года, когда он, сдав на отлично все вступительные экзамены, тем не менее, не был зачислен на исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена

⤿
—————
⤿

явствует, что Андрей и Игорь на два года старше меня. Значит, дело было в 1950 году (в 1954 году Андрей уже старшекурсник, в рассказе Нины он уже работает инженером). Что с отцом Игоря?

Я вспомнил историю женщины-врача, жившей в нашем дворе (ул. Зенцова, 14). Эта женщина во время войны побывала в Югославии. После памятной декларации Коминформа эту женщины заставляли выступить с собственными впечатлениями и рассказами о злодеяниях банды Тито (тогда кричащие заголовки в газетах извещали: «Югославская компартия — во власти убийц и шпионов!»). Женщина отказалась рассказывать о несуществовавших злодеяниях. Её исключили из партии. Это будет отец Гоши Толкачёва.

Так, стоя на площадке трамвая, я сочинил главу. Это самое начало романа — 1950-й год. Рассказ Нины Лошкарёвой кончается в 1956 году, летом. Мимо событий политической и общественной жизни, мимо проблемы молодёжи я пройти не могу. В повести «Любит — не любит» есть амнистированные и стилиаги. Я переверну все свои дневники... Я напишу...

Прийдя домой, я кинулся к письменному столу и включил мою любимую зелёную лампу. В голове роились готовые фразы, определения, нужно было только заносить на бумагу. Я писал, чувствуя необычную ясность и единство настроения. Глава началась так:

«Отвернувшись от шумной и весёлой толпы молодёжи, выходявшей из здания МГУ, человек побрёл по Моховой».

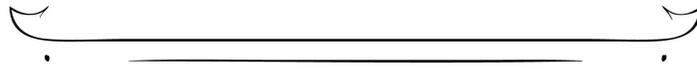
Всю главу я писал под впечатлением моего 1 сентября 1952 года в Ленинграде, когда я так же смотрел на новоявленных студентов, недавно ещё сдававших вместе со мной. Использовал даже подлинный документ — письмо из Министерства высшего образования, холодный ответ на мою пылкую апелляцию к «дорогому товарищу Сталину»... Хорошо сложилась глава!

Через несколько дней подъём затормозился в спешке и суете последних уфимских попыток, но я всё же успел почти закончить главу. I глава — «Перед отъездом».

И вот сегодня я переписал и сделал II-ую главу первой части, вчерне сляпанную уже здесь в Бишкаине из рассказа «Старик» и отменённого пролога повести «Любит — не любит». И то, и другое говорило о поездке по железной дороге. Я слил всё это и переработал. II гл. — «Недолгое знакомство» (или «Их надо убивать»).

Рассказ «Лицо города» или «Два лица города» будет использован в конце первой части. Обманувшись в своей любви к Рите, Игорь (осенью 1953 года) начинает выпивать. От выпивки он отходит в повести «Любит — не любит», и то не окончательно.

Таков скелет моего будущего романа. Замысел большой, сделано даже вчерне не более 50%. Посмотрим. По крайней мере, есть для чего жить, есть чем заниматься в

догие зимние вечера в Бишкаине. Если смогу заниматься этим. Ведь у меня будут тетради по русскому и всё такое прочее.

Параллельно с давнего времени (ещё до 1954 года) идут у меня и другие замыслы. Всегда меня интересовал французский восемнадцатый век. Я задумал большую новеллу о художнике Антуане Ватто. Но в Уфе её написать невозможно: не хватит материала. Может быть, я её не напишу. Может быть, и романа не напишу. Хотя последний я всё же должен написать. Главная страсть романа — гуманизм и справедливость. В целом роман мыслится как хроника жизни двух молодых людей — Андрея Черкасова и Игоря Толкачёва, родившихся в 1932 году. Хроника неполная. Выпадает вся московская жизнь Андрея. Это потому, что я не знаю Москвы.

Но в целом жизнь нашей современной молодёжи будет освещаться приблизительно верно. Нужно будет вкратце изобразить и комсомол. Но как и что? С какой стороны? Только без оценки, через конкретные эпизоды⁴.

Завтра же буду делать третью главу. Игорь приезжает домой. Дрожащий поцелуй матери. Игорь отвернулся, скрывая внезапную и жалкую судорогу лица. Две слезы в углах глаз отца. Потом долгий разговор дома обо всех обстоятельствах случившегося. Я ещё не решил, писал ли Игорь в анкете об этом или кто-то донёс? Я забыл форму этой анкеты.

Если я за зиму напишу I часть (что вполне возможно), то летом я перепишу всю вторую («Любит — не любит»), зимой 1958—1959 годов перепишу III-ю часть и зачищу хвосты, а летом 1959 года повезу рукопись в Москву. Далеко загадываю, не сесть бы в лужу! Начал 31 августа 1954 года. По данному плану выходит почти 5 лет. Разве больше времени уходит на такие (средние) романы?

А как проталкивать? Ведь это гроб!

27 сентября. Пятница. <...>

Я учительствую понемногу. Начал писать рассказ «Грубая ошибка» (о сельском учителе).

<...>

28 сентября. Суббота. Вечер.

<...>

Вчера вечером я вчерне написал рассказ «Грубая ошибка», о молодом сельском учителе и его первых жизненных огорчениях. Завтра я схожу на базар а Белое озеро, вернусь, перепишу рассказ набело и пошлю маме в Уфу. Если она найдёт, что рассказ стоящий, то пусть даст отбить на машинке и пристроит куда-нибудь (может быть, в «Учительскую газету»). <...>

⁴ Позднее Р. Г. Назиров реализовал свой замысел в рассказе «На красном сукне».

⤿
_____⤿

17 марта. Понедельник.

Обычно я езжу домой так: 10 км пешком до Белого Озера (12 часов ночи — два часа). В 3.47 местного приходит поезд Тюльган—Уфа, в 3.57 отправляется. Четыре часа езды. В воскресенье около 8 утра я дома. Пятнадцать часов провожу в Уфе, в 11.20 вечера выезжаю с поездом Уфа—Тюльган, в 3.15 местного я в Белом, в начале шестого ночи прихожу в Бишкаин. Из-за двух бессонных ночей обратный путь очень тяжёл.

На сей раз я решил выиграть время. В субботу сразу после работы я пошёл на станцию, вечером сел на товарный поезд.

На тормозной площадке меня прохватил мороз⁵. От беспрестанной чечётки устали ночи, от холода мои пальцы с трудом могли отделить одну спичку, когда я закуривал. В двенадцатом часу я был на станции Дёма. Дёма стала большим железнодорожным узлом, но именно в эти часы не было пассажирских поездов. Только в 3 часа ночи я отбыл в Уфу на 32-м поезде (Москва—Караганда). В четыре часа я был дома. Четыре часа сна сделали меня другим человеком. <...>

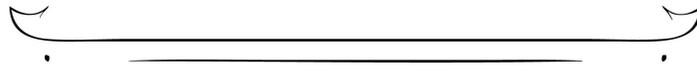
20 апреля. Воскресенье.

<...> Не нравится мне мой дневник. Он плох, как и все писанные исповеди. Нельзя записать всю правду. Нет таких слов, чтобы выразить в письменной форме всё, что происходит в жизни. Нельзя всё описать.

Но я даже не всегда записываю многое важное. Оно кажется мне в первый момент неинтересным, а потом как-то лень припоминать подробности и вновь описывать то, что уже сотни раз рассказывал друзьям. Например, я не записал в своё время, как в 1955 г., отстав от поезда в Рязани и севши на другой, я неведомо для себя помог железнодорожному вору снять с поезда чемодан. Я почему-то думал, что это его чемодан... Это было давно. Помню его красную физиономию, золотые зубы и общее впечатление смутной неуверенности в его фигуре.

А в эту зиму, когда получал в Толбазах кандидатскую карточку, директор школы поручил мне взять в банке недоплаченные школе 3700 рублей. Чек был уже выписан на имя завхоза школы Ефима Андреевича Тихонова. Мне дали чек и удостоверение личности (паспортов здесь нет), принадлежавшее завхозу. В удостоверении проставлен год рождения — 1928 год, но фотокарточки нет. В банке я чувствовал себя мошенником. Помню, что я не снимал своих чёрных кожаных перчаток: мои господские руки не гармонируют с сельским типом завхоза. Девушка схватила моё удостоверение, выписала что-то, а вместо чека вернула обрывочек — так называемую контрольную марку. Нужно было подождать. Я вышел в прихожую, закурил и сел на скамью. Мужчины, курившие здесь же, сыпали в своей беседе

⁵ Ср. это описание с эпизодом из повести «Человек без особых примет» (Назировский архив. 2013. № 2. С. 107).

тысячами и десятками тысяч, называя, как близких знакомых, предколхозов, районных советских работников и т.д. Я сурово курил, разыгрывая из себя нового завхоза сельской школы: кирзовые сапоги, очки, полупальто — нет, всё равно не похож.

Неужели мне выдадут деньги? Утром, входя в банк, я думал, как буду выкручиваться, когда меня арестуют. Здесь, на скамье, я уже понял, что трюк сошёл с рук. Задрипанная девчонка в сером платке показалась в дверях и сказала: «210».

Я не сразу понял, но взглянул на контрольную марку в моих руках и понял, что это вызывают меня: «Шестьсот восемьсот восемьсот⁶ восемь тысяч двести десять» — таков был мой номер.

Только подойдя к окошечку кассы, я прочёл, что вызов производится посредством объявления трёх последних цифр контрольной марки. Меня уже предупредили, что сумму, которую я получаю по чеку, нужно знать наизусть, иначе мне не выплатят деньги. Я заранее вызубрил эту сумму с копейками и на вопрос кассирши с шиком отчеканил всё это. И тотчас толстая пачка оказалась в моих руках: я считал и внутренне хохотал. Они в своих низких окошечках даже не обратили внимания на того, кто получает эти тысячи по документам школьного завхоза Тихонова, 1928 года рождения.

Сложив пачку, я деловито и небрежно сунул её во внутренний карман полупальто, вышел, бросив последний взгляд на молоденькую счётную работницу и на стенгазету «Контроль рублём», закурил, поднял воротник полупальто и натянул перчатки. Настроение у меня было просто изумительное. По отношению к такому солидному учреждению, как банк, я чувствовал презрение и разочарование.

Вот если бы я всегда накапливал и записывал подобные наблюдения, у меня давно уже был бы роман.

Сейчас я сяду писать детективный рассказ с этим сюжетом.

21 апреля. Понедельник.

Рассказ написал («Человек без особых примет»). Надо его обточить за неделю. К 1-му мая я поеду в Уфу, покажу рассказ маме и Василию Михайловичу Перчаткину (он член редколлегии альманаха). Отдам в «Ленинец» или в альманах.

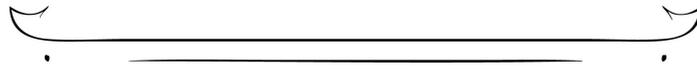
⁶ Так у Назирова.

Биографический отдел

Р. Г. Назиров

Автобиография

1958 г.

Публикуемая автобиография вложена на двух отдельных листах в конец дневниковой тетради, помеченной «Осень 1958 года. Зима. Начало 1959 года»*. Рядом вложены записи и газетные выписки об учредительном съезде Союза писателей РСФСР, проходившем в Уфе в декабре 1958 г. Возможно, Назиров как «литсотрудник» молодежной газеты «Ленинец» готовил по материалам центральной прессы некий обзор.

Этот документ явно написан для представления в какое-то официальное учреждение, в нем упоминается некий «конкурс» (не связан ли он со съездом?), подчеркивается членство в ВЛКСМ и КПСС, однако нет ни слова о судьбе отца, к тому времени официально реабилитированного. Кроме того, Назиров ничего не сообщает о попытке поступить в ленинградские вузы, не раскрывает подробностей учебы в Уфе (хотя он, например, был председателем студенческого научного общества). Из этого ясно, что практическая цель этой автобиографии лежала в плоскости литературных устремлений молодого журналиста.

Автобиография.

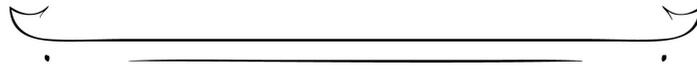
Родился 4 февраля 1934 года в семье партийного работника. С полуторалетнего возраста живу в городе Уфе. С шести лет начал увлекаться чтением, позже стал сочинять. В школе учился неровно. 28 февраля 1948 г. был принят в ВЛКСМ. В аттестате зрелости у меня восемь пятёрок — по гуманитарным предметам, остальные четвёрки и две тройки — физика и химия.

По окончании школы поступил в Башкирский госпединститут, позже преобразованный в университет. Будучи студентом, начал публиковать в республиканских газетах «Советская Башкирия» и «Ленинец» рецензии и статьи, посвящённые театру, кино, литературе и живописи. Окончил пединститут в 1957 году. Работал учителем русского языка и литературы в Бишканинской средней школе Аургазинского района БАССР. В деревне продолжал писать, и в декабре 1957 г. «Советская Башкирия» впервые опубликовала мой рассказ из жизни сельского учителя под названием «Грубая ошибка».

В феврале 1958 года, после десятилетнего пребывания в комсомоле, я был принят кандидатом в члены КПСС.

Летом 1958 г. я был уволен по собственному желанию и поступил на работу в республиканскую молодёжную газету «Ленинец», где работаю и в настоящее время — исполняю обязанности заведующего отделом литературы и искусства.

* АРГН, д. 3б, л. 661-662. Подчеркивания Назирова. В рукописях у него одинарное и двойное подчеркивание, очевидно, отражает степень ценности написанного для него самого.

Пишу на русском языке. Киноискусством серьёзно заинтересовался три года назад. Пишу по преимуществу рассказы — в среднем один в два месяца. Так как все мои рассказы невелики по объёму, для конкурса мной написан специальный рассказ.

В области кино мои вкусы и наклонности не определились. Три фильма в этом году привлекли меня в восхищение: «Летят журавли» Калатозова, «Идиот» Пырьева и «Смерть велосипедиста» Бардема. Очень люблю «Два гроша надежды» и «Неаполь, город миллионеров».

Жду Вашего ответа.

Р. Г. Назиров.

Г. Уфа, ул. Зенцова, 14, корпус 2, кв. 3.

Р. Г. Назиров

<Дневниковые записи
о родителях>

Предисловие к публикации

Публикуемые отрывки из дневника дополняют известные нам сведения¹ о судьбах родителей Р. Г. Назирова. Однако ценность этих текстов не в конкретных фактических подробностях. С их публикацией яснее становится та атмосфера, в которой происходило интеллектуальное становление Р. Г. Назирова. Это становление проходило на фоне реабилитации жертв сталинской эпохи, частичной либерализации, словом, — «оттепели». Думается, не будет натяжкой причислить Назирова к поколению, вышедшему на авансцену русской культуры в это время и получившему название «шестидесятников». Отсюда своеобразный, понятный сейчас только теоретически энтузиазм и пафос веры в советский культурно-политический проект, отчетливо чувствующийся в дневниках Назирова конца 1950-х — начала 1960-х годов.

«Темной стороной» шестидесятнического сознания был, очевидно, страх и память о прошлом ужасе. Для некоторых представителей этого поколения, в том числе, и для Назирова эта память имела вполне конкретный образ близких и родных. Отец, Гафан Шамгунович Назиров, упоминается в его дневниках не слишком часто, но всегда в трагическом контексте («кровь моего отца не остынет»). В этом же контексте и жизнь матери, Эсфири Исаковны Волович, Назировым воспринималась как подвиг. Может быть, неслучайно в своей последней книге «Становление мифов и их историческая жизнь», говоря об иудаизме, он подчеркивает *женский* героизм в истории Израиля: «...сюжет мифа [книги Эсфирь — С. Ш.] соответствует общей для Ветхого Завета женской героике. Несмотря на суровую патриархальность, он горделиво славит в веках самоотверженность еврейской женщины»². Перед глазами у Ромэна Гафановича был реальный пример женской стойкости.

Впрочем, есть в этих отрывках и впечатляющие конкретные детали. К примеру, о том, что до 1956 году Ромэн Гафанович не знал в точности судьбы отца, и даже летом 1956 полученная справка официально *солгала* о дате гибели Назирова-старшего. Образ Эсфири Исаковны также приобретает дополнительные обертоны. Все это важно для понимания истоков мировоззрения и структуры творческого сознания Р. Г. Назирова.

Сергей. С. Шаулов
Башкирский государственный университет

1 Назиров Р. Г. Автобиография // Назировский архив. 2013, № 1. С. 137—139; Назирова Д. Г. <Биография Р. Г. Назирова> // Назировский архив. 2013, № 1. С. 140—142.
2 Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014. С. 97.

I.

8 июня [1956], пятница¹.

<...>

А моего отца расстреляли. Об этом стало известно недавно. Гафан Шамгунович Назиров, мой отец, родился в 1899 году в семье крестьянина в Уральской (ныне Курганской) области в селе Дубровна, которое по-татарски называется Магд`и. С раннего детства он остался калекой, т. к., оставленный без присмотра во время полевых работ, он получил сильный ожог, повредивший ему ногу. С тех пор он хромал всю жизнь, хотя мог ходить довольно быстро и хорошо плавал, это я помню (я помню, как летом 1937 года мы приехали в автомобиле на Дёму, отец плавал и звал шофёра искупаться). Во время гражданской войны отец помогал скрываться дезертирам из армии Колчака. С 1919 года отец стал членом РКП (б). Позже он учился в Москве, в ИПК («и-пэ-ка», институт красной профессуры). Вместе с ним учился тогда Фахрас Нургалеев, который сейчас вернулся с каторги, реабилитирован, восстановлен в партии и получил обратно свой орден Ленина за тем же номером, что и был (он первый в Башкирии получил орден Ленина). Нургалеев остался жив, т. к. его поздно арестовали. Но это между прочим.

Не знаю, окончил ли отец ИПК. В это время партия объявила призыв в политотделы (известные семнадцать тысяч политотдельцев), и отец поехал в Башкирию. В 1933-1935 годах отец был начальником политотдела совхоза «Лагерный»: тогда он назывался совхоз имени Быкина и числился в Кигинском районе, а ныне в Салаватском районе. Я родился в Харькове, 4 февраля 1934 г., но через 2 месяца мать уехала со мной в Башкирию. Свидетельство о моём рождении было выдано только 28 января 1935 года Мешегаровским сельсоветом Малоязовского района. После упразднения политотделов мы поселились в Уфе, и я начинаю помнить себя. Сначала мы жили в больших деревянных корпусах на улице Сталина, рядом с тем зданием, где теперь помещается пединститут и где я учусь (тогда это не было здание пединститута). Отец стал членом башкирского, он возглавлял управление по делам искусств при Совнарком БАССР. Мы переехали на улицу Гоголя, 24, поблизости от этого места, где жил Мажит Гафури. Наша новая квартира была унаследована от арестованного перед этим Булашева. На этой злополучной новой квартире, 12 января 1938 года, был арестован мой отец.

¹ АРГН, оп. 4, д. 3а, л. 790-791.

II.

[31 июля 1956]²

<...>

Уже не помню, записывал ли я в этих тетрадях о получении мною в Уфимском горзагсе свидетельства о смерти на отца. Согласно этому свидетельству он умер 29 октября 1941 года. Графы «причина смерти» и «место смерти» не заполнены. Прожил он, следовательно, 42 года.

III.

4 января [1957], пятница³.

<...>

Вчера мама получила официальный документ о посмертной реабилитации Гаффана Шамгуновича Назирова. Приговор от 10 июля 1938 года ввиду открытия новых обстоятельств пересмотрен и дело Назирова прекращено за отсутствием состава преступления. Хорошо.

IV.

[5 августа 1964]⁴

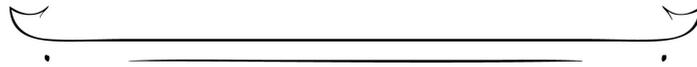
<...> Мама своё отработала. Она много сделала за свою жизнь. Очень много.

Была ткачихой на Пресне, стенографисткой в Магнитке и там, в газете строительства, стала журналисткой. В 1938 г. сидела 2 месяца в тюрьме, а в 1945 году ей дали медаль с профилем Сталина («За доблестный труд в Великой Отечественной Войне»). Сейчас маме 56 лет, но она ещё здорова, хорошо выглядит. Хочу, чтобы она прожила подольше. Думаю, что она вполне могла бы прожить ещё четверть века. Она много добра сделала людям, а о нас с Диной и говорить нечего. Когда мама осталась одна, мне было 3 года и 11 месяцев, а Дине — 1 год и 3 месяца. Пока мама сидела в тюрьме, к нам спешно приехала с Украины бабушка Муся. До этого они к нам не приезжали, и дедушку Исаака я не видел никогда, т. к. они были религиозные евреи, а мама вышла за татарина, и в родне запретили произносить её имя, и дядя её Глускин проклял свою любимую племянницу.

² АРГН, оп. 4, д. 3а, л. 844-845.

³ АРГН, оп. 4, д. 3а, л. 036.

⁴ АРГН, оп. 4, д. 7, л. 0047

Такова жизнь! Потрясающие вещи.

Мама после тюрьмы долгое время не работала, продавала вещи. Её не брали на работу, с ней боялись здороваться. Она поступила на работу в радиокomiteeт. Лишь когда началась война, её снова приняли в «Красную Башкирию»: журналисты пошли на фронт. Мама очень много работала.

Она замечательный человек, а я слабак. Мне не хватало в жизни испытаний.

Стенограммы обсуждения
докторской диссертации
Р. Г. Назирова

Предисловие к публикации

Настоящая публикация носит подготовительный характер. Это один из подступов к сложнейшей задаче: обнародованию докторской диссертации Р. Г. Назирова «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул». Работа была написана в течение 1970-х годов, а защищена только в 1995 в виде научного доклада. Её полный текст пока что является достоянием лишь архива учёного.

Несколько раз Р. Г. Назиров называл диссертацию своей «главной работой», многократно переписывал и дополнял текст. Черновики этого труда, наброски и добавления рассыпаны по архиву и целиком занимают не менее дюжины объёмистых дел. Текстологическая работа, которая предстоит публикаторам, будет, мягко говоря, непростой.

Однако в архиве находятся и тексты-спутники диссертации, которые тоже необходимо будет иметь в виду её будущим читателям. Прежде всего, это отклики на работу, сделанные коллегами Р. Г. Назирова, главным образом, в письмах. Разумеется, эти отклики ценны не технической или стилистической правкой, не ритуальными словами о том, какой вклад вносит диссертация в науку. Во-первых и в-главных, это живая иллюстрация литературоведческого контекста. Ничто лучше не расскажет о тех идеях и веяниях, на которые отзывалась в своё время работа Назирова, с которыми вступала в противостояние или солидаризировалась.

Наиболее «сгущённым» вариантом такой иллюстрации, помимо чистой истории идей намекающим ещё и на историю научной и человеческой драмы (см. временной разрыв между временем написания работы и её защиты), будут два документа из архива Р. Г. Назирова, следующие друг за другом в деле № 39*. Это сделанные самим Р. Г. Назировым конспективные заметки о выступлениях коллег на обсуждениях его диссертации в Уфе и в Ленинграде в 1980-м году. Полноценными стенограммами назвать эти тексты нельзя, они содержат только самое существенное, но и в таком виде дают полновесное представление о происходившем.

Как видно из самого текста, «домашнее» обсуждение прошло гораздо более остро, чем «столичное». Психологически это понятно: хотя Р. Г. Назиров не был в Ленинграде совсем чужим (сохранившаяся в памяти вдовы Ромэна Гафановича Тамары Николаевны Барышниковой легенда гласит, что в какой-то момент Г. М. Фридендер рассматривал его чуть ли не как своего преемника в группе Достоевского Пушкинского дома¹), всё-таки в условиях совместной работы неизбежно накапливаются вненаучные факторы, так или

* АРГН, оп. 1, д. 39, л. 39-21 — 39-28.

* Справедливости ради следует указать, что сохранившиеся письма Г. М. Фридендера к Назирову, а также дневники самого Ромэна Гафановича действительно содержат отголоски каких-то планов несостоявшегося переезда в Ленинград.

иначе влияющие на оценку чисто литературоведческих рукописей. Тем не менее, обсуждение осталось вполне в рамках рабочего разговора.

Уфимское обсуждение состоялось 19 сентября 1980 г. Протокол заседания Учёного совета факультета, утвердившего заключение о докторской диссертации Р. Г. Назирова и рекомендовавшего её к защите, датирован 14 сентября 1995 года. Чем были эти пятнадцать лет для текста работы, должно стать предметом особого разбирательства.

Сергей. С. Шаулов
Башкирский государственный университет

I.

Обсуждение диссертации на наш<ей> кафедре* 19 сент<ября> 1980 г.

1. Д. С. Гутман**. 4 бесспорных достоинства работы:

1) чрезвыч<айная> широта эрудиции, на большом материале своб<одный> творч<еский> подход к историкам заруб<ежной> классики. Всегда ad hoc, ничего зря.

2) подкупает ощущение историзма. Диалектика, процесс, ощущение движения. Принцип историзма.

3) продуманное единство теоретико-эстетич<еских> разысканий и историко-литературн<ых> штудий.

4) хороший стиль. Читается легко, хорошо. Но есть стилистич<еские> красоты, излишние слова и т. д.

Есть и очень спорные вещи. Ошибки? Принципиально — некоторая размашистость в решении кардинальных вопросов.

Не всегда выдерживается строгий критерий сопоставления фабул и сюжетов. Не убеждает об изб<авлении> девушки у Чернышевского...

с. 2 — логики перехода нет...

с. 5 —

с. 11 — «полемизм», с. 13 — «эссенциальный результат»...

с. 13 — «Блеск и нищ<ета> курт<изанок>» 1846 г.

«обесценка» — надо «обесценивание».

против обозримого числа одних и тех же типов!

неточны размышления о Пирровой победе реализма над романтизмом. — У Тург<ене>ва не романтизм, а романтика.

с. 18. Горький противоречит сам себе — в чём?

Ромашов восходит к паразитам ~~дворян~~ римских комедий.

«Дворянская революция» — надо «революционность».

можно ли утверждать, что Онегин и Печ<орин> не «лиш<ие> люди»??

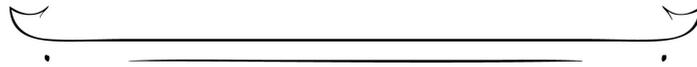
Почему они — образы дворянск<ой> революционности?

Печорин — никак не декабрист.

с. 39 I-й главы. Целая вставная новелла о Ник<олае> I, о цинизме и скептицизме — наивно!

* Кафедра русской литературы Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября. Назиров числился на кафедре преподавателем с ноября 1965 года. Позднее кафедра переименована в кафедру русской литературы и фольклора, а в 2013 году подверглась слиянию с кафедрой русской литературы XX века. В настоящее время как административная единица не существует. RIP.

* * Гутман Давид Семёнович. к. и. н., доцент филологического факультета БашГУ.

См. «Памяти Герцена».*

«Накануне» — криптореволюционный роман. Так ли это? Добролюбов — критик, а не идеолог... Поаккуратнее?

47. Философская позиция Базарова очень приблизит<ель>на.

50-52. Слишком прямо путь от «Бретёра» до Солёного.

«Странничество» Базарова — какое?

56. «Обрыв» — самый викторианский роман в России.

«кровавые ошибки революции»...

В каком смысле Пушкин создал национ<альный> миф?

Почему Лерм<онто> в наиболее европеец?

Шопенгауэр, его влияние...

Где тори [?] В. Скотт и Байрон, Аввакум и А. Шенье — реакционеры, нельзя, мол.

А. И. Глухов. Серьёзное, интересное исследование. Сравнительно-историч<еское> описание главных фабульных традиций. Очень большой материал. Дисс<ер>тация в опред<еленной> степени теоретична.

Традиции изучаются главн<ым> обр<азом> в широком типологич<еском> плане.

Автор недостаточно сформулировал цели (концовка вступления — очень общо).*

Стремление объять необъятное. Издержки такого стремления.

Не очень аргументировано и неубедит<ель>но: «Все лишн<ие> люди происходят от Ленского».

«Печорин — тип одинокого революционера».

Принцип конкретно-историч<еского> анализа вытесняет типологию. Связь лит<ературного> процесса с закономерностями обществ<енной> жизни не везде: политич<еская> суть конфликта О<тцов> и детей смазывается.

Как в литературной полемике проявляются системы взглядов?

Необходима историографич<еская> глава или часть.*

Диссертация состоялась, но поработать надо.

А. В. Карякина. Дисс<ерта>ция — типичное явление времени, создание новых концепций во что бы то ни стало — вопреки традициям и даже здравому смыслу. Лекции Турбина.

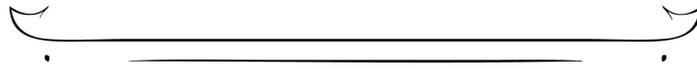
Неуважение к материалу. Это подрывает доверие к новаторам!

У Пospelова в учебнике всё выверено.

* От этой записи стрелка к слову «скептицизм» в предыдущей строке.

* Слева от этого абзаца на полях восклицательный знак и дуга, выделяющая абзац.

* Слева от этой строки помета «NB!»

Автор диссертации заявил себя адептом и апологетом структурализма. А. В. Карякина структурализма не знает — знает так же мало, как автор — револ<юционных> демократов.

Её образцы — Чичерин и Гинзбург. И Туниманов.

Отступление диссертации от историзма.

О Толстом — абсолютно голословно.

С. 14, 14а. Усекновение толстовского романа: отсекается линия Левина, тема крестьянской России. Операция произведена, ампутация...

Всё, что о фабуле, ничего не даёт для уяснения темы «лишн<его> ч<елове>ка, к<ото>рую Р<омэн> Г<афанович> стремится пересмотреть в сравнении с рев<олюционными> демократами. Это началось у Ч<ернышевско>го в рецензии на стихотв<орение> Огарёва. Эта же тема в статье «Р<усский> ч<елове>к на rendez-vous».

Ч<ернышев>ский в «Истории одной девушки» Лачинов

генетич<еская> связь «лишн<его> ч<елове>ка и «нового ч<елове>ка»...

Онегин — предш<ественник> и Базарова, и Рахметова.

Заслонена револ<юционная> тенденция Ленского?

Полюбив Татьяну, Онегин стал чудачком и мечтателем.

Почему в Онегине нет «обломовского»? «Труд упорный // Ему был тошен...»

Концепция рев<олюционных> демократов, к<ото>рых Вы так не уважаете, гораздо основательнее?

Что Вы нагородили с Помяловским!!!

Черныш<евский> — диалектик.

Обошли Наумову, а она композицию поняла — традиция Пушкина (спираль)
(Руденко — хитрец)

Какая к чорту идиллия?

Всё от Туниманова, к<ото>рый вообще не понимает Ч<ернышевско>го!

Можно ли идти от рев<олюционных> демократов только от их ошибок и слабых мест? Сколько это будет продолжаться? У вас это одна историческая ограниченность.

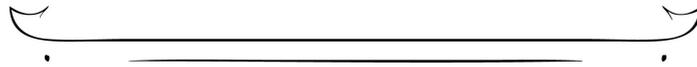
I глава не понравилась и I гл<ава> второй части — калейдоскоп!!! Берёте лишь то, что влазит в Вашу концепцию. Односторонность.

Претензии великие в конце заключения.

Содержат<ельная> сторона работы — свежий анализ образов, типов. Фабулы не воспринимаются. О Д<остоев>ском и Толстом лучше...

Где Вы стремитесь всячески втиснуть в свою концепцию столь широкий материал...

Традиции миров<ой> лит<ерату>ры очень возобладали над русским новаторством... Особенно о Толстом.

Принципиально новаторская поэтика русск<ой> литературы недооценивается.
Русск<ая> лит<ерату>ра выглядит как талантливый эпигон.

Цитата из Ч<ернышевско>го во вступл<ении> вам не нужна.

Л. Г. Бараг. Привлекает новизной.

Крайности есть и даже есть вульгарн<ый> социологизм: генерал в «Молотове»
— после 1855 стали генералы тише. Вульгарность.

Слабых мест много.* Так и в Грине — традиция «Золушки»!!!???

Есть преувеличения. Спорные и неверные вещи есть, даже глупости.

Не согласен, что Печор<ин> — рев<олоуцио>нер, Аввакум — реакционер...

II.

Обсуждение второй части 15 мая.

<на кафедре истории русской литературы ЛГУ>

Г. П. Макогоненко.

И теоретич<еский> уровень работы, и историко-лит<ературный> материал
служит очень важной и мало исслед<ованной> проблеме: проблеме преемственности.
Серьёзн<ый> труд.

1. «Дружинин растлевал петерб<ургских> белошвеек», «Вера Павловна первая
в мировой лит<ерату>ре начала строить социализм»...

Не всегда понимает иронию. «Интеллектуальная вертихвостка».

! 2. Купреянова рассматривает «М<ёртвые> души» в 3 ч<астях>! с. 76.

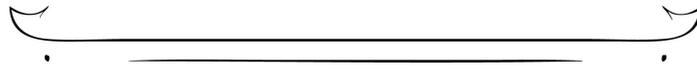
3. Повторы Кати — предательницы и Грушеньки, поехавшей на каторгу.

4. «Сбиваетесь с историч<еской> дороги» — «возникает чувство
имманентности»: вместо анализа — инвентаризация вариантов. Фабула беднее
произв<еден>ия в целом. С. 93: задаётся в принципе незаконный вопрос?* «Откуда
взялся Митя Карамазов у Д<остоевск>ого?» И начинается: история Митиной
любви, надо разложить на 3 элем<ента> («Ночь перед Рожд<ест>вом»). Жевакин,
Вакула, Копейкин. «У меня нет к вашим выводам доверия». «Вы ходите всё время на
острие ножа».

Г. А. Бялый. Исслед<ова>ние фабулистики на историч<еском> фундаменте.
Методология важная, существенная.

* На поле слева помета «NB!» и выделяющая вертикальная дуга.

* На полях слева напротив подчеркнутой фразы знак вопроса.

Оч<ень> хороша трактовка «Записок из Мёртв<ого> дома». Идея совинности уже есть.

Недостаток один: сопряжение далековатых фактов.

Вопрос Бялого: входит ли психология характера в фабулу?

— Он: “да”, я нет...

Жевакин и Митя — вещи несопоставимые. Нужно выработать строгую методику — что можно сопоставлять. «Вы сопоставляете явления на разных уровнях лит<ературного> материала». Незаконно.*

В. М. Маркович. Материал для эмпирич<еских> исследований писателей; для типологич<еских> закономерностей. Теоретич<еская> польза etc.

Методика Р<омэна> Г<афановича> имеет свои достоинства и свои опасности:

1) Почти неизбежность редукции фабул, их упрощения. Нужна постоянная бдительность автора, точность формулировок...

2) Сам предмет исследования почти постоянно проблематичен. Контакт, или типологич<еская> аналогия, или внешнее сходство? Каждый раз желательно знать, что перед нами. Не всегда автору хватает самоконтроля.

Фабула о безволии мечтателя. «Тюфяк» играет посреднич<ескую> функцию в лит<ературном> процессе. Вплоть до «Анны Кар<ениной>» (Стива Облонский). Убедит<ель>но показана разная природа «байбака» и «лишнего ч<елове>ка. Спор не с Добром, а с пониманием его как академич<еского> исследования.

Лаврецкий и Обломов — синтез «байбаков» и «лишних людей». Не надо спорить с авторефератом. Напр<имер>, с монографией Краснощёковой спорьте, где это аргументировано...

Трагизм в Обломове есть, но не традиционный...

Для сравнения всегда должны быть достаточные основания «Женитьба» и случай Надеждина с девицей Сухово-Кобылиной. Несопоставимые ситуации.

Ляпсусы связаны со стремлением к беллетризации изложения. Лекторский приём.

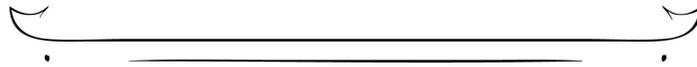
Сравнение Гончарова и Писемского. А как же нескромный Тургенев?

Муратов Аск<ольд> Борисович.

1) Работа чрезвыч<айно> высокого уровня. Читается с удивит<ельным> интересом.

2) Подкупает система изложения, система аргументации. Огр<омная> эрудиция.

* На после слева этот абзац отчеркнут вертикальной дугой.

1) «Со всем тем Вашим идеям я абсолютно не сочувствую. Система пяти фабул» — остроумные, но не обязат<ель>ные построения. Категорический тон. Цикл об избавл<ении> девушки — закруглённо и законченно. Категоричность вам мешает. Нет её, нет и фабульн<ой> системы.

Фабула о продавшемся таланте: роман карьеры...

Позволю себе спросить вас: почему сюда не входит Глумов, «Доходн<ое место>», Левин из «Анны Карениной» (то же с др<уги>м знаком), ... Почему нет «Молотова»?

Тогда ваш ряд становится ненужным (А вы, А<скольд> Б<орисович>, выходите за пределы фабулы). От Тентетникова к Мастеру — очень большая натяжка. (Не согласен).

Не разграничены понятия фабулы, типа, темы, мотива.

Стилистич<еский> крен, можно было бы снять:

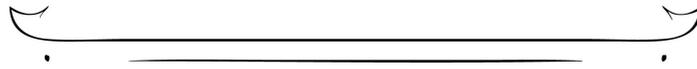
1. «Новь» ценна гл<авным> обр<азом> Марианной, Нежданов слишком жалок, а Соломин скучен —

2. Деликатнее относиться к Гончарову («безвкусица в “Обрыве”»)... Надо вообще уважать покойников.

3. Боборыкину приписана тенденция, к<ото>рая ему не принадлежит.

4. Очень грубо о В. В. Гиппиусе (по поводу II тома «Мёртвых душ»).

Выписка из протокола № 4
заседания кафедры истории
русской литературы
Ленинградского Университета
им. А. А. Жданова
от 16 ноября 1979 года

На* заседании кафедры истории русской литературы от 16 ноября 1979 года была обсуждена первая часть (5 глав) докторской диссертации стажера кафедры Назирова Р. Г. По ходу обсуждения с отзывами о работе выступили заведующий кафедрой профессор Г. П. Макогоненко, профессор Г. А. Бялый и доцент В. М. Маркович.

Все выступавшие единодушно отметили актуальность предпринятого Р. Г. Назировым исследования фабулистики русской литературы XIX века, оригинальность и новизну его методики, широту привлеченного русского и западно-европейской литературного материала, органическое сочетание в работе историко-литературного и теоретического подхода. Масштабность исследования, значительность и новизна выводов, актуальность темы — все это дает основания считать, что перед нами работа докторского достоинства — такого общего мнения рецензентов.

Были указаны также частные недочеты работы. Р. Г. Назиров в заключительном слове признал справедливость большинства сделанных ему замечаний и заявил о своей готовности учесть их в дальнейшей работе над диссертацией.

Зав. кафедрой истории русской литературы: проф. Г. П. Макогоненко.

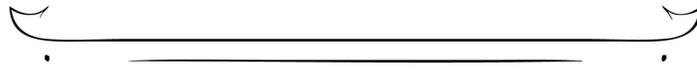
Секретарь кафедры: асс. Н. М. Рюмшина.

* АРГН, оп. 4, д. 11, л. 8891.

А. Л. Осповат
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики

О Р. Г. Назирове.
Интервью

Александр Львович Осповат — профессор НИУ ВШЭ, руководитель направления «Филология», в 1991—2011 профессор русской литературы по Департаменту славянских языков и литератур Калифорнийского университета, Лос Анджелес (University of California, Los Angeles).

— Я познакомился с Ромэном Гафановичем Назировым, очевидно, во второй половине семидесятых или несколько позже. Дело было в тогдашнем Ленинграде. Нас познакомил, сколько помню, ныне покойный Владимир Артёмович Туниманов¹, наш общий приятель и коллега. И знакомство наше базировалось на Достоевском и на общем интересе к этой теме. Кроме того, мы оба участвовали как авторы в сборниках «Достоевский. Материалы и исследования», которые Пушкинский Дом начал тогда издавать как спутники к собранию сочинений, и где была замечательная статья Ромэна во втором, сколько я помню, выпуске².

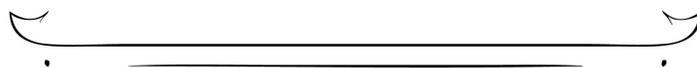
Он, конечно, судя по тем впечатлениям, которые я сейчас могу реконструировать (виделись мы очень редко, однажды он у меня ночевал в Москве), был человек с двумя доминирующими особенностями. Он, конечно, стремился к некоей универсальности, он хотел если не построить, то во всяком случае осмыслить некую общую и очень существенную литературно-философскую парадигму, как стали говорить уже позже. Это с одной стороны. А с другой стороны, как мне показалось тогда и как кажется до сих пор, ощущал ограниченность своих возможностей. Отчасти (не знаю до какой части) это было связано с тем, что Уфа — это провинция, а в тогдашние невесёлые времена гуманитарий поддерживался тем, что называлось тогда кругом, а теперь референтной группой, внутри которой циркулировали книги, идеи и хохмы, не подлежащие публичному обсуждению. Я не знаю, какая у него была референтная группа и была ли она, но полагаю, что он осознавал её недостаточность. Возможно, он мыслил себя как одиночка и отсюда, может быть, никогда в наших беседах не прокламируемая им, но ощущаемая амбициозность; излишняя, на мой вкус, склонность к теоретизации и к построению тех общих моделей, при которой многие отдельные проблемы, интересовавшие меня и моих коллег, не были для него столь существенны, хотя, повторяю, его статья о цитатах у Достоевского — замечательный образец именно такого подхода.

— **И другие статьи, надо сказать, тоже.**

— И другие статьи тоже. Но эта статья (почему я к ней возвращаюсь) послужила первым толчком к началу наших отношений и к взаимному интересу

¹ Главный научный сотрудник ИРЛИ; годы жизни: 1937—2006.

² Назиров Р. Г. Реминисценция и парафраза в «Преступлении и наказании» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 2. Л., 1976. С. 88—95.

— Я хотел сказать, что и в других статьях не ощущается склонности к теоретизированию.

— В тех статьях, которые я тогда читал, нет. Но сейчас, благодаря вашему подарку³ прочитав те статьи, которые я тогда не читал, я увидел, конечно, замах на теоретическое построение.

— Это чувствовалось в личном общении или это ваша ретроспектива уже после прочтения этих текстов?

— Знаете, очень трудно мне сейчас разделить впечатления тридцатипятилетней давности и теперешние. Но если говорить про тогдашние впечатления, всё-таки ощущалось желание не мелочёвкой заниматься, а чем-то важным. И кроме того был ещё такой, я бы сказал, трагический обертон: он, видимо, понимал, что провидение сулило ему быть недовождённым, и это тоже входило в какую-то героическую парадигму, не знаю... Вот такое ощущение: я всё равно буду заниматься самым важным, хотя я не прочёл того и сего, а что-то знаю только по пересказам. Какие-то тексты универсального значения тогда уже кто-то мог прочесть в оригинале, а он это знал из вторых-третьих рук и понимал вторичность той базы, на которой он, тем не менее, хотел достигнуть обобщений. Наше соприкосновение научных интересов — это петербургская легенда. Вслед за его статьёй⁴ я написал свою статью на эту тему⁵, где и сослался на его совершенно верное суждение по какому-то конкретному вопросу. Но сам разворот темы был у меня гораздо более узкий, и я рассматривал те примеры, которые поддаются процедуре верификации. Когда он говорит о петербургском мифе, он не дефинирует само это понятие. Когда Владимир Николаевич Топоров начал исследовать петербургский миф, петербургский текст, друг за другом шедшие, он выдвигает религиозное определение и обоснование. Почему не имел продолжение его подход к петербургскому тексту? Потому что для Владимира Николаевича это сотериология, это религиозная идея. А если ее исключить, то петербургским текстом можно назвать что угодно. Но для него Назирова неопределяемость понятия не означала невозможность его исследования: он метафоризировал, легко пренебрегая какими-то источниковедческими штудиями, уже к тому времени производившимися, — для того, чтобы нечто высказать. Я внятно излагаю?

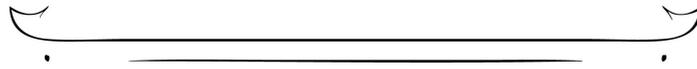
— Да, вполне. Конечно. А как вы предполагаете, Владимир Николаевич мог знать про работу Назирова?

— Думаю, да. Как известно, Владимир Николаевич вообще многое знал. Мы никогда с ним работ Назирова не обсуждали, но, кажется, как-то касались... Ссылок

³ Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014.

⁴ Назиров Р. Г. Петербургская легенда и литературная традиция // Ученые записки Башкирского университета. Вып. 80. Традиции и новаторство. Уфа, 1975. С. 122—135.

⁵ Основат А. Л. Вокруг «Медного всадника» // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1984. Т. 43. № 3. С. 238—247.

как будто нет. Но дело здесь ещё и в том, что петербургский текст был для Топорова не отдельной самостоятельной темой («сейчас я займусь петербургским текстом!»), а фрагментом некоего собственного обширного эпоса. Но вот что любопытно: в тех книгах Ромэна, которые вы мне подарили, также много концептуальных набросков — французская литература, английская литература, петербургский миф... Он хотел выстроить какую-то широкую картину понимания.

— **Судя по всему, это некоторая финальная, итоговая его работа.**

— Да, и судя по каким-то деталям, понятно, что этот интерес ему сопутствовал с непоздних лет.

— **Мы полагаем, что самое позднее, когда он его захватил, это начало восьмидесятых годов. 1980-й год — первая публикация работы о реконструкции фольклорных сюжетов. Потом в течение десяти лет эти работы появляются каждый год. По всей видимости, книга, о которой мы говорим, была написана примерно между 1992-м и 1996-м годом.**

— Всё-таки поздняя, да?

— **Да. Всё-таки писалась она как текст в 1990-е.**

— Хотя показательно, что (я внимательно прочитал и раздел его рецензий⁶) то, с чего он начинал, ну уж чистая газетная подёнщина, но и там прорывается это стремление увидеть за частным целое. Трагическая судьба, потому что эпоха, в которую ему суждено было жить, совершенно не располагала к такого рода занятиям, особенно в Уфе. Оторванность от больших библиотек, недоступность научной литературы, вышедшей на Западе, минимум контактов с иностранными коллегами, — ситуация была иная чем в Москве и в Питере. И когда он у меня ночевал, действительно провёл время так: что-то записывал, что-то читал.

— **То есть он не спал фактически?**

— Может быть, и спал, я за ним не следил. Но я обратил внимание: на ночь он просил у меня какие-то книжки, и все они остались с закладками.

— **Он был маргиналом? Из-за своего провинциального положения.**

— Он старше меня, и мне трудно сейчас об этом судить. В нашей тогдашней компании многие тоже были маргиналами (разве только Александр Васильевич Лавров с молодых ногтей служил в Пушкинском Доме и довольно рано защитил кандидатскую). Другое дело, что у нашего поколения было Тарту, центрировавшее интересы и стилистику. По-моему, за ужином я упомянул, что мы собираемся ехать в Тарту, и мне показалось, что у него к Лотману сложное отношение, что для него это был какой-то «структурализм». Я ему говорю: ну что значит структурализм? Вот вы слышали лекции Юрия Михайловича? например, о Крылове или о Грибоедове? Какой там структурализм? Но для него отношение к Тарту носило какой-то идеологический характер.

⁶ Назиров Р. Г. Избранные газетные рецензии. Уфа, 2011.

— **В смысле, с отрицательным знаком?**

— Ну, вряд ли человек его ума и широты мог сосредоточиться на отрицательном или положительном. Это всё вместе было. Это было...

— **...сложное отношение?**

— Чрезвычайно сложное. И обидчивое. Не по отношению, я уверен, лично к Лотману. **Эмоциональное, в общем, отношение?**

— Да.

— **Мы обнаружили в архиве конспекты живых лекций Лотмана.**

— Каких лет?

— **Я боюсь сейчас сказать точно, я не помню год. Вполне возможно, что это произошло после того, о чём вы рассказываете.**

— Может быть. А может быть, он не хотел рассказывать. И когда я ему сказал: «Ну, Ромэн, послушали бы лекции Лотмана», может быть, он уже их слушал. Он не был человеком открытым, особенно в сношениях с людьми совершенно не близкими, как я — ну, случайно так получилось, что ему негде было в Москве ночевать и он переночевал у меня. Это не значит, что мы были друзьями или добрыми знакомыми. Это значит, возникла ситуация, которая позволила мне сказать: «Ромэн, если вам негде ночевать, то давайте, приезжайте к нам. Но мне показалось, что он вообще тяжело воспринимал людей.

— **Да, это правда.**

— Учеников, людей... Такое ощущение, судя, с одной стороны, по строго контролируемому потоку речи, когда мы обсуждали каких-то общих знакомых, а, с другой стороны, по напряжению. Это же было время шутейно-глумливое, особенно в дружеском кругу за столом. Сколько я помню, он не так охотно шутил и не приветствовал чрезмерную шутливость. Он был серьёзным. Серьёзен, обидчив и одинок, наверное.

— **А вы что-то знаете про его взаимоотношения с Пушкинским Домом?**

— Я знаю, что наш общий приятель Володя Туниманов в какой-то момент стал волею судеб и.о. директора Пушкинского Дома. Сейчас уже действительно не помню, может, это было позже. Во всяком случае, Володя, тогда уже доктор наук, был очень достойный человек, и он совершенно спокойно и свободно общался с разными людьми — и с молодыми маргиналами вроде меня, и с такими провинциальными выдвинутыми, как Ромэн. И я думаю, Ромэн ценил в Володе этот непосредственный интерес к тому, что он делает, не сопровождаемый обчётом того, как ты стоишь, и какую позицию занимаешь. Впрочем, достоверно я ничего не знаю об их отношениях. Не думаю, что они были очень близки. Назиров производил впечатление человека, который чрезвычайно взыскателен к перспективе продолжения контакта. Так мне казалось. Но, повторяю, две-три встречи, которые могут быть

сочтены случайными, вряд ли дают мне основание для каких-либо выводов. Но вот что касается этой недоволенности, она чувствовалась.

— **Вы предполагаете, что он на какую-то поддержку в Пушкинском Доме рассчитывал?**

— Вряд ли. Кажется, он понимал, что эта институция ему помогать не будет. Володя, я думаю, всё, что мог, то сделал: какие-нибудь, там, отзывы писал. Я уж не знаю, поскольку был совершенно вне академической среды. Но я уверен, что если бы ему был нужен отзыв на диссертацию, на книгу, другая какая-нибудь бумага, то Володя не отказывал. Володя легко отзывался на мои просьбы — приезжал в Москву оппонировать на защитах Андрея Немзера, Саши Архангельского, Оли Майоровой. Не знаю, нашли ли вы в архиве Ромэна какие-то Володиные отзывы, но... может быть, они были не лично ему адресованы, а, там, на кафедру, в издательство, куда-то еще.

— **Пока следов этого мы не смогли обнаружить, но мы обнаружили переписку с Лидией Лотман, по крайней мере, одно письмо от неё. Что из важного в смысле сношений с Пушкинским Домом мы нашли: обнаружена обширная сравнительно за много лет и очень личная переписка с Фридендером, которая свидетельствует о том, что у них был период крайне тёплых отношений.**

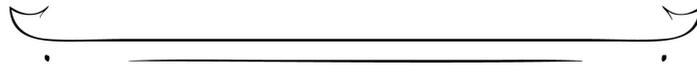
— Да, это меня не удивляет. Конечно, Володя по возрасту и общему стилю поведения, умонастроению был нам ближе, но Георгий Михайлович мог привязываться к разным людям. Например, меня он позвал готовить по рукописи и комментировать следственное дело Достоевского для академического собрания, хотя у меня вообще не было никакого статуса.

— **Вы были одним из тех, к кому он привязался?**

— Не то, что это была специальная привязанность. Чем-то я ему приглянулся, да и, кроме того, я жил Москве, не надо было на долгий срок командировать людей в Военно-исторический архив. Понятно, что как только он приставил к моему комментарию свою идеологическую часть, отношения наши закончились, но к Ромэну, я думаю, он мог гораздо более тёплое отношение питать и не требовать в ответ какого-то восхищения его трудами. Он же такой русский немец, и была в нём в хорошем смысле сентиментальность. Могла быть и по отношению к Ромэну. Скорее всего он и привлек Ромэна к участию в сборниках «Достоевский. Материалы и исследования», поскольку был тогда главный достоевсковед. Вполне возможно.

— **А ночевал у вас Назиров в...**

— Знаете, я решительно не могу вспомнить. Как я и сказал вам, я найду, конечно, этот сборник, который он мне подарил, но что-то мне кажется, что посылка пришла после ночёвки. То есть дата на экземпляре не связана с датой его московского визита.

— **Но это вторая половина семидесятых?**

— Или начало восьмидесятых. Он какого года?

— **Рождения? Тридцать четвёртый.**

— Тридцать четвёртого... Ну да, между нами всё-таки четырнадцать лет. Тогда это не то что не замечалось, это в некотором неофициальном кругу не было сколько-нибудь значимым. Но он мне, конечно, казался старше и другим. Другим — прежде всего потому что всё-таки он хлебнул советской власти гораздо больше, чем мы. И поэтому мы с ним, по молчаливому уговору, не заводили разговор на какие-то темы политического свойства.

— **То есть говорили о литературе?**

— О литературе, о том, о сём. О том, какая водка. Сложилось впечатление, что он не был охотник выпить, в отличие от меня, поэтому не поддерживал какие-то мои наблюдения. Или так держался.

— **Видимо, так держался.**

— Может быть, может быть.

— **А каких-то тем, кроме водки, вы не припомните?**

— Ну вот ещё Бахтин. Мы же представляли два разных хедера.

— **И вы не сходились по вопросу оценки Бахтина?**

— Нет. Решительно. Вот это я помню. Я сказал, что, не касаясь масштаба философского дарования Михаила Михайловича, не очень понимаю, какое это имеет отношение к литературоведческому делу.

— **А он считал, что имеет?**

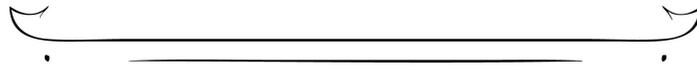
— Он считал: «Неужели вы так думаете? Или вы смеётесь?» — «Ну, я, может, и смеюсь, но и так думаю». Он говорит: «Так думаете или смеётесь?» Он разделял эти вещи. Вот тоже хороший пункт. Он *серьёзный* был человек.

— **Это правда. Это и по каким-то его заметкам видно в архиве. А вот самих обстоятельств ночёвки уже не вспомнить? Он позвонил? Написал?**

— Мы познакомились в Питере. Я говорю: «В Москве бываете?» «Нечасто», сказал он, — «но вот должен быть». И тут выяснилось, что какого-то постоянного пристанища у него нет. Я говорю: «Ромэн, приезжайте к нам, ночуйте». Но это тогда было вполне обыкновенно. Я мог предложить это и человеку менее знакомому. Как и он, я полагаю. Или не мог, я не знаю.

— **Но он же не приехал без предупреждения?**

— Нет. Он позвонил, и я сказал: да, конечно. Вот так. Это не воспринималось как событие ни им, ни мной. И вот ещё о Бахтине. В отношении Назирова к нему заметна была ревностность, истовость, серьёзность... Вот открыл нам Бахтин какие-то бездны, и не то, что это надо цитировать или вставлять в статьи, но надо как-то себя понять в этом свете, пережить это как факт личной биографии. Он Назиров внутри был, наверное, очень эмоциональный человек с живой реакцией на

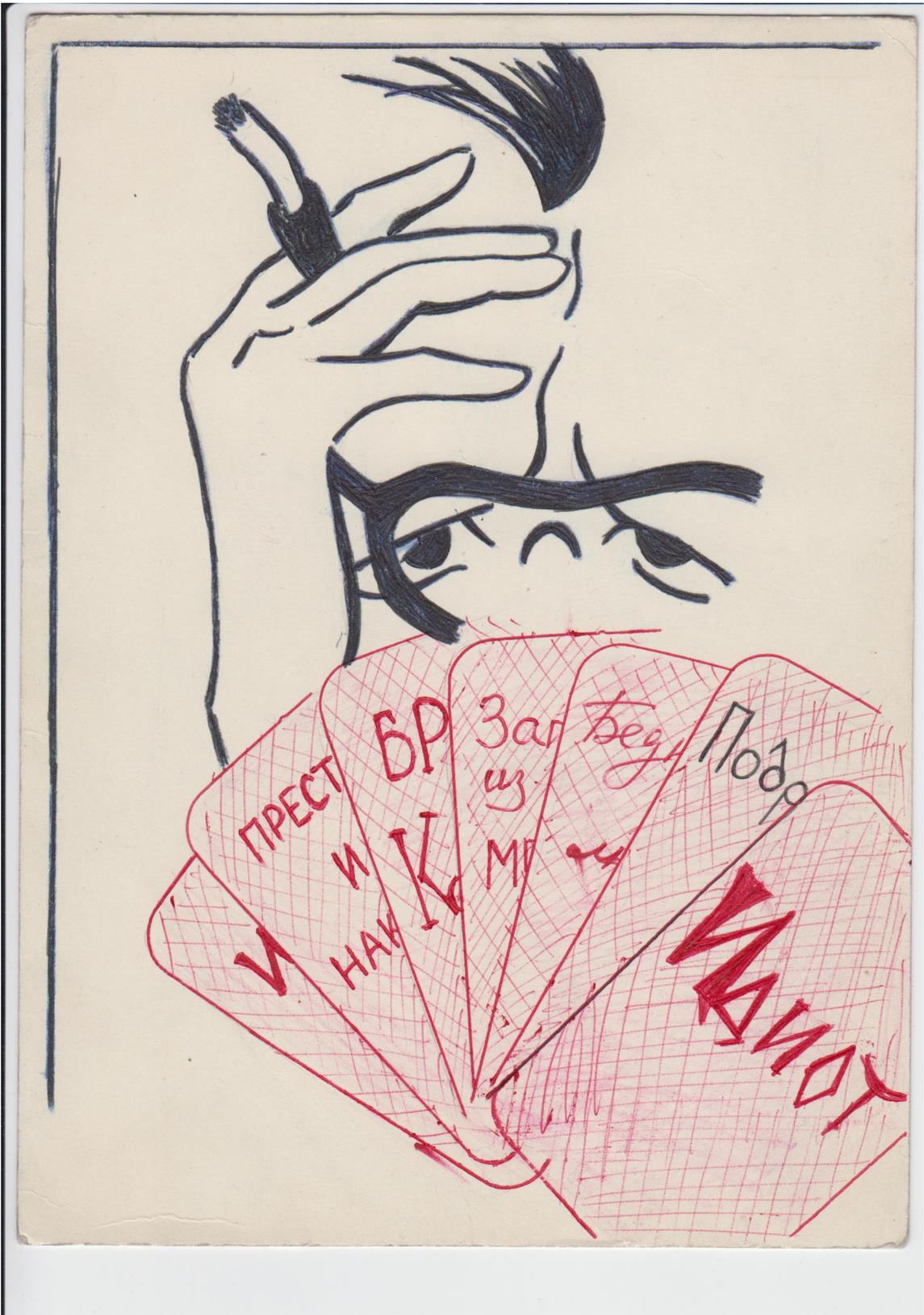
философские идеи, может быть, ещё более живой, чем на окружающие обстоятельства. Ну, понятно, для них, для людей этого поколения Бахтин открыл новое слово. Кроме того, его слава и судьба освобождала от необходимости держаться за то, во что уже никто не верил.

Беседовал Б. В. Орехов

Портреты литературоведа
В МОЛОДОСТИ

ПРЕСТ

БР

Зар
уз

бег

Подр

И

НАК

И

М

ЯНДЯ

Дорогому Ромэну Гафрановичу
от любителей изящной
словесности.

1971 г. V курс
филфак

Исследования

Б. В. Орехов
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики
Сергей С. Шаулов
Башкирский государственный университет

Концепция мифа у
Р. Г. Назирова
(доклад в ЦТСФ РГГУ,
16.09.2013)

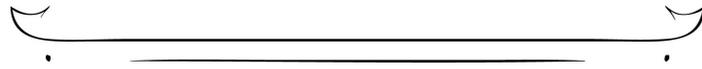
0. О Назирове и фольклоре

Приводя ВАКовскую аналогию можно сказать, что наш сегодняшний доклад «по двум специальностям». С одной стороны, мы будем говорить о мифе и мифологии, ритуале и фольклоре, вещах для нашей аудитории хорошо знакомых. С другой стороны, наш доклад — об истории науки. И, работая над своей темой, мы постоянно вспоминали и книгу Якова Эммануиловича Голосовкера «Логика мифа», и «Миф и литературу древности» Ольги Михайловны Фрейденберг, вышедшие в серии «Исследования по фольклору и мифологии Востока», также для наших слушателей не посторонней.

Сперва мы скажем несколько слов об основном герое нашего выступления. Ромэн Гафанович Назиров (1934—2004), почти всю жизнь проживший в Уфе, известен как литературовед. Признание завоевали его работы, посвящённые творчеству Ф. М. Достоевского. Зато мало кто знает про 16 опубликованных им при жизни статей об истории фольклорных сюжетов: они выходили в уфимском сборнике «Фольклор народов РСФСР» в течение 1980—1990-х годов и распространения среди специалистов, насколько мы можем судить, не получили.

В 2010 году эти статьи были переизданы в одном томе «О мифологии и литературе, или Преодоление смерти», тогда же к ним прибавилось ещё 5 статей, извлечённых из архива учёного, и ещё одна не публиковавшаяся статья была вышла в другом месте (почти все эти тексты доступны в Интернете). Можно разделить эти работы на два неравных класса. В одном, общим числом 20, исследователь разбирает историю конкретных сюжетов. Что делает Назиров в этих статьях? Отталкиваясь от какой-то позднейшей расхожей реализации мотива, например, пушкинских строк про то, как «во тьме печальной / гроб качается хрустальный», исследователь восстанавливает историю этого мотива или целого сюжета, начиная от архаики и возводя нарратив к ритуальным или конкретно-бытовым истокам. Но собственно происхождением Назиров не ограничивается, а идёт дальше, сопровождая сюжет на всём его гипотетически восстанавливаемом историческом пути. И этот путь может быть весьма замысловатым.

Так, в статье 1984-го года, посвящённой сказочным талисманам невидимости (особенное внимание Назирова привлекают сюжеты, имеющие по каталогу Аарне-Томпсона номера 465 А, 506 и 507) автор сначала приводит хрестоматийные примеры случаев упоминания невидимого слуги и благодарного мертвеца от

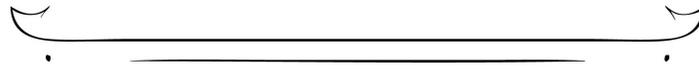

ветхозаветной неканонической «Книги Товита» до истории о помощи Зигфрида в сватовстве Гунтера в «Нибелунгах», затем объясняет исторические корни сюжета о подмене жениха, останавливается на архаическом страхе перед девственностью, попутно апеллируя к библейскому рассказу, папуасскому мифу, непальской легенде; переключается на мифологическую мотивировку этого страха, предполагающую наличие духа-охранителя девственницы или её «начинённость» змеями (Назирова даёт сравнительную оценку древности этих мотивов); далее речь идёт про реликт группового брака — роль помощника в дефлорации невесты, обусловленную желанием отвести мечь демона-охранителя от жениха, который в некоторых традициях приходил на свадьбу инкогнито, из чего получились сюжеты типа АТ 974 «Муж на свадьбе своей жены»; всё это вступает во взаимодействие со свадебным ряжением в звериные шкуры как нейтрализацией мести духа-охранителя, то есть помощник в свадебном действе появлялся в роли тотемного предка, а значит, был и «мёртвым», невидимым, стало быть и брак мыслился как похищение невесты царём смерти; таким образом, шапка-невидимка восходит к обрядовой маске тотемного предка, которую надевал дружка; второй талисман невидимости — перстень мертвеца, он возводится к мотиву мёртвой руки как средству усыпления, конвергировавшему в Европе с корнем мандрагоры; наконец, усыпление рассматривается как часть воровской магии при этом сам феномен воровства исторически предстаёт как средство выживания, а с рождением частной собственности связывается голод и гибель; «овладение девушкой — одна из первых форм воровства», — возвращает нас Назирова к исходной брачной теме.

Все эти конвергенции и дивергенции мотивов, сюжетная синонимия, обнажение ритуальных истоков фабулы описаны так, что читаются как увлекательное детективное повествование.

У этих занятий фольклорными фабулами был внутренний и внешний контекст. **Внешний** был обусловлен тем, что в 1943 году в Уфе поселяется крупнейший специалист по восточнославянской сказке Лев Григорьевич Бараг. С середины 1960-х годов они работают на одной кафедре. Мы пока не можем сказать, какого качества было влияние, оказанное на Назирова Барагом, но сама по себе заинтересованность, которую проявил наш герой к предметному полю, могла быть продиктована в том числе и присутствием рядом сильного фольклориста. **Внутренний** контекст вырастает из самого существа научных интересов Назирова, среди которых главные — это проблема прототипа в литературе (то есть механизм получения текста из внетекстовой реальности) и история сюжетов. По этой последней теме Назирова пишет докторскую диссертацию, выбирая для анализа судьбу пяти пушкинских и пяти гоголевских сюжетов в дальнейшей русской литературе.

Второй класс статей, в который входят 2 работы: «Генезис и пути развития мифологических сюжетов» и «Средневековое мифотворчество» стоит особняком. В

них Назиров также приводит мифологические сюжеты и их ритуальные истоки, но в центре его внимания уже не сюжеты сами по себе, а вся проблема мифологии в целом, её основания и закономерности функционирования. После смерти учёного стало ясно, что для него это было не «боковым ответвлением», а предметом подлинного и настойчивого интереса.

1. О «Становлении мифов».

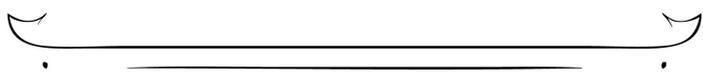
Текстологические замечания и общий план книги

Надо сказать, что архив Назирова вообще открыл его ученикам и коллегам много неизвестного о личности литературоведа и серьёзно поколебал представление о нём как о специалисте по творчеству Достоевского *по преимуществу*. Про это можно долго рассказывать, но мы сэкономим время, сосредоточившись на главном. В папке под номером 47 обнаружена рукопись монографии под названием «Становление мифов и их историческая жизнь» объёмом в 16 с лишним авторских листов. Рукопись не датирована, но исходя из упоминаемых и цитируемых в ней источников можно установить точку *ante quem* поп. Самая поздняя литература в монографии датирована 1996 годом, но творческая история текста, очевидно, сложна. Так, некоторые соображения заставляют подозревать существование по крайней мере трёх редакций монографии. Имеющийся у нас текст, очевидно, ожидал окончательной правки, которая по какой-то причине так и не была произведена (хотя основная часть, очевидно, была написана ещё в 1990-е), и содержит пометы вроде «переписать», «сократить» и т.д. В то же время монография концептуально завершена, текст выстроен сообразно с внутренней логикой автора, все разделы заполнены и последующая работа, по всей видимости, должна была носить отделочный характер, но на общую архитектуру вряд ли повлияла.

Надо сказать, что разного рода рабочих материалов (это выписки, вырезки, конспекты, разного рода маргиналии) на сопутствующие темы в архиве предостаточно, они объединены в пачки с материалами под общим заголовком «Миф и символ» (и частично служили заготовками для учебного курса «Культура и религия», который читал профессор), но наличие объёмного завершённого оригинального текста по этой теме всё же стало для нас неожиданностью.

Монография выдерживает следующую композицию:

- I. Миф как наивный реализм.
- II. Тотемный брак и мифическая сказка
- III. Эскурсы о (происхождении) змеепоклонстве(а)
- IV. Героический вор и рождение религии

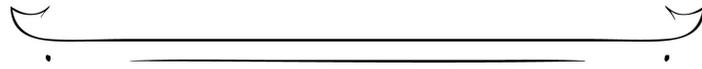
-
- V. Лабиринт и Олимп
VI. Переселение душ и утопия
VII. Секулярный миф и эллинизм
VIII. Мифы обыденного сознания
IX. Эвгемер, Библия, Филон (Александрийский)
X. Главный итог эллинизма
XI. Мифотворчество христианской Европы
XII. Мифотворчество позднего Средневековья
XIII. Карьера Сатаны
XIV. Возрождение и Реформация
XV. Наименее мифологический век
XVI. Тайный страх неверующих
XVII. Наполеон и его миф
XVIII. Четыре немецких философа
XIX. Самообманы цивилизации
XX. Русская национальная мифология
XXI. Мифы и прозрения Достоевского
XXII. Революционная мифология и её перерождение

Как видно, в целом следуя хронологическому принципу, Назиров прослеживает миф от архаики до новейшего времени. Неслучайно сочетание стилистически, казалось бы, разнородных названий вроде академичного «Секулярный миф и эллинизм», с одной стороны, и поэтизированного «Карьера Сатаны», с другой. Это даёт представление о стилевых особенностях Назирова как автора.

Мы не будем рассказывать последовательно про каждую главу в отдельности, а попытаемся выделить основные концептуальные и методологические моменты книги.

2. Методологические ориентиры книги Назирова

Прежде всего, нужно сказать про методологию и стиль книги, которые могут дать представление об источниках Назировского понятия мифа. Если стиль Назирова декларативно самостоятелен, более того, — заряжен на полемическое обострение традиционных мнений вне зависимости от их авторитета и давности, то некоторые персонифицированные методологические ориентиры напротив, включают его в понятный концептуальный ряд. Так, процитировав Ренана, Назиров не стесняется написать: «Ренан смешивает две разных вещи: начало языка и его постепенное развитие», отпуская потом еще несколько иронических замечаний в адрес французского историка.

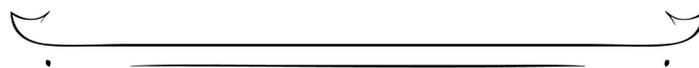
В то же время исходные методологические установки монографии выдают ориентацию на, во-первых, идеи Мелетинского и, во-вторых, Кассирера (и вообще кантианско-посткантианскую гуманитарную традицию).

На Мелетинского Назиров опирается, говоря об этиологичности мифа и его упорядочивающей функции, на него же ссылается, рассуждая о пространственных категориях архаического мифа и анализируя по ходу работы ряд конкретных эпизодов истории мифологии.

Но при этом, делая акцент на упорядочивающей функции мифа и его познавательной ценности, Назиров соглашается и с мыслью Э. Кассирера об особом значении этизации мифа в первобытном сознании, а с другой стороны, обнаруживает родство с трансцендентальной (кассиреровской же) концепцией мифа как прямого и первичного отражения самой способности человека к познанию и освоению мира (а не форм, в которых эта способность проявляется). Возводя корни первичных мифологических представлений к доязыковой стадии эволюции человека, напрямую к физиологическим феноменам памяти, эмоций, сексуальности (двуполости) и пр., Назиров фактически понимает миф как онтологически первичную форму не познания, а самого сознания. Языковое отражение первичных мифологических представлений — необходимый, но уже следующий этап становления мифов, важнейший в деле разумного освоения природы. Языковое означивание пространства есть первичное упорядочивание хаоса, безусловно позитивное онтологическое деяние, формирующее собственно человеческий мир: «различая поименованные вещи в хаосе материальной среды, человек творит конкретную предметность».

Ср. у С. Ю. Неклюдова в статье «Голос и эхо мифа»: «В целом мифологические представления первичны по отношению к мифологическому тексту». При этом, однако, Неклюдов делает специальную оговорку, ограждающую эту концепцию от теистических и трансцендентальных: «речь, разумеется, не может идти о каких-либо диахронических отношениях мифологических представлений и их текстовых воплощений, о, так сказать, дотекстовом существовании мифологического знания». В монографии о мифе у Назирова конкретно эта мысль выражена не вполне ясно, он нигде не уточняет является ли онтологическая первичность представлений перед языком в его понимании еще и исторической. Но в статье 1995-го года, генетически и хронологически с монографией связанной сказано определённо и провокативно: «в первобытном стаде людей, в доэтническом состоянии, на низкой стадии языкового развития, мифологическому повествованию предшествовало представление, еще не сложившееся в рассказ. Человеческая память старше языка: феномены памяти, еще на рефлекторной основе, формируются уже у животных и по сей день удивляют нас своей устойчивостью, длительным действием»¹.

¹ Назиров Р. Г. Генезис и пути развития мифологических сюжетов // Фольклор народов России. Русский фольклор Башкортостана в его межэтнических отношениях: Межвузовский научный сборник. Уфа:

Возвращаясь к связи с Кассирером, следует сказать, что Назиров не разделяет его своеобразной стадильности концепции развития познания из мифа — через религию — к логическому познанию и трансцендентальной философии. По Кассиреру миф в зародыше содержит истину (или условия для ее познания²), которая затем «очищается» в процессе развития человечества (это собственно гегельянская часть его теории, а Назиров — ярый антигегельянец, отрицающий кассиреровский «логический генезис»). Хотя с другой стороны, несколько публицистический финал «Становления мифов» намекает все-таки на своеобразное «освобождение» или «обуздание» мифа ради (**цитата**) «полной реализации прав личности на веру, творчество, информацию и анализ».

3. Историзм мифографии Назирова

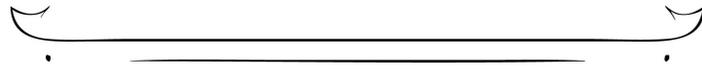
В последовательном пути авторской мысли от архаики до современности, который мы наблюдаем в плане монографии, прослеживается явственная просветительская цель. Работая с рукописью мы, например, постоянно улавливали переключки с тем, что Назиров рассказывал на своих спецкурсах «Культура и религия», «История эстетических учений». Поэтому первые главы, возможно, не слишком оригинальны в концептуальном плане, хотя это ещё предстоит проверить. Назиров последовательно проходит по древнейшим пластам мировой мифологии, анализируя рождение и развитие мифа о культурном герое, офиолатрические представления, сюжеты, связанные с трикстером и т.д. И здесь много общего со статьями о происхождении и развитии сюжетов, о которых речь шла выше. Но в монографии многие высказывавшиеся в отдельных работах факты и идеи встраиваются в более общий план, концептуально генерализуются и приобретают историческую и идеологическую перспективу. Кстати, возможно, что именно поэтому Назиров и не стал републиковать свои фольклорно-мифологические статьи отдельным сборником, как некоторое время собирался (свидетельства таких намерений есть в архиве): сборник, который планировалось назвать «Превращения сюжетов», потерял смысл после того как был реализован замысел его итоговой книги о мифе.

Двигаясь от архаики к современности Назиров постепенно подходит к первому ключевому пункту своей концепции истории — рождению религии.

Религия у Назирова и «формообразующее начало культуры», и начало нравственности. Причём нравственный канон устанавливается через нарушение, и этизация мифа сопровождается рождением героического вора-трикстера, ведь рождение табу требует примера его нарушения.

Башкирский университет, 1995. С. 138.

² См.: Хюбнер К. Истина мифа.

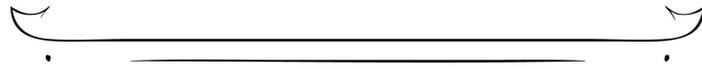
В социальном смысле рождение религии («переход от магико-мифологической стадии к отчётливо религиозным системам») обусловлено у Назирова рождением собственности: неолитическая революция сопровождается появлением излишков и вполне понятным стремлением оставить их в рамках семьи, а не рода-племени: «Собственность порождает необходимость её мифологического оправдания. Культурные герои царили в мифологии до тех пор, пока закон и право собственности не развенчали героическую кражу. С этизации мифов начинается религия, и гарантом морали, а значит, и собственности выступает бог».

Формирование целостной объяснительной системы и зарождение рационального описания мира в этом процессе по Назирову находятся только на втором месте, что противоречит и Кассиреру, а также и всем социологическим концепциям мифа. *Логизация мифа не главное. Главное — его этизация.*

Методология постижения мифа Назировым синтетична: он затрагивает и социокультурные, и политические, и психологические аспекты своей темы, обращаясь к разноуровневым аргументам от этнографических до естественнонаучных. Так, с психологической точки зрения ключевым процессом в рамках «рождения религии» становится постепенное развитие идеи о бессмертии души. Это и есть, по Назирову, главное, что делает религию нужной человеку. В связи с этой идеей рождаются и сотериологические мифы — мифы загробного спасения.

На этом же этапе возникает конфликт, которому в дальнейшем Назиров уделяет много внимания: ведущаяся с переменным успехом борьба рационалистической мысли и мифа. Так, Платон, по сути, предстает как первый рационалистический бунтарь против мифа. В книге Назирова подчеркивается умозрительность и рациональность собственного мифотворчества Платона и печальный конец его философского пути в антиутопии «Законов» и «Государства». Там же в связи с Аристотелем ставится проблема «мифологии» внутри науки: **(цитата)** «...в колоссальном своде знаний, который строился Аристотелем, неизбежны были лакуны, дыры, и Стагирит штопал их при помощи псевдо-научных гипотез. Например: почему падает брошенный вверх камень? Потому что он стремится вернуться на своё место. Или “природа не терпит пустоты”. Но ведь это одушевление природы есть антропоморфизация физики, т.е. мифология внутри науки».

Но еще более Назирова занимает другая проблема. Коль скоро миф у него выступает равноправным способом освоения и «одомашнивания» реальности, то встает вопрос, как этот способ работал на материале реальности исторической. Так в монографии возникает тема мифологизации исторического процесса. «В годы походов Александра Македонского, с которых и началась эпоха эллинизма, на глазах культурного мира совершается процесс, дотоле не наблюдавшийся исторически: обожествление живого человека». Процесс мифологической трансформации образа Александра рассматривается Назировым очень подробно, с экскурсом в

политическую ситуацию эпохи, с реконструкцией психологии завоевателя. Здесь нужно оговориться, что мы пока не берёмся сказать, насколько такая реконструкция исторична, и не отражается ли в создаваемом облике личный исторический опыт: отец Назирова был репрессирован, да и самому ему не раз приходилось сталкиваться с «отзвуками» предшествующей эпохи. Здесь же надо упомянуть и созданный исследователем цикл эссе о тиранах.

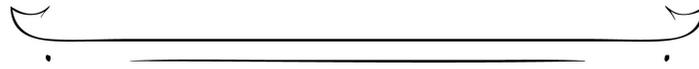
Однако вернёмся к Александру. Причина и прочность его обожествления видится Назирову в совпадении сознательного мифотворчества самого Александра, его реального полководческого таланта и законов фольклорно-мифологического восприятия действительности. Цитата: «Появилась легенда, будто Филипп II вскоре после женитьбы на Олимпиаде подсмотрел в дверную щель, как рядом с его женой возлежал змей; и Филипп окривел на тот глаз, которым подсматривал (на деле же глаз был выбит стрелой во время одной из осад)».

Кстати, пример с подсматриванием за пикантной сценой тоже в чём-то весьма «назировский»: Ромэн Гафанович такими вещами интересовался, но умел соотносить свой интерес с профессиональной плоскостью: среди его неопубликованных трудов значится и большая энциклопедия эротической темы в мировом искусстве.

«Для самых культурных греков Александр стал лишь образцом полководца, однако в суеверную эпоху эллинизма скептики остались в меньшинстве. В III в. до н.э. энциклопедист Эратосфен, который считал землю шаром и первый измерил дугу меридиана, пишет о чудесном рождении Александра». Иными словами, политическая история человечества опровергает кассирировскую утопию «очищения» мифологического знания. Мифотворческий процесс сильнее живого свидетельства, миф попирает факты.

В таком понимании мифа Назиров не одинок. Достаточно вспомнить слова Сергея Юрьевича Неклюдова в статье «Структура и функции мифа» об иллюзорности представлений о смерти мифа в современном мире: «Мы являемся свидетелями того, как по идущим из глубины веков архаическим моделям в современной политике и идеологии воссоздаются старые мифы в новых социальных и национальных оболочках. Двадцатый век показал, к каким чудовищным последствиям приводит их реализация на практике».

Однако у Назирова это не только наблюдение за текущим социокультурным процессом, но и фундаментальный принцип взаимодействия мифа и исторического процесса. В дальнейшем этот процесс показан в книге на различных примерах и различных вариантах секулярной исторической мифологии: династия Птолемеев (от Птолемея I Сотера до Клеопатры), римские цезари, Людовик XIV, Наполеон — вплоть до XX века и советской мифологии. И здесь анализ, проделанный Назировым

опять же находит себе аналогии в современной фольклорно-этнографической и культурологической мысли³.

При этом такой миф, творя культ, не творит собственно религии, почему и именуется у Назирова «секулярным».

В одной плоскости с рождением секулярного политического мифа, по Назирову, лежит упадок религии. Секулярный миф подавляет «истинную веру», поддерживая себя внешним могуществом и рационалистическими трюками мысли и техники. Назиров говорит об эпохах «деформированной религиозности», когда секулярный миф выходит на первый план, а религиозное чувство удовлетворяется мистикой и суевериями, то есть уходит в чисто фольклорную (а может быть, пара- и постфольклорную) плоскость.

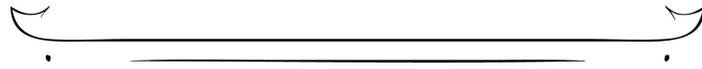
Цитата: «Абсолютной безрелигиозности быть не может, но возможна деформированная религиозность. Её объектами становятся земные властители, их политическая харизма разрастается в секулярную мифологию. Это признак того, что назревает религиозная революция, близится пришествие нового мифа и нового бога. Во всяком случае, так это происходило в эпоху эллинизма».

В параллель к «большим» мифам истории в книге Назирова поставлены мифы обыденного сознания. Основной тезис ученого: именно здесь находится самый прочный оплот мифологического мировосприятия, неистребимый ни временем, ни культурой, ни рациональной критикой. Как показательный пример он приводит эпизод из собственной биографии: дорожный разговор, в котором молодая деревенская девушка передает ему поверье (причем, лично в него веря) о магических «противопожарных» свойствах молока черной коровы. Мемуар резюмируется так: «Обычай, на который мне случайно указала попутчица-комсомолка, древнее Гильгамеша»; в парадоксальном совмещении «древности», «Гильгамеша», и «комсомолки» видно стремление лектора добиться максимальной мнемонической эффективности своих слов.

Но и в обыденном сознании он стремится отыскать структурообразующие мифы. Такими для него становятся фольклорно-мифологические представления о судьбе (предопределении) и случайности — Ананке-Мойра и Тихе-Фортуна. Именно эти понятия дольше всего сохраняются, по его мнению, в обществе в близком к архаике виде, и именно с ними связана наиболее прочная консервация магических представлений и практик.

Согласно Назирову, бытовые рудименты магии вечны. Эти конкретные проявления мифологии массового сознания неистребимы потому что выражают стремление человека «верить» реальности, помогают укрепиться-укорениться в бытии и в этом Назиров в общем близок к психологической трактовке мифа.

³ См., например: *Чернышов А.* Современная советская мифология. Тверь. 1992; *Мелетинский Е. М.* Миф и XX век. Вообще утверждение о живучести мифологического сознания — один из трюизмов современной культурологии.

Возвращаясь от экскурса в бытовую магию к магистральной линии истории мифа, он особо сосредотачивается на эпохе эллинизма, вполне традиционно понимая ее как «осевое время» мировой культуры. Однако до обращения к истории становления христианского мифа и его многочисленных производных, он подробно останавливается на эвгемеризме.

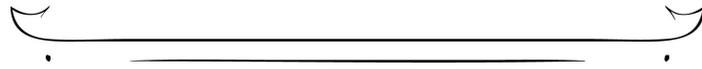
Эвгемер и его наивно-рационалистическая концепция мифа («...первая попытка рационалистически освоить мифологический процесс») как прямого отражения истории и ее крупнейших деятелей предстают в «Становлении мифов» как симптом нового качества мифологии, предметом которой отныне становится история. Причем, в этом процессе важную роль играет момент канонизации и упорядочивания мифологии.

Сама Библия с мифологической точки зрения рассматривается Назировым — опять же вполне традиционно — как синтетический текст, вобравший в себя колоссальный массив влияний, традиций, целых и обрывочных сюжетов и их интерпретаций и в процессе создания претерпевший жесткую *рационалистическую* (риторическую) правку.

Главное свойство такой правки обуславливает, по Назирову, и специфику Библии в сравнении с другими артефактами ближневосточной словесности: **(цитата)** «Всё же Библия принципиально отличается от эпоса о Гильгамеше — древнейшего образца трагической онтологии. Библия преодолевает трагедию. Жизнь Моисея полностью оправдана установлением Завета. Он создал общенародную цель, которая в потенции была уже транснациональной. Целеполагатель — вот истинный герой мировой истории».

Итак, библейскому мифу свойственна отчетливая телеологичность. При этом цель может быть принципиально недостижимой (именно в этом Назиров видит смысл философски толкуемого им финала мифологической биографии Моисея) но повествование о ней по-новому организует свойства проживаемого человечеством времени. Назиров пишет: «мир предстаёт как исторический процесс, возникающий на основе обетования Бога, и ответственность за этот процесс несут надеющиеся на Бога люди. Исследуя отношения человека и Бога, иудаизм пришёл к признанию смысла истории». Дальше Назиров ссылается на слова Мирчи Элиаде о теофаническом смысле ветхозаветного мифа и подходит к выводу: «Историзованные мифологии резко отличаются от прежних мифологических систем, имеющих архаическое происхождение... При различении типов мифологических систем очень важно определить их отношение к времени»

Разделяя эти две эпохи мифологического процесса — архаическую и новую, начинающуюся в нашу эру, он ссылается на Веселовского, выделявшего две эпохи «великого мифического творчества», но дает поправку: новое мифотворчество начинается до христианства (с начало эллинизма) и меняет не только содержание

мифа (т. е. дело не в монотеизме как таковом). Происходит ломка самих принципов мифотворчества, миф обретает качественно новую природу.

4. Мифология после христианства

Конкретный механизм такого мифологического поворота видится ученому в синтезе иудейского исторического мифа и эллинистической рациональности, причем, роль последней — ключевая на стадии оформления *сюжета* христианского мифа (напомним, что сюжет вторичен по отношению к представлению и у Назирова, и у, например, Неклюдова⁴). То есть евангельский сюжет формируется на базе существующего представления при использовании инструментария позднеантичной философии.

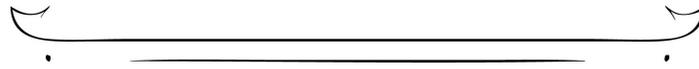
Отсюда становится понятно, почему рассуждению о появлении христианства предшествует обширный экскурс в истории Септуагинты и в биографию Филона Александрийского: «базой христианского движения послужил эллинистический синкретизм; евангелисты переняли у Филона сам способ думать». Заметим слова «движение» — т. е. практическое выражение веры — и «думать» (а не «верить», например).

Сам же образ веры, ключевое мифологическое представление, обозначившее переход мифа в новое качество, наличествовал по Назирову еще в иудаизме: «Если архаические мифологии обращены в прошлое, а классическая прикована к настоящему, то еврейский мессианизм превратил религию Единого Бога в напряжённое ожидание будущего». Христианство в свою очередь дало зримый образ этого будущего, (**цитата**) «создало учения о земном воплощении Бога и об Искуплении».

Стоит отметить, что вопрос о личном отношении Назирова к христианству (прямо говоря — о его вере) вовсе не прост. Ясно, что он не был ортодоксом (ни в одном из смыслов этого слова), но в рукописи его книги сохранились следы и такой правки: сначала местоимение «он» (Иисус) написано с маленькой буквы, затем поверх написана большая. Впрочем, на саму концепцию мифа специфика его личной веры вряд ли могла влиять: этому противоречит весь пафос анализируемого труда — страстного, но и подчеркнуто а-субъективного стремления к познанию.

Сам Назиров сформулировал нечто, что можно принять за его собственное *profession de foi* только в одном абзаце: «Трактовать Явление Христа как мелкий эпизод колониальной истории значило бы уподобиться самодовольным и подслеповатым римлянам той эпохи. Ибо если и поныне последствия Явления Христа всемирны и неисчерпаемы, значит оно было чем-то исключительным и беспримерным.

⁴ См. «Голос и эхо мифа: текст, жанр, сюжет».

Параллели с биографиями других религиотворцев мало что объясняют. Христос торжествует над временем, как никто. Первоначальное христианство — величайший пример десакрализации всякой мирской власти, ибо государство насильственно по природе, Христос полностью отделил его Бога, разделил кесарево и Божие. Он задал цель человечеству — самоустроение без насилия. Думается, что современная любовь к Христу — шире, чем собственно христианская религия, которая в истории принявших её народов неоднократно освящала земное государство».

Это противопоставление государства и религии в ее социальном аспекте стоит раскрыть подробнее.

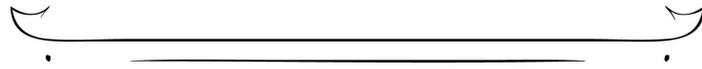
Социальные приложения (отображения) мифов всегда рациональны (и в этом смысле противопоставлены своему источнику). Миф, ставший основой, общественного установления каноничен, статичен, способен к рациональному толкованию. По Назирову это уже не миф: **(цитата)** «Миф живёт только в динамике. Противоречия между элементами мифологической системы — это норма. На более высоких культурных стадиях этой норме противопоставляются рационалистические тенденции философской гармонизации мифов и их логической интерпретации. Едва родившись, научное мышление ставит под сомнение принцип чуда, вытесняет его из мирообъяснения и пытается заменить естественным причинами. Научная картина мира всегда неполна, но часто претендует на полноту. В той мере, в какой гипотеза преступает пределы познанного, наука сама становится мифологией, но не признаётся в этом».

Парадоксально, но именно рационализм, превращая миф в средство устроения общественной жизни, повинен, по мнению Назирова, в том, что периодически мифология (в особенности «государственная») становится античеловечна. Античеловечна практически любая рационалистическая интерпретация мифа (хотя бы потому, что зачастую имеет автора, небескорыстного в своей интерпретационной активности. Из этого исходит «критика» Гегеля и гегельянства в «Становлении мифов». Процесс становления мифа в таком освещении — непрерывный конфликт живого мифологического процесса и рациональной мысли. Причем именно последняя, стремясь логизировать и «социализировать» миф, приводит порой к самым чудовищным примерам его исторической реализации.

Выскажем соображение, напрямую не относящееся к нашей теме: назировская концепция мифа в таком освещении вполне может быть интерпретирована как оригинальная философия истории.

Но вернемся к назировским представлениям об этом самом «живом» мифологическом процессе.

В этой связи обращает на себя внимание то, как Назиров акцентирует двойственность процесса исторического становления христианства. С одной стороны: **(цитата)** «Христианство повторно ввело в философию ту логику чудесного, которую

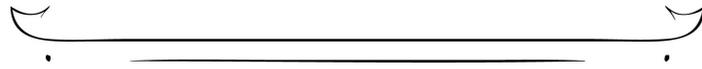
истребляла аристотелевская логика. Христианская революция придала античному миру мощный мифотворческий импульс». С другой же: **(ещё цитата)** «...между Иисусом Христом и Павлом был превзойдён некий порог, произошёл перелом, после которого светлый мир апостолов с их романтической бедностью и скитальческой волей сменяется исторической, домовито-запасливой иерархизированной Церковью». Ключевое слово здесь — «иерархизированной». Церковь становится социальным институтом и как таковая должна выработать идеологию, главным отличием которой от мифа должна быть *подчеркнутая логичность*. Дальше Назиров делает подробный экскурс в биографию Августина и становление христианского неоплатонизма. Возникает искушение представить это как однозначно негативную рационализацию мифа, однако процесс сложнее: становящееся христианство не только подвергается позднеантичному умствования, но и сохраняет живую мифотворящую силу.

К описанию результатов этой силы Назиров переходит через анализ трансформации в христианстве одного из самых архаических мифологических архетипов и иконографических образов — богини Матери с младенцем на руках. В противовес частому мнению о неизменности этого архетипа на протяжении тысячелетий, Назиров указывает на трансформацию образа в христианстве. Он получает новую парадоксальную структуру: Мария не только Мать, но и Дева. Тем самым материнство как бы «очищается» архаическим культом девственности, что, по мысли Назирова, создает предпосылки для новой социальной и культурной роли женщины в средиземноморской культуре.

Именно конкретно-сюжетное освоение христианства средневековой Европой и социальные трансформации христианского мифа занимают его гораздо больше, чем интеллектуальная история богословия.

Во вторичном мифотворчестве средневековой Европы Назиров усматривает грандиозный культурный синтез христианского мифа и архаики европейских язычников. Отличительные свойства этого синтеза: свобода, историзм (влияние «авраамической» культуры), реализация в неканонических фольклорных и только затем в литературных текстах, символизм (пожалуй, единственное влияние интеллектуализма раннего христианства) и сюжетная (но не догматическая) репликация структур евангельского сюжета (так, британский Артур, а за ним и все спящие короли-избавители, повторяют структуру евангельской биографии, но не ее мистическое содержание).

Именно в исследовании и описании этого процесса Назиров, судя по всему, получал наибольшее исследовательское удовлетворение. Возможно, сам замысел «Становления мифов» возник из необходимости обобщения накопленных ученым наблюдений за процессом синтеза мифологий и его отражениями в живом фольклорном и литературном процессе. Об этом говорят выразительные схождения и

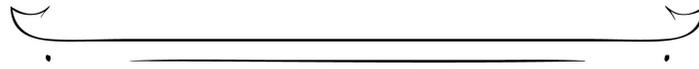
параллели между отдельными статьями Назирова и соответствующими главами в книге, где конкретные находки наконец поместились в генерализованный контекст. Фаустианский сюжет и миф о спящем короле-избавителе, образ Агасфера и гаммельнского крысолова, средневековый культ Девы Марии и францисканство — все это и многое другое, по Назирову, детали единой мифологической картины средневековой Европы.

Такие мифы обладают особой плодотворностью. Назиров, по сути, превращает их в фундаментальный базис европейской словесности (особенно выразительно это показано в главе «Карьера Сатаны»). Синтетические фольклорные корни таких мифов делают их исключительно пригодными для дальнейшей индивидуальной реинтерпретации в культуре и общественной мысли.

Именно внимание к таким индивидуальным реинтерпретациям дает начало новому тематическому повороту назировской мысли: в центр внимания ставится личное мифотворчество и сложное соотношение в нем подлинно мифологических и рационально-волюнтаристских тенденций. Назировым вводится термин «мифологическая инициатива», которая может быть более или менее близкой к естественному процессу, более или менее искажающей. Здесь концепция Назирова приобретает, может быть, несколько литературный характер: в ней появляются герои — удачливые мифотворцы Франциск Ассизский, Данте, Жанна д'Арк и т. д. и грубые насильники над традиционной мифологической культурой, они возникают в эпоху становления новоевропейского рационализма и главнейшие из них для Назирова, безусловно, Гегель и Маркс. Однако при всей разнице итогов таких инициатив в них прослеживается общность структуры: всегда есть некий исходный инвариант, на котором «надстраивается» новый миф, — Христос, Дева Мария, Прометей, Денница и пр.

Зрелая мифология вторична и включает в себя итоги рационалистической мысли как необходимый элемент приспособления реальности к сознанию. Рационализм в таких мифах становится иллюзорен (почему, по мысли Назирова, например, марксизм не логическая, а мифологическая концепция), их отношение к реальности (в отличие от архаических мифов) может быть разным. Возможны, радикальные расхождения таких вторичных мифов с естественным ходом жизни и истории. При проникновении таких «смещенных» мифов (термин Назирова) в социальную практику создаются предпосылки для исторических трагедий — Французской революции, наполеоновских войн и грандиозных практических антиутопий XX века.

Вся новейшая история Европы с точки зрения становления мифа, по Назирову, выглядит как борьба стихийного мифологического гуманизма (изначального свойства мифа) и внешне этичного, но втайне над- и античеловеческого рационализма. Отсюда его внимание к ключевым литературным гениям и истории философии (в которой он, например, чрезвычайно высоко оценивает скептицизм Монтеня — как попытку

этически ограничить рационализм). Отсюда же и ключевая роль Достоевского во всей этой конструкции: именно он, по мысли Назирова, понял и обобщил этот конфликт в формах христианской трагедии.

Здесь же, видимо, укоренена открытая публицистичность финала его книги: **(цитата)** «Возможно, человечеству XXI века придётся жить в условиях взаимодополнительности мифологического и научного сознания, и великой задачей Земли будет ограждение политики от вторжения волюнтаристских мифологий любого толка, религиозных или антирелигиозных. Новый Завет культуры — полная реализация прав личности на веру, творчество, информацию и анализ».

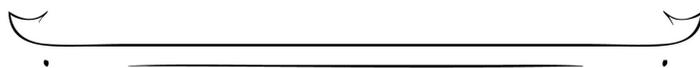
5. Итоги

1. Миф рассматривается Назириным прежде всего как первичная форма сознания, определяющая сферу человеческих представлений о мире. В этом смысле миф досюжетен и онтологически первичен по отношению к языку. Концепция обнаруживает родство с трансцендентальной концепцией мифа у Кассирера, однако лишена прогрессистских коннотаций.

Сюжетное оформление мифов в архаике прямо зависит от внешних факторов и тесно увязано с ритуально-магическим аспектом культуры; такие мифы доэтичны, однако они уже, по Назирову, гуманистичны — в том смысле, что очеловечивают, «одомашнивают» враждебный внешний мир. Этот стихийный гуманизм мифа в дальнейшей истории культуры становится одной из константных составляющих структуры зрелого мифа и *естественной* мифотворящей силой.

2. Перелом в мифологическом процессе наступает с эпохой эллинизма и рождением христианства. На этой стадии конституируется ключевая оппозиция концепции Назирова: стихийный гуманизм мифа и ложный гуманизм рационализма. Назиров разворачивает в широкое и в то же время тщательно детализированное полотно конфликт мифа и рационального разума, порождающего опасные извращения мифологических сюжетов и их еще более опасные социально-исторические реализации.

Естественному мифотворческому процессу противопоставляется (или соединяется с ней в культурном синтезе?) личная, индивидуальная мифологическая инициатива, результаты которой амбивалентны. С одной стороны, Назиров показывает, насколько плодотворным может быть личное мифотворчество и как оно может обогащать сюжетный арсенал культуры. С другой же стороны, интеллектуальное мифотворчество Нового времени, по мнению Назирова, повинно во всех без исключения исторических катастрофах последних веков.

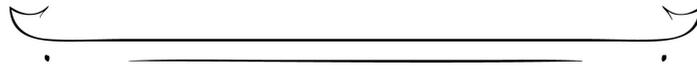
3. Выше уже говорилось о том, что книга Назирова вполне может быть прочитана как трактат по философии истории. Возникает искушение исказить ее название, превратить его в «Становление мифа» и понять книгу как описание истории человеческого мышления ab ovo до наших дней. Думается, что автор учитывал такую возможность (и даже допускал ее до некоторой степени), но книгу назвал все-таки «Становление мифов», снабдив заглавие еще и продолжением — «и их историческая жизнь». Значит, все-таки речь идет не о философской абстракции (или не только о ней), а о концепции обобщающей факты культуры в рамках специфической эмпирической дисциплины.

На этом уровне ценность назировской концепции мифа, на наш взгляд, состоит в потенциально целостном взгляде на развитие мировой культуры. Фольклорно-мифологические представления в их единстве с индивидуально-рационалистической творческой инициативой предстают как своеобразный двигатель культуры. Назиров, таким образом, предлагает не что иное, как попытку структурно полного описания механизма этого двигателя. В этом смысле идея его «Становления мифов» должна быть соотнесена с так и не осуществившимся до конца замыслом «Исторической поэтики». Вполне возможно и даже скорее всего при детальном и подробном знакомстве с реализацией этого замысла возникнут неизбежные частные возражения и общетеоретическая полемика — но это судьба всех тотально-обобщающих концепций. В то же время такие обобщения неизбежно полезны, поскольку тем или иным образом дают нашей науке (имеется в виду филология и даже история культуры в целом) новый импульс к развитию.

И. В. Имаева
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы

Концепция истории русской
фабулистики у Р. Г. Назирова
и некоторые проблемы изучения
фольклорно-литературных связей

Устное и письменное искусства слова живут и развиваются в постоянном взаимодействии, стимулируют и обогащают друг друга. Их взаимосвязь соотносится с основными тенденциями развития литературы определенной эпохи, интерпретациями (намерениями, стремлениями) отдельных авторов. В древней литературе происходило спорадическое использование фольклора, а писатели-романтики считали его основным источником творчества. Новейшая эпоха ознаменована его художественно-философской конкретизацией. В современной фольклористике под фольклоризмом понимается процесс трансформации и переосмысления фольклора в литературе¹.

Разное, зачастую противоположное понимание фольклоризма, различный подход к этому понятию существует в отечественной и зарубежной науке. В 1940—1960-е гг. изучение и трактовка фольклоризма искусства оказали значительное влияние на западную культуру. Он трактовался как созданная с помощью фольклора новая реальность, возвращающая человека к мифологическим архетипам (термин К. Г. Юнга) не только в литературе, но и, что особенно важно, в сознании. Фольклор по своей природе антагонистичен существующей реальности и реализму.

Основателем психоаналитического направления в современной западной фольклористике является З. Фрейд, считавший фольклор сродни сновидению, где сублимируются подсознательные влечения человека.

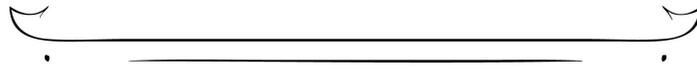
Изучением фольклоризма как литературного явления занимались в 1950-е гг. сторонники «этнографического фольклоризма», в частности Р. Дорсон, считавшие своей главной задачей «идентификацию» фольклорных фактов в литературе, т.е. констатацию фольклорных и этнографических элементов в литературном произведении². Такой подход представляет несомненный интерес для компаративистов, создавая необходимые предпосылки для накопления фактов фольклорных заимствований.

Последователи «концептуального фольклоризма»³ (Д. Гофман и др.) считали

¹ См., например: Горелов А. А. К истолкованию понятия «фольклоризм литературы» // Русский фольклор. Л., 1979. С. 31—48.

² Иванова Л. П. Типология фольклоризма в русской музыке XX в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/tipologiya-folklorizma-v-russkoi-muzyke-xx-veka>

³ Баларьева Т. Б. Фольклоризм современной бурятской прозы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://referati.info/projects/project-28567.html>

необходимым не только находить черты фольклора в литературе, но и осмысливать их с учетом философских, политических и культурных представлений времени создания изучаемого литературного произведения.

Оба эти взаимодополняющих научных направления все же не охватывают всех сторон сложного явления. Начиная со второй половины XX века, большое внимание стало уделяться анализу структуры фольклорного текста. Предшествовала этому книга В. Я. Проппа «Морфология сказки» (1928), описывающая минимальные неделимые элементы волшебных сказок — постоянные функции действующих лиц. Основы метода структурного анализа были заложены Пражской лингвистической школой (1926 — нач. 50-х гг.), куда входили В. Матезиус, Я. Мукаржовский, Н.С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, П. Г. Богатырев и др. Работы этих ученых опирались на исследования Ф. де Соссюра, сформулировавшего общие принципы семиотики. Структуру литературного текста изучали в 1920 — 1930-е гг. представители русской «формальной школы» — Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум. Развил идею структурализма основатель французской этнографической (антропологической) школы К. Леви-Стросс. В его статье «Структурное изучение мифа» (1955) было отмечено, что функции мифологических героев, устойчиво связанные между собой, определяют строение сюжета мифа.

Фольклорные произведения как устойчивые системы элементов рассматриваются в работах П. Г. Богатырева, а также современных американских фольклористов А. Дандиса, Р. Абрахамса, А. Ломакса, Р. Джорджеса. Советские ученые (Ю. М. Лотман и другие представители латгусско-московской семиотической школы) применили метод структурного анализа и для изучения литературных произведений.

При этом в отечественной фольклористике до сих пор преобладает сравнительно-исторический метод, основанный на представлении о единстве исторического развития всех народов, определяющем единство их культурного развития. С использованием универсального приема сравнения определились и основные его приемы: выяснение генетической принадлежности рассматриваемого фольклорного элемента; установление сходств и различий на разных уровнях сравниваемых явлений; определение времени возникновения и бытования, а также национальных особенностей фольклорных явлений.

Основными понятиями компаративистики являются типологическое сходство и непосредственное фольклорное или литературное влияние. Типологические схождения в фольклоре и литературе разных народов возникают благодаря схожести исторического пути, а, следовательно, и культурных достижений разных народов. Литературное или фольклорное влияние заключается в заимствовании сюжета или образа, преобразующегося в соответствии с традициями, культурными, нравственными установками заимствующего народа. Между типологическими схождениями и непосредственными литературными влияниями существует связь,

⌢
—————
⌣

потому что только на подготовленной культурной почве возможно восприятие инонационального искусства.

Исследования Р. Г. Назирова представляют немалый интерес с точки зрения сравнительно-исторического изучения фольклорных сюжетов и их литературных обработок. Речь идет не только о статьях, опубликованных ученым при жизни в известном сборнике «Фольклор народов РСФСР»⁴; в архиве рукописей учёного обнаружены завершённые и только начатые статьи по интересующей нас тематике. Сейчас уже напечатаны не издававшиеся при жизни статьи, проблемно близкие к тому, что Р. Г. Назиров публиковал в сборнике «Фольклор народов РСФСР», «Сюжет как компромисс», «Подлинный смысл Поликрата перстня», «Продолжение как форма обновления традиции»⁵.

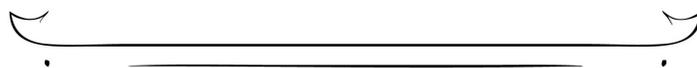
Эти и опубликованные ранее работы о фабулах, сформировавшихся ещё в фольклорной и раннелитературной среде (например, «Сказочные талисманы невидимости», «Сюжет об оживающей статуе»), а затем определивших облик литературы Нового времени, должны были составить грандиозную монографию «Превращения сюжетов», по масштабу и методу сравнимую с «Исторической поэтикой» А. Н. Веселовского. По всей видимости, Р. Г. Назиров долго вынашивал замысел этой монографии, неоднократно перерабатывая её план, так и не обретший законченный вид, но ясно, что в книге, которой так и не суждено было осуществиться, задумывалось четыре части: 1. Архаические сюжеты; 2. Сюжеты, возникшие в античности; 3. Средневековые сюжеты; 4. Сюжеты Нового времени. К сожалению, некоторые главы монографии так и не были написаны, или остались в виде планов и набросков (сюжет о «маге-цивилизаторе», сюжет о «повелителе мышей»)⁶. Но и то наследие, что опубликовано, очень ценно для нас как методологическое руководство к сравнению фольклорных и литературных сказочных сюжетов.

Однако Р. Г. Назиров в своих работах рассматривает закономерности бытования, развития и взаимодействия сюжетов и фабул именно в литературном процессе, по сути, сводя в единый объект фольклор (или фольклоризм как структурное и эстетическое влияние фольклора) и авторскую словесность. Вышеуказанные закономерности, — по его мнению, — являют относительную аналогию с закономерностями фольклорного бытования сюжетов. При этом он считает возможным отчасти опираться на положения выдающегося советского фольклориста В. Я. Проппа о некотором наборе сюжетных схем и стереотипов,

⁴ См.: Избранная библиография работ Р. Г. Назирова (под ред. Б. В. Орехова) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2009. № 2 (42). С. 162—169.

⁵ Назиров Р. Г. Сюжет как компромисс // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 2010. — № 1-2; Он же. Продолжение как форма обновления традиции // Историческая поэтика жанра. — Биробиджан, 2009. — С. 82—86; Он же. Подлинный смысл Поликрата перстня // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 4. С. 147—149.

⁶ Орехов Б. В. Научный архив профессора Р. Г. Назирова // Русское слово в Республике Башкортостан: Материалы региональной научно-теоретической конференции / Отв. ред. О. П. Касимова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 115—120.

которые переходят из одних сказок в другие, варьируются и модифицируются в различных сказочных текстах; исходный набор их обозрим, а модификации сравнительно однотипны⁷.

Такие сюжетные схемы, — пишет Р. Г. Назиров в своей работе «Традиции Гоголя и Пушкина в русской прозе XIX века», — называют иногда «сюжетами-архетипами». В развитых литературах с обостренным чувством индивидуального авторства, с требованиями оригинальности сюжета и одновременно его близости к жизни выделение и классификация «сюжетов-архетипов» представляют большую сложность, а потому нередко объявляются вообще невозможными⁸.

Кроме того, ученый выделяет и описывает инвариантные типы мотивно-событийных структур, которые могут развиваться в творчестве разных художников, образуя фабульные традиции. Наиболее культурно-значимые из этих традиций получили в науке название «вечных сюжетов», для Р. Г. Назирова — это фабульный репертуар национальной и всемирной литературы. Он дает классификацию таких фабул и прослеживает способы их трансформации. На наш взгляд, данная методология может быть использована и для сравнительно-исторического изучения произведений фольклора и литературы.

В работах, посвященных взаимосвязям литературы и фольклора, неоднократно подчеркивалось, что вопрос о сюжетных формах фольклора и их влиянии на письменность может быть решен литературоведами лишь с помощью фольклористов, т. к. в последнее время фольклоризм литературы рассматривался в основном в литературоведческом аспекте, в ущерб фольклористическому.

Это выражалось прежде всего в недостаточном знакомстве с фольклорными источниками, вследствие чего делались неточные или неверные выводы. Кроме того отмечается все развивающаяся тенденция пренебрежения фольклорным материалом. За последние два десятилетия теме фольклоризма литературы посвящены многие сотни исследований, но лишь единицы из них в достаточной мере используют фольклорный материал. До сих пор не выработано совершенной методики изучения взаимодействия литературы и фольклора. Сравнительно-генетический и сравнительно-типологический методы являются неразрывно связанными и взаимодополняющими, но пока не достигнуто их гармонического единства. Работы Назирова в этом контексте не только интересны и глубоки, но и глубоко поучительны. Может быть, более скрупулезное исследование внутренней связи между его фольклорными и литературоведческими трудами выявит основу для объединения генетического и типологического подхода к фольклорным и литературным текстам.

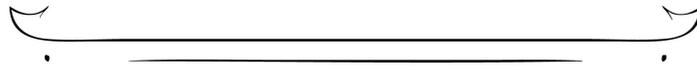
⁷ Протт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 340.

⁸ Назиров Р. Г. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул. Диссертация в виде научн. доклада на соиск. учен. степ. докт. филол. наук. Екатеринбург, 1995. 23 с. С. 3.

Рецензии

С. С. Шаулов
Башкирский государственный университет

О первом посмертном издании
трудов Р. Г. Назирова

Сборник «Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет» подписан в печать, судя по выходным данным, 11 февраля 2005 года, то есть практически ровно через год после смерти Р. Г Назирова.

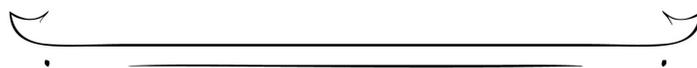
Поэтому бессмысленно критиковать это издание за то, что републикуемые в нем исследования не были заново сверены с сохранившимися в архиве Назирова рукописными и машинописными оригиналами. Во-первых, сам архив еще не был в тот момент изучен и описан хотя бы в первом приближении. Во-вторых, очевидная задача такой книги — зафиксировать наиболее значительные научные высоты, достигнутые автором, более того, показать их некоем обобщении и целостности. Иными словами, это прежде всего мемориальная задача.

Сборник, подготовленный редколлегией во главе с Р. Х. Якубовой, ее действительно решает. Семнадцать помещенных в нем статей дают достаточно полное (хотя и не исчерпывающее) представление о видимой научной жизни Ромэна Гафановича (невидимая, сохранившаяся в его архиве, на тот момент еще не была открыта). Нам кажется не лишним дать здесь перечень этих трудов и снабдить его некоторыми расширяющими историческими и биографическими сведениями, добытыми в последние годы работой в архиве ученого:

1) *Диккенс, Бодлер, Достоевский* (к истории одного литературного мотива). Именно с этой статьи, ставшей фактически первым литературоведческим выступлением Назирова в печати, начинается общение (поначалу эпистолярное, потом личное) Назирова и Г. М. Фридендера. Публикация в «Ученых записках» провинциального университета сумела привлечь внимание маститого ученого, и, видимо, до середины 1970-х их в значительной степени можно считать научными единомышленниками.

2) *Трагедийное начало в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»*. Эта статья Назирова представляет собой сокращение (не исключено, что вынужденное) и продолжение другого материала — сохранившегося в архиве в нескольких вариантах исследования «Возрождение трагедии в романе».

3) *Владимир Одоевский и Достоевский*. Благодаря содействию Г. М. Фридендера это исследование было впервые опубликовано в журнале «Русская литература». Однако, судя по сохранившейся переписке, ее первоначальный вариант был воспринят Фридендером скептически. Статья была, по всей видимости,

серьезно сокращена. Заметим также, что в архиве самого Ромэна Гафановича первоначальный вариант пока не обнаружен. Может быть, он сохранился в архиве Г. М. Фридендера.

4) *Чехов против романтической традиции (К истории одного сюжета)*. Чеховские материалы относятся к наименее изученной части назировского архива. Важно, что эта статья тематически и содержательно соотносится со спецкурсом, который Назиров читал в Башкирском университете «Поэтика прозы А. П. Чехова в ее развитии» Возможно, что в папках с пометкой «О Чехове» найдутся и иные материалы, раскрывающие назировскую интерпретацию последнего классика «золотого века» русской литературы.

5) *Петербургская легенда и литературная традиция*. Дополнения и авторские примечания к этой статье уже печатались в нашем журнале¹. Однако в архиве найдены и более обширный вариант статьи, и перечень редакционных, неавторских правок с авторскими комментариями к ним. Все это, конечно, требует публикации.

6) *Реминисценция и парафраза в «Преступлении и наказании»*. В архиве имеются еще не разобранные материалы, посвященные композиции, этической проблематике, персонажной структуре этого романа.

7) *Петр Верховенский как эстет*. Эта широко известная статья, как мы сейчас знаем, выросла из более масштабного замысла монографии о «Бесах»². Книга не была закончена, но оставшиеся материалы достаточно полно представляют назировскую интерпретацию этого романа. Статья о Петруше Верховенском, конечно, должна восприниматься в контексте этой публикации.

8) *Достоевский и роман У. Годвина*. Предварительных и сопутствующих материалов к этой статье пока не найдено.

9) *Фабула о мудрости безумца в русской литературе*. Единственная опубликованная при жизни глава из докторской диссертации Р. Г. Назирова. Ближайшая задача, встающая в связи с этой работой, — сравнение ее текста с дошедшими до нас вариантами машинописи диссертации (их несколько).

10) *Автономия литературного героя*.

11) *Жесты милосердия в романах Достоевского*. Предварительных и сопутствующих материалов к этому исследованию пока не найдено.

12) *Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (к концепции полифонического романа)*. Эта статья (как и статья № 10, что справедливо отмечено в редакционном предисловии к изданию) отражает полемический интерес Назирова к наследию Бахтина. Нужно заметить, что проблема «Бахтин и Назиров» требует осмысления и комментария. Опубликованная в журнале

¹ Назиров Р. Г. Мои дополнения к петерб. легенде // Назировский архив. 2013. № 1. С. 99—104.

² Назиров Р. Г. <Материалы к монографии о романе Ф. М. Достоевского «Бесы»> // Назировский архив. 2013. № 2. С. 7—83.

⌒
—————
⌒

«Назирровский архив» статья магистрантки филологического факультета БГПУ Ю. В. Коротковой «Теория Автора в современном литературоведении: М. М. Бахтин и Р. Г. Назиров», по сути, только ставит заявленную проблему. Кроме того, в архиве (в первую очередь, в рабочих папках к «Словарю литературоведения и смежных наук») вполне могут обнаружиться новые материалы по этой теме.

13) *Пародии Чехова и французская литература*. Здесь Назиров отчасти продолжает тематику (но не содержание) не вошедшей в рецензируемый сборник статьи «Trois duels (Balzac, Lermontov, Dostoievski)» (см. об этом труде ниже). Скорее всего, в чеховских папках архива найдутся подготовительные и сопутствующие материалы к этим исследованиям.

14) *Достоевский и Чехов: преемственность и пародия*. Статья опять же имеет прямое отношение к спецкурсу о прозе Чехова.

15) *Вражда как сотрудничество*. Прямое историко-биографическое сопоставление двух писателей (в данном случае, Достоевского и Тургенева), вообще говоря, не совсем типично для Назирова. Может быть, своеобразный социокультурный подход, который он демонстрирует в этой статье, должен быть соотнесен с логикой недавно вышедшего труда «Становление мифов и их историческая жизнь», в которой культура, политика и быт *толкуются* в едином пространстве ответственного философского восприятия. На эту мысль наводит и время публикации — 1995 год (то есть как раз в то время, когда шла работа над «Становлением мифов»).

16) *Специфика художественного мифотворчества Ф. М. Достоевского. Сравнительно-исторический подход*. Единственная часть «Становления мифов», опубликованная при жизни автора в относительно полном виде. Интересно, что здесь Назиров демонстрирует принципиально иной «сравнительно-исторический подход», чем в статьях 1970 — 1980-х годов. Мысль его как бы совершает ход по спирали и на новом уровне типологическому сопоставлению подвергаются уже не тексты, а предельно обобщенные смыслы национальной культуры.

17) *Семантика движения в романах Достоевского*. Предварительных и сопутствующих материалов к этой статье пока не найдено. Вообще следует сказать, что более поздние работы имеют сравнительно бедное архивное «окружение». Может быть, это связано с тем, что в 1990-х годах Назиров уже не подвергался редакционной правке (по крайней мере, в том объеме, как в первые двадцать лет научной жизни). Соответственно, статьи публиковались в том виде, в котором выходили из под его пера, а черновики, естественным образом «уходили» из архива.

В целом, в этой подборке весьма наглядно выявилась логика развития Назирова как литературоведа. В первом приближении это — логика постепенной «универсализации» исследовательского зрения, последовательного включения в сферу внимания все более «далековатых понятий», находящих, тем не менее, свое законное,

логически определенное место в структуре мысли ученого. Повторим уже не раз высказанную нами мысль: уяснение и формализация этой логики может много дать современной гуманитарной мысли...

Впрочем, вернемся к рецензируемому изданию. Складывающееся впечатление полноты этой книги можно было бы еще усилить. В первую очередь это соображение связано с самим отбором трудов Назирова для первой посмертной републикации.

Так, непонятно, почему в состав сборника не попала статья «Герои романа «Идиот» и их прототипы»? К сравнительно-историческому подходу она имеет не меньшее отношение, чем половина (как минимум) статей в этом издании. Также не попали в «семнадцать избранных» статьи «Достоевский и романтизм», «Trois duels (Balzac, Lermontov, Dostoievski)»³, хотя они-то соответствуют заявленному в заголовке подходу *полностью*.

Можно допустить, что статья «О противоречиях Достоевского в отношении к социализму»⁴ действительно не соотносится с заявленной темой сборника. Однако почему в нем нет статьи «Об этической проблематике повести “Записки из подполья”»⁵? Это, может быть, одна из лучших и, безусловно, одна из самых известных его работ, конечно, должна была попасть в первое посмертное переиздание.

Если бы редакционный коллектив заявил о републикации малоизвестных и труднодоступных статей Назирова, такое отсутствие было бы понятно. А так остается предположить наличие концептуальной модели представления наследия Назирова, которой и руководствовались составители.

Такая модель явно чувствуется в исключении из сборника других статей, посвященных прототипам. Указанная выше статья о героях «Идиота» — только самая ранняя из них. Два аналогичных прижизненных исследования «О прототипах некоторых персонажей Достоевского», «К вопросу о прототипе Ставрогина» также не вошли в первую назировскую ретроспективу.

Действительно, они не слишком укладываются в парадигму сравнительно-исторического подхода (хотя есть и расширительные его трактовки). В них очевидны следы социологизма (не вполне, впрочем, похожего на «канонический» советский вариант метода), в них чувствуется возможность перехода к масштабным социокультурным обобщениям.

В 2005 году еще не была известна первая монография Назирова о Достоевском «К вопросу об автобиографичности романа Ф. М. Достоевского “Игрок”»⁶. Теперь

³ Назиров Р. Г. Герои романа «Идиот» и их прототипы // Рус. литература. 1970. № 2. С. 114—121.

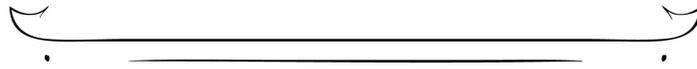
Достоевский и романтизм // Проблемы теории и истории романтизма: сборник памяти профессора А. Н. Соколова. М., 1971. С. 346—357.

Trois duels (Balzac, Lermontov, Dostoievski) // Cahier de L’Herne — Dostoïevski. Paris, 1973. P. 279—287.

⁴ Назиров Р. Г. О противоречиях в отношении Достоевского к социализму // Народ и революция в литературе и устном народном творчестве. Уфа, 1967. С. 130—149.

⁵ Назиров Р. Г. Об этической проблематике повести «Записки из подполья» // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 143—153.

⁶ Назировский архив. 2013. № 1. С. 9—93.

же очевидно, что проблема прототипов интересовала Назирова с самого начала его научного пути, и ее решение находилось в тесной связи с переосмыслением господствующего в советском литературоведении. С другой стороны, еще одна недавно опубликованная архивная находка — «Материалы к монографии о романе Ф. М. Достоевского “Бесы”» — показывает, что социокультурный контекст уже в 1970-х годах был для Назирова одним из средств достижения целостности философского обобщения. Равно то же самое можно сказать и о привлекаемых в таких работах литературных аналогиях: типологические и даже генетические связи текстов Назирову важны здесь только как средства интерпретации текста, стоящего в центре его внимания. Поэтому отсутствие статей о прототипах в этом сборнике вполне понятно.

Однако стройность этой модели разрушается тем, что в книгу вошли некоторые статьи, которые еще менее могут быть «заподозрены» в сравнительно-исторической «ориентации»: «Жесты милосердия в романах Достоевского», «Вражда как сотрудничество», «Семантика движения в романах Достоевского». Декларируемый в названии издания подход в них присутствует, но, безусловно, как дополнительный по отношению к герменевтическому *растолковыванию* текста Достоевского. Если в сборник помещены эти труды, почему в нем нет, к примеру, «Проблемы художественности Ф. М. Достоевского» или «Юмора Достоевского»? В них исторический фон и широкие типологические связи играют, в общем, схожую роль.

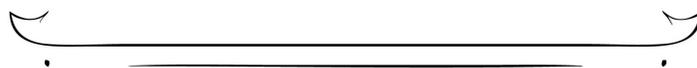
Подчеркнем, что все сказанное нисколько не умаляет достоинств издания, заслуженно (по причине ценности публикуемого) и закономерно (тираж 200 экземпляров) ставшего большой библиографической редкостью. Более того, мы считаем, что эта книга остро нуждается в переиздании, разумеется, в переработанном и расширенном виде, с учетом найденных в архиве рукописей, а также с необходимым историческим и биографическим комментарием.

⁷ Назиров Р. Г. Юмор Достоевского // Русская литература 1870-1890-х гг. Сб. 10. Свердловск, 1977. С. 46—55; Назиров Р. Г. Проблема художественности Ф. М. Достоевского // Творчество Достоевского: искусство синтеза / под ред. Г. К. Щенникова, Р. Г. Назирова. Екатеринбург, 1991. С. 125—156.

Библиография

Дополнения к библиографии
Р. Г. Назирова

Труды Р. Г. Назирова

1. Назиров, Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь [Текст] / Р. Г. Назиров. — Уфа: Полиграфкомбинат, 2014. — 292 с.
2. Назиров, Р. Ленинградская тетрадь. Фрагменты дневника. Ленинград, лето—осень 1952 года. Публикация, вступление, комментарии Ирины Розиной и Марии Рыбиной // Нева. — 2014. — №6. — 168—188.

О Р. Г. Назирове

1. Шуганов, Ю. М. Две исповеди [Текст] / Ю. М. Шуганов. — Уфа: Инеш, 2013. — 136 с.
О Р. Г. Назирове: с. 4—7, 13, 16, 17.

Правила для авторов

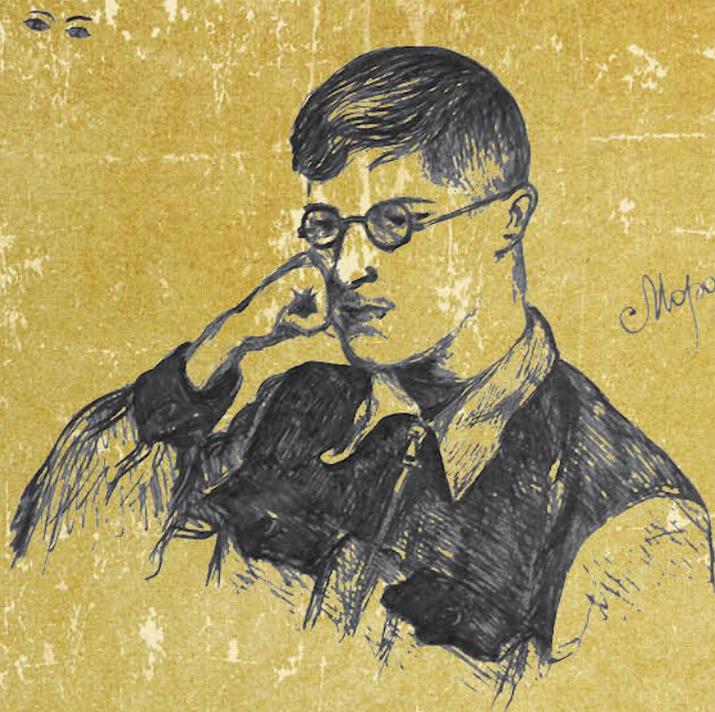
Рукописи в машиночитаемом виде представляются в редакцию по электронной почте nevmenandr@gmail.com. Во избежание недоразумений авторам предварительно следует ознакомиться со статьёй о принципах и целях издания (2013 № 1) до того, как посылать текст на рассмотрение редакции. Непрофильные статьи приняты к публикации не будут.

Ссылки на литературу оформляются в виде постраничных сносок. Фамилия автора цитируемой работы выделяется курсивом. Между названием работы и местом издания, а также между годом издания и страницами тире не ставится.

Вместе с представляемым в редакцию текстом следует прислать и сведения об авторе, включающие фамилию, имя, отчество, аффилиацию.

Вопрос о публикации в журнале будет рассмотрен после внутриредакционного рецензирования.

Публикация в журнале бесплатная.

НАЗИРОВСКИЙ
АРХИВ

Цена: 14 руб. 50 коп.